

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.И. Садов

Лактанций

Опубликовано:

Христианское чтение. 1892. № 1-2. С. 103-130.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Л а к т а н ц і й.

(Биографическій очеркъ).

О многихъ древнихъ, какъ и позднѣйшихъ, писателяхъ можно сказать, что внѣшними событіями жизнь ихъ была небогата, въ особен-ности по сравненію съ ихъ литературными трудами, что преобла-дающее значеніе въ жизни этихъ писателей, какъ и сами они за-являютъ иногда, имѣла литературная дѣятельность и что эта же дѣятельность должна получить центральное мѣсто и въ ихъ биогра-фіи. Тоже самое почти можно сказать и о Лактанціѣ, съ одной лишь оговоркой относительно внѣшнихъ событій въ его жизни. Утверждать, что внѣшнихъ событій немного было въ жизни Лак-танція, нѣтъ основаній. Но эти событія вполнѣ пока неизвѣстны, и такимъ образомъ дѣло сводится, въ сущности, къ тому же. При изученіи Лактанція также нужно больше и прежде всего имѣть въ виду его литературные интересы, тѣмъ болѣе, что эти интересы и въ глазахъ Лактанція имѣли первенствующее значеніе.

Прямыхъ историческія данныя о Лактанціѣ довольно малочис-ленны и неполны ¹⁾. Оттого многіе существенные въ биографіи

¹⁾ Биографическія, историко-литературныя и инныя свѣдѣнія о Лак-танціѣ почерпаются отчасти изъ сообщеній о немъ, впрочемъ очень немногихъ и часто состоящихъ всего изъ нѣсколькихъ и даже изъ одного слова, въ сочиненіяхъ и отзывахъ болѣе или менѣе близкихъ къ его времени церковныхъ писателей и дѣятелей, именно Іеронима въ хро-никѣ (Chron. ad a. Abr. 2333) (Migne, Patrol. curs. compl., series lat., t. XXVII, col. 670), въ соч. о знаменитыхъ людяхъ (De vir. ill. c. 80),

Лактанція пункты могутъ быть хотя отчасти выяснены и выясняются лишь путемъ разныхъ сопоставленій и при помощи не прямыхъ данныхъ. Таковы вопросы о родинѣ Лактанція, о времени его рожденія, о семьѣ, въ которой онъ родился, его полномъ имени и многомъ другомъ ¹⁾).

Какъ прямая данныя о Лактанціѣ, такъ и добываемыя посредствомъ разныхъ соображеній заключенія о немъ изложены въ существующихъ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ и замѣткахъ о Лактанціѣ или не вездѣ достаточно полно, или не всегда точно. На-

въ комментарий на Екклезіаста (Comment. in Eccles. cap. X), (срав. Migne, VI, col. 77D—79A), на посланіе къ Галатамъ (Comm. in ep. ad Gal. Opp. ed. Vall. 7, 1, 426, Migne, t. XXVI, col. 553CD), къ Ефесянамъ (comm. in ep. ad Ephes. 4, 26, Opp. 7, 1, 628 Vall., Migne t. XXVI, col. 510C.), въ письмахъ къ Павлину (Epist. 58. 10 ad Paulin., Migne, t. XXII, col. 585), къ Магну (Epist. 70, 5 ad Magnum. Migne, t. XXII, col. 668), къ Паммахію и Оцеану (ad Pammach. et Oc. въ Hier. epist. 84, 7, Migne, t. XXII, col. 748),—у Августина (напр. въ De doctr. christ. II, 61 (III, 1, p. 42 F. Maur.), у папы Дамаса (Hier. opp. ed. Vall. 1, 1, 159, Migne, XXII, col. 451—452), папы Геласія, въ его декретѣ de recipiendis et non rec. libris, (Migne, LIX, 163 AB; Brandt, Ueber d. Leben des Lactantius, 10—11); епископа Евхерія въ письмѣ къ Валеріану, (Migne, t. L, col. 719A), Сидонія Аполлинариса, въ письмѣ къ Кладіану (epist. lib. IV, ep. 3, Migne LIII, 782C); [о сообщеніяхъ о Лактанціѣ у позднѣйшихъ писателей см. Migne, VI 79B сл.].
 Болѣе важнымъ источникомъ біографическихъ и иныхъ свѣдѣній о Лактанціѣ, какъ и о многихъ другихъ древнихъ писателяхъ, служатъ его собственныя сочиненія, въ которыхъ разсѣяно нѣсколько цѣнныхъ сообщеній апологета о самомъ себѣ, хотя впрочемъ тоже не многочисленныхъ: Лактанцій не распространяется о своихъ личныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ. При такого рода данныхъ о жизни Лактанція многое въ этой жизни, естественно, остается неяснымъ, почему изслѣдователямъ приходится обращаться къ косвеннымъ пособіямъ и недостатку прямыхъ свѣдѣній о жизни этого церковнаго писателя восполнять болѣе или менѣе вѣроятными соображеніями и догадками, основанными на историческихъ и иныхъ данныхъ объ эпохѣ, въ которую жилъ Лактанцій, и о людяхъ, имѣвшихъ въ ту пору значеніе или соприкасавшихся съ нимъ.

¹⁾ Известный Вальхъ, касаясь одного частнаго вопроса относительно Лактанція, замѣтилъ: *sententias simulare, quae nitantur coniecturis, non necesse est* (Walchii Diatribe de Lactantio etc., p. 4). Но если бы строго держаться этого правила, то о жизни Л. не пришлось бы совсѣмъ и говорить, оставляя безъ всякаго отвѣта и даже и въ малой мѣрѣ не удовлетворяя естественныхъ и незаглушимыхъ запросовъ мысли.

стоящій очеркъ, вызванный потребностью пересмотра вопроса о жизни этого писателя, въ связи съ посвященною ему литературою, представляетъ опытъ свода главнѣйшихъ данныхъ и наиболѣ существенныхъ выводовъ о немъ, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ предположеній, поправокъ, дополненій и ограниченій къ тому, что изложено въ существующей литературѣ о Лактанціи ¹⁾.

¹⁾ Въ дальнѣйшемъ изложеніи имѣются въ виду и дѣлаются ссылки на слѣдующія изслѣдованія и статьи о Лактанціи:

I. G. Walchii Diatribe de Lactantio въ Вальховомъ изданіи Лактанція, Lipsiae, 1715.

Lactantii vita въ изд. Migne, Patr. lat., VI, 75.C sqq. и біографическія замѣчанія въ Praefatio Nicolai Lenglet Dufresnoy in Lactantium—нѣсколько выше.

Excerpta de vita Lactantii въ изданіи Бюнеманна 1739 г.

Замѣтки о жизни и литературныхъ трудахъ Л., изложенныя въ notes разныхъ комментаторовъ на соч. Л., напр. Josephi Isaaci въ Migne VI, 883 слл., Stephani Balusii въ M. VII, 299B слл. и проч.

J. Chr. F. Baehr. Gesch. d. Röm. Lit., I Band, 4 Aufl. 1868,—Supplement—Band, Die christlich-römische Literatur, II Abth. Carlsruhe, 1837, S. 72 folg.

Его же статья о Лакт. въ Pauly Real-Encycl., IV Bd. (1846), S. 717—718.

Möhler, Patrologie, 1840, I, 917 сл.

Ch. Leuillier, Études sur Lactance, Beauvais, 1846, p. 3—7.

Overlach, Die Theologie des Lactantius, Schwerin, 1858, S. 1 ff.

P. Bertold, Prolegomena zu Lactantius, 1861, S. 5 folg.

Jansen, Des Firmianus Lactantius Leben und Schriften, въ Bibliothek der Kirchenväter, Auswahl d. vorzügl. patrist. Werke, hrsg. v. V. Thalhoffer, Bändch. 154, 178 и 188.

A. Ebert, Gesch. d. chr.-lat. Literatur, 2 Aufl., Leipzig, 1889, S. 72 ff. Тоже изданіе имѣется въ виду и при другихъ ссылкахъ на Эберта.

W. S. Teuffels, Gesch. d. R. Lit., neu bearb. von L. Schwabe, 5 Aufl., 1890, § 397, S. 996 ff. Срав. въ Vorwort. S. VI, сообщеніе издателя о помощи ему Ф. Г. Рейша (F. H. Reusch) по отношенію къ патристической литературѣ.

S. Brandt, Ueber das Leben des Lactantius, Wien, 1890 и Prolegomena къ его изданію первой части сочиненій Лактанція, pag. VII. Изслѣдованія Брандта составляютъ трудъ капитальный.

Журнальныя статьи и иныя изслѣдованія, на которыя дѣлаются указанія, цитуются въ подлежащихъ мѣстахъ вполне.

Изъ русскихъ изданій цитуются кратко:

Избранныя мѣста изъ лат. христіанскихъ писателей до VIII вѣка. Составилъ И. Помяловскій. 1878.

Гдѣ родился Лактанцій?—Вопросъ этотъ находится въ связи съ вопросомъ о полномъ имени Лактанція, и отвѣтъ на него отчасти зависитъ отъ такого или иного рѣшенія послѣдняго вопроса, почему необходимо сначала коснуться имени писателя.

Блаженный Иеронимъ и Августинъ называютъ Лактанція просто или Лактанціемъ или Фирмианомъ, и только въ одномъ мѣствѣ у Иеронима употреблены рядомъ оба эти названія; другихъ наименованій его у названныхъ отцовъ не встрѣчается; Евхерій называетъ его Фирмианомъ. Отсюда Селье заключалъ, что у Лактанція и не было другихъ именъ. Въ подтвержденіе же такого своего взгляда онъ ссылаясь на свидѣтельства бывшихъ ему извѣстными девяти манускриптовъ туринской бібліотеки и одного болонскаго, очень древняго, по его словамъ. Такой взглядъ въ настоящее время можетъ имѣть, конечно, лишь чисто историческій интересъ ¹⁾.

Вопросъ объ именахъ Лактанція рѣшается ²⁾ прежде всего сви-

Избранныя мѣста изъ соч. Лактанція *Inst. Div.* Составилъ М. Гурьевъ. 1889.

Текстъ писателя приводится по изданію въ *Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum, editum consilio et impensis Academiae litterarum Caesareae Vindobonensis, vol. XIX, pars I (Divinae Inst. et Epitome Div. Inst., rec. Samuel Brandt, 1890),* и въ *Patrologiae cursus completus, accurante Migne, series latina, tom. VI—VII (1841).*

¹⁾ Придавая въ данномъ случаѣ рѣшающее значеніе тому обстоятельству, что у Иеронима и другихъ встрѣчаются лишь указанные имена Лактанція, названный исследователь очевидно упустилъ изъ виду обычную у римлянъ манеру называть латинскихъ писателей, при ссылкахъ на нихъ, не полнымъ ихъ именемъ, а только тѣмъ ихъ именемъ, подъ которымъ они были наиболее извѣстны своимъ согражданамъ *), подобно тому, какъ и новые народы своихъ извѣстнѣйшихъ писателей, а равно и другихъ видныхъ дѣятелей называютъ лишь однимъ изъ ихъ «именъ», если употребить старое выраженіе, или одною ихъ «фамиліей», если пользоваться новой терминологіей. И римскіе поэты и римскіе прозаическіе авторы, на протяженіи всей исторіи римской литературы, какъ и позднѣе, были называемы обыкновенно только однимъ изъ трехъ или четырехъ, формально принадлежавшихъ имъ именъ, и уже гораздо рѣже двумя именами. Этому обычаю слѣдуетъ и Лактанцій.

²⁾ Нѣкоторые изслѣдователи обходятъ этотъ вопросъ. О. Fr. Fritzsche, въ *praefatio* къ первой части своего изданія, придавши Лак-

*) И въ обыденной жизни полное имя не употреблялось. См. Marquardt, *Privatleben d. Römer*, S. 11—12.

дѣтельствомъ рукописей. По указаніямъ послѣднихъ, личное имя Лактанція было Луцій (Lucius) ¹⁾ и относительно этого предмета разногласій нѣтъ. Споръ объ именахъ Лактанція прежде всего относится къ его родовому имени, и вызванъ онъ, какъ замѣчаетъ Брандтъ въ своихъ Prolegomena, p. VII ²⁾, тѣмъ, что Балюзій, приписавшій Лактанцію книгу „О кончинахъ гонителей“, въ надписани которой стоитъ — Lucii Caecilii, призналъ нужнымъ дать

танцію наименованіе Firmianus Lactantius, дѣлаетъ затѣмъ по этому поводу такое замѣчаніе: Quae nomina Lactantio fuerint, aegre dixeris. Secutus sum plerosque libros scriptos; reliquorum haec potissimum est discrepantia, ut alii inverso ordine exhibeant L. F., quidam nomina praemittant Lucius Coelius vel L. Caecilius. Est haec res alicuius momenti. Но дальше этого замѣчанія издатель не пошолъ. Любопытно, что въ изданіи Fritzsche въ титулѣ значится: Firmiani Lactantii, а на каждой страницѣ вверху текста—Lactantii Firmiani. Чѣмъ вызвана была эта непослѣдовательность? Неувѣренностью? Намѣренна она или случайна?

¹⁾ Какъ у насъ имена даются иногда по нѣкоторымъ особеннымъ основаніямъ и нареченіе дитяти тѣмъ или другимъ именемъ пріобрѣтаетъ чрезъ то особенный смыслъ, такъ и у язычниковъ личныя имена давались иногда по особеннымъ соображеніямъ. По объясненію въ Pauli Diaconi excerpta ex lib. Pomp. Festi de signif. verb. lib. x (Lindemannus, Corpus gramm. lat. vet., t. II, Lips. 1832, p. 89), Lucius praenomen est eius qui primum fuit, quia luce oriente natus est. И дальше: Manius praenomen dictum est ab eo, quod mane quis initio natus sit, ut Lucius, qui luce. Въ двухъ объяснительныхъ замѣчаніяхъ къ слову Lucius, приведенныхъ въ названномъ изданіи (pag. 478), сказано: Lucius. Qui oriente luce natus (Dac.), и затѣмъ: idem Varro de L. L. V. circa principium (VI, p. 185. Sp.) (Goth.). Сравн. ibid. pag. 505 въ комм. къ слову Manius: «Varro lib. VIИ (p. 500. St.): Forsitan ab eo, qui mane natus diceretur, ut is Manius esset, ut qui luci, Lucius. Срав. въ Marquardt, Priv.—L. d. R., S. 10, A. 2 выдержку изъ Mommsen Röm. Forsch I, 43: Der Bedeutung nach geben die Praenomina, so weit sie verständlich sind, der grossen Mehrzahl nach, entweder die Umstände der Geburt an, z. B. Lucius, Manius, der am Tage, am Morgen geborene, etc. Можно догадываться, что такое же значеніе имѣло и имя Лактанція «Lucius».

²⁾ Срав. Ueber das Leben d. L., 3. Брандтъ въ Prolegomena, въ нѣкоторыхъ частностяхъ, отстуетъ отъ изложенія своихъ мыслей въ Ueber das Leben d. L. Для болѣе точнаго опредѣленія времени, когда были изданы эти изслѣдованія Брандта, сравн. дату въ Ueber d. L., 42: «ausgegeben am 7 Februar 1890» и Брандтово дополнительное сообщеніе на стр. 41,—и дату въ Proleg. p. CIX: «dabam Heidelbergae mense Martio a. MDCCCLXXX».

Лактанцію и имя Цецилія. Этотъ вопросъ рѣшается, хотя и не окончательно, свидѣтельствами рукописей: въ древнѣйшихъ и лучшихъ изъ этихъ рукописей Лактанцій называется Целіемъ (Caelius)¹⁾. Къ этому присоединяется еще то соображеніе, что имя „Цецилій“ было переписчикамъ гораздо знакомѣе, чѣмъ „Целій“, потому что церковь католическая въ числѣ святыхъ почитаетъ не мало Цециліевъ, между тѣмъ какъ съ именемъ „Целій“ есть только одинъ святой—Целій Седулій, и—слѣдовательно—появленіе имени Цецилія въ нѣкоторыхъ спискахъ Лактанція объясняется весьма естественно²⁾. Принадлежность Лактанцію имени Caelius отчасти подтверждается, повидимому, и тѣмъ обстоятельствомъ, что извѣстному автору схолій на эпосъ Стація „Ойваиду“ было усвоено во многихъ рукописяхъ имя Caelius Firmianus Lactantius Placidus вслѣдствіе того, что этотъ схолиастъ смѣшивался съ апологетомъ³⁾. О томъ, что это былъ за родъ Целіевъ, къ которому принадлежалъ Лактанцій, ничего навѣрное сказать нельзя⁴⁾.

¹⁾ Безспорно, имя Caelius въ настоящее время является засвидѣтельствованнымъ несравненно лучше, чѣмъ имя Caecilius. Однако слѣдуетъ замѣтить, что сужденія Брандта, оцѣнивавшего *testimonia codicum*, нѣсколько рѣшительны. Свидѣтельство болонскаго кодекса VI—VII в. не можетъ имѣть такой же убѣдительной силы, какъ свидѣтельство кодекса, современнаго Лактанцію и тѣмъ болѣе вышедшаго изъ рукъ самаго автора. При ссылкѣ на одинъ изъ парижскихъ кодексовъ IX вѣка самъ же Брандтъ ставитъ предположеніе, что одно изъ свидѣтельствъ, здѣсь находящихся, принадлежитъ другой рукѣ. Вообще врядъ ли пока можно сказать, что *quaestio testimoniis codicum deciditur* окончательно (ср. Brandt, *Prolegomena partis prioris*, p. VII).

²⁾ Proleg., p. VII; Ueber d. L., 3, A. 2

³⁾ См. Teuffel - Schwabe, § 321, Anm. 10, S. 785. Изъ приведеннаго факта во всякомъ случаѣ слѣдуетъ, что въ то время, къ которому относятся указанныя рукописи, Лактанцію усвоилось имя Целія.

⁴⁾ Leuillier, который (p. 4) считаетъ имя Caelius родовымъ именемъ (le nom de famille), на основаніи принадлежности Лактанцію этого имени считаетъ возможнымъ предполагать, что Л. принадлежалъ къ извѣстному роду Целіевъ, игравшему довольно видную роль въ исторіи Рима. Важная должность, которую въслѣдствіи довѣрилъ Лактанцію Константинъ, до нѣкоторой степени оправдываетъ, по мнѣнію Лелье, эту мысль. Въ пользу ея указываетъ онъ еще на то, что, по его словамъ, въ нѣкоторыхъ манускриптахъ къ другимъ именамъ апологета присоединяется еще

Что касается одного из двух остальных имен писателя, именно Firmianus, то вопрос о немъ находится въ тѣснѣйшей связи съ вопросомъ о родинѣ Лактанція, къ которому и обратимся.

О мѣстѣ родины Лактанція не говоритъ ни одинъ изъ древнихъ писателей, какъ не упоминаетъ объ этомъ и самъ Лактанцій. Изъ словъ послѣдняго видно только одно, что онъ происходилъ изъ западной половины римской имперіи, такъ какъ римляне для него nostri, которыхъ онъ противопоставляетъ грекамъ (graeci) ¹⁾. Мѣсто родины Лактанція опредѣляется предположительно ²⁾. При этомъ мнѣнія расходятся. Значительная часть изслѣдователей склоняется къ мысли о происхожденіи Лактанція изъ Африки. Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго, и прежде всего — съ общей точки зрѣнія на развитіе римской литературы. Эта литература, еще въ періодъ республики, вслѣдствіе постепеннаго расширенія политическаго значенія Рима, болѣе и болѣе становившаяся обще-италійскою литературою, нѣсколько позже перешла и границы Италіи. Въ числѣ носителей и представителей ея больше и больше является уроженцевъ и питомцевъ римскихъ провинцій. Между послѣдними особенно выдвигаются римскія провинціи на сѣверѣ Африки. Кромѣ языческихъ писателей ³⁾ отсюда вышли Тер-

имя Calvus, принадлежавшее многимъ выдающимся членамъ рода Целіевъ. Предположеніе Лелье, очевидно, виситъ въ воздухѣ.

¹⁾ Divin. Inst. I, 5, 11 и др. (M. VI, 132A). Срав. Div. Inst. VII, 15, 11—12 (M. VI, 787A). Боль сердечная, съ которою говорить здѣсь Л. объ униженіи римскаго имени, повидимому свидѣтельствуется только о патриотизмѣ Л. и врядъ ли указываетъ на происхожденіе его.

²⁾ Вопросъ о родинѣ Л. возникалъ уже давно. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ декрета папы Геласія отъ 495—496 г. De recipiendis et non recipiendis libris, въ числѣ аросурфа, назывались opuscula Lactantii sive Africani sive Firmiani. Въ лучшихъ рукописяхъ нѣтъ словъ: sive Africani sive Firmiani (см. Brandt, Ueber d. L., 11), но въ нѣкоторыхъ — положимъ, и худшихъ — рукописяхъ они все же существовали. Отсюда видно не только то, что во время появленія этихъ рукописей или даже ихъ оригиналовъ уже существовалъ вопросъ о родинѣ Л., но и то, что этотъ вопросъ оставался нерѣшоннымъ ни въ ту, ни въ другую сторону.

³⁾ См. по этому предмету сводъ нѣкоторыхъ данныхъ въ Pauly Real-Encycl. d. cl. A.—Wissensch., V (1845), 738.

туллианъ, Кирианъ, Арнобій, а также, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Минуцій Феликсъ, — рядъ весьма видныхъ христіанскихъ писателей, къ которымъ позднѣе присоединился Августинъ. Въ этихъ писателяхъ, даннымъ римской литературѣ Африкою, причисляютъ нѣкоторые и Лактанція, основываясь на разныхъ соображеніяхъ и между прочимъ на разсмотрѣніи имени Лактанція — „Firmianus“. Въ довольно многочисленнымъ изслѣдователямъ, высказывающимся за африканское происхожденіе Лактанція, принадлежитъ и Брандтъ, новѣйшій издатель и изслѣдователь сочиненій этого автора.

Значительная часть другихъ древнихъ и новыхъ писателей о Лактанціѣ ¹⁾ держится мнѣнія о происхожденіи его не изъ Африки, а изъ Италіи, при чемъ самое имя Firmianus производятъ отъ названія города Firmum въ Пиценской области ²⁾, — и это мнѣніе имѣетъ за себя не мало оснований. Во всякомъ случаѣ его нельзя еще считать сданнымъ въ архивъ и имѣющимъ одинъ только историческій интересъ даже и послѣ направленной противъ него аргументаціи Брандта, какъ нельзя закрывать глаза (что иногда по видимому дѣлается) на слабыя стороны противоположнаго мнѣнія ³⁾.

¹⁾ Overlach, стр. 1—2, говоритъ: als Geburtsort (des Lactanz) hat man ...in neuester Zeit durchweg Italien angenommen. Bertold, S. 6, говоритъ, что der grössere Theil der neueren Historiker in Lactantius den eigentlichen Familiennamen, in dem Beinamen Firmianus aber das nomen patrium von dem alten Firmum im picentischen Gebiet erkennen wollen. По Брандту (Ueb. d. Leb., 5) in neuester Zeit kommt mehr und mehr die Meinung auf, Lactanz stamme aus Italien, und zwar aus Firmum in Picenum, dem heutigen Fermo. Обзоръ мнѣній прежнихъ изслѣдователей, высказывавшихся въ этомъ смыслѣ, данъ Брандтомъ l. c., отчасти Вальхомъ, р. 9 sqq. Относительно того же предмета есть новѣйшая брошюра Curi-Colvanni, L'origine fermana di Lattanzio, Fermo, 1890, но эта небольшая брошюра (12 р. по В. ph. cl., 1891, I) извѣстна автору настоящей статьи по одному заглавію.

²⁾ О другихъ производствахъ, о которыхъ можно сказать только то, что они оригинальны, см. Walchii Diatribe 10, 12, — Brandt, Ueb. d. L., 5, A. 1.

³⁾ Нѣкоторая слабость этого послѣдняго мнѣнія обнаруживается уже изъ общей постановки направленной въ защиту его аргументаціи. Вотъ сущность этой аргументаціи: такъ какъ Иеронимъ, въ соч. De vir. illustr., гл. 80, говоритъ, что Л. былъ ученикомъ Арнобія, который, по гл. 79, Siccae apud Africam былъ учителемъ риторикѣ, — что, далѣе,

Невозможность производства имени Firmianus отъ формы Fir-
mum можетъ быть признана доказанною, по основаніямъ, приве-
деннымъ еще у Оверлаха ¹⁾ и потомъ значительно дополненнымъ
въ изслѣдованіи Брандта, который ссылается на новую литературу
по этому предмету ²⁾. Но въ нѣсколько иномъ видѣ представляется
дѣло, если производить Firmianus отъ другой формы названія ука-
заннаго города. На эту сторону дѣла обращалось вниманіе уже
давно. Касается этого пункта и Брандтъ. На стр. 7 его бро-
шюры о жизни Лактанція читаемъ: „Конечно, тѣ вѣрно, чтѣ го-
ворить Мекки (Meschi) на стр. XI и 38 сл. (своего изслѣдова-
нія о Лактанціи и его родинѣ), что рядомъ съ греческой формой
Φίρμιον (у Страбона V, 4, 2) была и другая форма Φίρμιον (у
Птоломея III, 1, 52 (45), и что у единственнаго автора, кото-

отъ Л. сохранился «Symposium», quod, по словамъ Иеронима же, ado-
lescentulus scripsit Africae, и затѣмъ Ὀδοπορικόν Africa usque Nicome-
diam hexametris scriptum versibus, то ничего нѣтъ естественнѣе, какъ
признать, что Л. и родился въ той странѣ, въ которой жилъ совсѣмъ
еще молодымъ человѣкомъ. Такъ излагается этотъ взглядъ Брандтомъ
(въ Ueb. d. L., 5), который и самъ раздѣляетъ его. Также въ сущ-
ности аргументируютъ и нѣкоторые другіе защитники его (напр. Over-
lach, S. 2, De-Vit въ Onomasticon, II, 33, выражающійся впрочемъ
сдержанно, и Teuffel-Schwabe § 397, A. 1, S. 997, а еще раньше и
ихъ и Брандта такъ же разсуждалъ St. Baluzius (M. VII, 299). Но
изъ данныхъ, лежащихъ въ основаніи приведенной аргументаціи, слѣ-
дуетъ только то, что Лактанцій получилъ риторическое образованіе въ
Африкѣ, и совсѣмъ не вытекаетъ съ необходимостью заключенія, что
Африка была и его родиной. Блаж. Августинъ былъ африканецъ и
однако онъ находился одно время подъ руководствомъ св. Амвросія въ
Миланѣ, Квинтиліанъ родился въ Испаніи, но образованіе получилъ въ
Римѣ, и т. д. [На возможное при этомъ возраженіе словами автора Lac-
tantii vita въ Migne VI, 75C: nec mos fuit umquam Romanorum aut
Italorum Africam petere, ut eloquentiam aut scientias edocerentur, imo
Afri in Italiam disciplinarum aut artium discendarum ergo immigrabant
saepissime, можно отвѣтить замѣчаніемъ, что нѣтъ никакой необходи-
мости предполагать поѣздку Лактанція въ Африку именно съ образова-
тельными цѣлями. Онъ могъ отправиться туда съ своими родителями,
по обстоятельствамъ жизни послѣднихъ]. При томъ нужно полагать,
что свою первую юность провелъ Л. не у Арнобія, потому что у рим-
лянъ было не въ обычаѣ отдавать дѣтей съ самаго начала прямо рито-
рамъ, минуя другихъ учителей.

¹⁾ Overlach, 1.

²⁾ Brandt, Ueb. d. L., 6—7.

рый даетъ греческое названіе обывателей именно, у Плутарха, въ *Sato mai.* 13, дважды встрѣчается имя *Φιρμιανός*; эти *Φιρμιανός* принимаются здѣсь въ смыслъ *Firmana cohorts*, Liv. 44, 40, 6. На этомъ мѣстѣ, кромѣ другихъ ничтожныхъ основаній¹⁾, основываетъ Мекки свое положеніе, что *Firmitianus*, какъ *согномен* Лактанція, нужно производить отъ *Firmitum*. А чтобы еще болѣе оправдать эту форму имени, онъ долженъ прибѣгнуть къ совершенно невѣроятному предположенію, что Лактанцій принялъ это *согномен* въ греческой формѣ уже позднѣе, когда онъ жилъ въ Никомидіи, гдѣ говорили по гречески, подобно тому, какъ и Помпоній назвалъ себя *Аттикомъ* (*Atticus*). Подобнаго рода гипотезы, взятая изъ воздуха, въ основаніи которыхъ лежитъ еще недоказанное предположеніе, будто въ греческомъ языкѣ существовала только одна форма—*Φιρμιανός* и не было вмѣстѣ съ ней и формы *Φιρμιανός*,—не нуждаются и въ опроверженіи²⁾. Напрасно такъ пренебрежительно относится нѣмецкій ученый къ нераздѣляемому имъ мнѣнію, не считая его даже заслуживающимъ опроверженія. Предположеніе Мекки на счетъ того, что Лактанцій принялъ (допустимъ—греческую) форму имени—*Firmitianus* въ бытность свою въ Никомидіи, во всякомъ случаѣ не болѣе невѣроятно, чѣмъ и Брандтова голословная, ничѣмъ не подтверждаемая, критика этого предположенія. Затѣмъ, развѣ не могло и у римлянъ существовать формы *Firmitum*, кромѣ формы *Firmitum*, какъ существовали у грековъ формы *Φίρμιον* и *Φίρμιον*³⁾? И откуда всего естественнѣе сами греки могли взять свою форму *Φίρμιον*, какъ не у римлянъ?

Но если могла существовать форма *Firmitum*, то возможно ли производство имени *Firmitianus* отъ *Firmitum*?—*Оверлахъ*, который

¹⁾ Объ этихъ безусловно слабыхъ (*nichtigen*) основаніяхъ Брандтъ дѣлаетъ слѣд. замѣчаніе: «Не вѣрна ссылка на Ливія (безъ указанія мѣста) въ подтвержденіе формы *Firmitianus* у Мекки стр. XI, прим. 1; и стр. 39; совершенно ненадежна (*unsicher*), какъ указываетъ самъ Мекки на стр. XII, подпись епископа подъ актами латеранскаго собора 649 г.; примѣры же изъ времени возрожденія (Мекки стр. XII сл.) не доказываютъ ничего».

²⁾ Brandt, Ueber das Leben d. L., 7.

³⁾ См. *Onomasticon de-Vit*, s. v. *Firmitum*.

самое это названіе Firmium считаетъ сомнительнымъ ¹⁾ замѣчаетъ, что отъ этого слова, по аналогіи съ именами мѣстъ на—ium, могло бы быть образовано прилагательное только въ видѣ Firmius или Firmiensis. Къ этому онъ прибавляетъ, что форма Brundisianus отъ Brundisium, какъ противная всякой аналогіи, не надежна ²⁾. Справки съ lexica не оправдываютъ этихъ рѣшительныхъ словъ Оверлаха. Авторъ настоящей статьи пересмотрѣлъ довольно надежный лексиконъ Клотца и нашелъ, что даже въ этомъ лексиконѣ, назвать который полнымъ нельзя, для разсматриваемой формы есть аналогіи. Въ лексиконѣ Клотца указана издателемъ словаря (s. v. Amorianus), по Muratori inser. 1016, 8, слово Amorianus, съ значеніемъ „aus Amorium in Phrygien“; относитъ же самаго города сказано: „Amorion od. Amorium, Stad in Phrygien“, при чемъ сдѣлана ссылка на tabula Peutingeriana (Amorianus, adject. ab Amorium, съ значеніемъ ad Amorium pertinens, указывается и въ Onomasticon de-Vit). Затѣмъ, въ томъ же словарѣ и также самимъ Клотцемъ приведено слово Antianus, а, um, съ значеніемъ „zur Stadt Antium gehörend“, и сдѣлана ссылка на Cic. ap. Non. (Antianus значитъ и въ De-Vit Onomasticon, при чемъ приведено нѣсколько цитатъ). Тамъ же значитъ: Summoenianus, а, um, von der Mauer her, при

¹⁾ Die unsichere Lesart Firmium, welche sich vereinzelt bei Ptolemaeus findet. Overlach, 1. Сравни. Walchii Diatr., 12: Ptolemaeus—posuit Φίρμιον. Quamvis Vossius de Historicis latinis opere libr. II, c. 7, p. 192: «Lactantius, cui patria Firmum Picenum (Φίρμιον corrupte vocatur in codd. Ptolemaei) Diocletiani temporibus docuit Rhetoricen Nicomediae»; tamen non video, ob quam causam asserat, scripturam hanc male sanam esse.

²⁾ Brundisianus von Brundisium (vgl. Scheller) ist, weil gegen alle Analogie, jedenfalls unhaltbar. Въ лексиконѣ Клотца (Handwörterbuch der lat. Spr., hrsg. von Klotz, 6-er Abdruck, 1879) слово Brundisianus признается и дѣлается ссылка на Plin. 32, 6 (21), 61. Георгесъ это мѣсто у Плинія приводитъ въ подтверженіе формы Brundisinus, въ приложеніи въ данномъ мѣстѣ къ слову ostrea. De-Vit въ Onomasticon tom I, pag. 762, s. v. Brundisium, говоритъ de derivato Brundisinus, pro quo in antiquis MSS. et editis libris aliquando legitur Brundusinus, Brondisius vel Brundisianus, ut — прибавляетъ лексикографъ—suo loco adnotavimus.

чемъ процитованъ Mart. 3, 82, 2 и 11, 61, 2; относительно же Summoenium, отъ котораго происходитъ это прилагательное, замѣчено: hinter der Mauer, eine Gegend in Rom. Этотъ примѣръ, конечно, не вполне подходитъ къ настоящему случаю, но отчасти все же подходитъ: образованіе прилагательнаго отъ названія мѣстности представляетъ аналогію съ вышеуказаннымъ производствомъ прилагательныхъ отъ названій городовъ. Приведенное объясненіе реченій Summoenianus и Summoenium принадлежитъ одному изъ сотрудниковъ лексикографа, Фр. Любкеру. Сюда же относится слово Tritianus, а, im, производимое тѣмъ же Любкеромъ предположительно отъ Tritium (Τρίτιον), St. in Hispania Tarraconensi im Gebiete der Autrighoner, съ ссылкой на Plin. 3, 3 (4), гдѣ упоминается этотъ городъ, и на Plin. 19, 8 (41), гдѣ встрѣчается указанное прилагательное. Приведенныхъ примѣровъ, подтверждающихъ возможность производства имени Firmianus отъ названія города Firmium, немного, но и ихъ оставлять безъ вниманія нельзя, особенно если принять въ соображеніе допущеніе даже такъ наз. ἀπαξ λεγόμενα, а также и то, что слова, которыя признавались встрѣчающимися въ римской литературѣ только одинъ разъ, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказываются иногда употребленными гораздо больше разу ¹⁾. Если бы даже въ существующей древне-латинской литературѣ и въ основанныхъ на ней лексиконахъ и не встрѣчалось производныхъ именъ, оканчивающихся на—ianus, отъ именъ городовъ на—ium, то это еще не давало бы права заключать, что такихъ производныхъ никогда не было и быть не могло: всей существовавшей когда-то латинской литературы не сохранилось и оттого всѣхъ латинскихъ словъ, которыми пользовались италійцы, мы не знаемъ и, конечно, никогда не узнаемъ, хотя число извѣстныхъ словъ трудами изслѣдователей постоянно увеличивается. Затѣмъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что Firmanorum Castellum или Firmum Castellum носить у италіянецевъ названіе Firmiano ²⁾. Это обстоятельство пріобрѣтаетъ

¹⁾ См., напр., Georges, Ausführl. lat.—d. Handwörterb., VI Aufl., Vorrede, S. VI—VII.

²⁾ G. A. Saalfeld, Deutsch-Latein. Handbüchlein der Eigenamen etc.

особенное значеніе, если примемъ въ соображеніе, что, разъясняя вопросъ о Firmium-Firmitum, мы имѣемъ дѣло съ фонетикой латинской уже второй половины 3 вѣка, когда вульгарная латынь и вульгарное произношеніе больше и больше распространялись и усиливались и когда, слѣдовательно, нѣкоторыя латинскія имена городовъ могли уже явиться въ формѣ, напоминающей соответствующія итальянскія названія.

Брандтъ, не придающій значенія тѣмъ историческимъ даннымъ и соображеніямъ въ пользу указанной этимологіи имени Firmianus, которыя были ему извѣстны, признаетъ вѣрнымъ то объясненіе этого имени, которое уже давно предложено было Гейманомъ (Heumann) и по которому Firmianus есть производное имя отъ имени Firmus. „Надписи во множествѣ представляютъ примѣры такихъ образованій: Flaccus Flaccianus, Florus Florianus, Fuscus Fuscianus... Cognomen Firmus не рѣдко; въ африканскихъ надписяхъ (CIL. VIII), представляющихъ для насъ особенный интересъ въ вопросѣ о Лактанціѣ, оно встрѣчается разъ 15. Быть можетъ, отецъ Лактанція носилъ это cognomen, какъ, напримѣръ, въ надписи, приведенной въ Marquardt-Mommsen Handbuch d. röm. Alterthümer, VII² S. 24, Anm. 5, третій сынъ нѣкоего М. Косинія Приска (M. Cosinius Priscus) носитъ имя М. Косинія Присциана (M. Cosinius Priscianus). Но, быть можетъ, это имя Firmianus есть дальнѣйшее развитіе родового имени матери Лактанція, подобно тому, какъ сынъ Флавія Сабина и Веспасіи Поллы (Vespasia Polla) получилъ имя Т. Флавія Веспасіана (T. Flavius Vespasianus). Въ такомъ случаѣ, въ качествѣ родового имени матери нужно предположить часто встрѣчающееся вездѣ, засвидѣтельствованное и для Африки (CIL. VIII, 730; 2586.34; 3667; 4981—Firmia) имя Firmius. Но сверхъ того возможно и производство отъ имени другихъ родственниковъ или другихъ близкихъ людей (срав. Marquardt, указ. соч., стр. 25). Имя Firmianus можно указать много разъ: въ

(Leipz. 1885), Sp. 172. Сравн. относительно castellum Firmanorum словарь Georges s. v. Firmum (Auführ. Lat.—D. Handwörterbuch, 5-te Aufl., 1869).

верхней Италиі—CIL. V. 4449.19. 5068. 5633, въ средней Италиі CIL. IX. 1038. 1656 M. Tanonius Firmianus; въ равнше указанныхъ примѣрахъ, въ отличіе отъ послѣдняго, трехъ именъ не содержится. Изъ Испаніи есть имя въ CIL. II, 4568. Но—замѣчательно—именно Африка даетъ сравнительно большее число примѣровъ, въ которыхъ Firmianus стоитъ на третьемъ мѣстѣ въ качествѣ cognomen. CIL. VIII. 7241: L. Caecilius Firmianus, въ надгробной надписи одного 25-ти-лѣтняго молодого человѣка,—по игрѣ случая, совершенно тоже имя, которое желалъ Валюзій дать Лактанцію; 2569.11: C. Pompeius Firmianus, по прямому указанію—изъ Ламбѣза (Lambaesis)...; изъ Мавританіи 8551: Q. Considius Firmianus, въ надгробной надписи одного 23-х-лѣтняго молодого человѣка. Ужели и всѣ эти люди—изъ Фирма (Firmum), какъ, по Мекки, слѣдовало бы утверждать, вопреки фактамъ (den Thatsachen zum Trotz)? Еще называется епископъ провинціи Нумидіи Фирмианъ (Firmianus) въ спискѣ епископовъ, собравшихся на совѣщаніе въ Каррагенъ въ 484 г., въ Victor Vitensis ed. Petschenig p. 119, 6. Такимъ образомъ является совершенно простое и вполне надежное объясненіе (eine ganz einfache und völlig sichere Erklärung) имени „Фирмианъ“, между тѣмъ какъ, напротивъ, производство этого имени отъ Firmum противорѣчитъ всѣмъ фактамъ и аналогіямъ (allen Thatsachen und Analogien). Быть можетъ, прибавляетъ Брандтъ, мое опроверженіе этого взгляда покажется излишне обстоятельнымъ, но, въ виду обнаружившагося въ послѣднее время предпочтенія италійскаго происхожденія Лактанція, оказалось нужнымъ въ точности изложить частнѣйшія основанія и доказательства въ пользу защищаемаго здѣсь взгляда“¹⁾.

Брандтъ безспорно подыскалъ и сгруппировалъ немало новыхъ основаній въ защиту раздѣляемаго имъ взгляда и, сравнительно съ другими изслѣдователями, посвящавшими свой трудъ тому же предмету, хорошо обставилъ свое мнѣніе, притомъ доказательствами

¹⁾ Brandt, Ueber d. Leben d. L., 8—9.

очень вѣскими, именно лапидарными. Но отсюда еще далеко до признанія взгляда, который Брандтомъ отстаивается, несомнѣнно правильнымъ. Нѣмецкій ученый напрасно называетъ свое объясненіе имени Firmianus вполне надежнымъ. О недостаточной надежности его свидѣтельствуется уже одно то, что Брандтъ далъ цѣлыхъ три частнѣйшихъ объясненія происхожденія имени Firmianus, хотя и объединяемыхъ одною общою точкою зрѣнія, и всѣ эти три объясненія призналъ возможными. Слишкомъ много сказалъ онъ и тогда, когда призналъ защищаемый имъ взглядъ „вполнѣ простымъ“, а отвергаемый — „противорѣчащимъ всѣмъ фактамъ и аналогіямъ“. Брандтъ не представилъ подробнаго опроверженія не раздѣляемаго имъ взгляда, хотя и считаетъ свое опроверженіе даже слишкомъ обстоятельнымъ, чѣмъ значительно ослабилъ силу своей аргументаціи. Взглядъ его, конечно, правдоподобенъ, даже весьма правдоподобенъ, но и только ¹⁾.

Доказывая африканское, а не италійское происхожденіе Лактанція, Брандтъ основывается еще на усвояемомъ Лактанцію имени „Цѣлій“ и при этомъ предлагаетъ слѣдующее соображеніе: „Родовое имя Цѣлій (Caelius, Coelius) въ африканскихъ надписяхъ встрѣчается необыкновенно часто; указатель относящагося сюда VШ

¹⁾ Въ указанномъ отношеніи взглядъ Брандта можно отчасти сравнить съ взглядомъ Оверлаха. Находя неосновательнымъ видѣть въ имени Firmianus указаніе на мѣсто родины Л., Оверлахъ считаетъ естественнымъ и легкимъ сдѣлать такое предположеніе: въ имени Firmianus заключается указаніе на то, что подлинное имя Лактанція было Firmius и что онъ былъ усыновленъ нѣкимъ Луціемъ Цѣліемъ (Overlach, 1). Опираясь, очевидно, на значеніе нѣкоторыхъ именъ, оканчивающихся на —anus, когда эти имена принадлежатъ лицамъ, переходящимъ изъ одного рода въ другой, и имѣя въ виду примѣры такихъ лицъ, какъ P. Cornelius Scipio Aemilianus Africanus minor, Оверлахъ полагаетъ, что Л. сначала назывался Фирміемъ, но потомъ, когда какой-то Луцій Цѣлій усыновилъ его, онъ принялъ имя усыновившаго его лица и сталъ также и самъ называться Луціемъ Цѣліемъ, какъ это обыкновенно бывало въ подобныхъ случаяхъ, присоединивъ къ этому имени, также по обычаю, и прежнее свое (родовое?) имя съ прибавленіемъ къ нему окончанія —anus. Этого предположенія, съ общей точки зрѣнія, невѣроятнымъ назвать нельзя, но и въ подтвержденіе его никакихъ положительныхъ данныхъ изъ имѣющихся свѣдѣній о Л. привести тоже нельзя.

тома *Corpus* даетъ для формы *Caelius* выше ста, для *Coelius*—пятнадцать примѣровъ, которые можно еще увеличить на основаніи данныхъ въ V и VII томахъ *Ephemeris epigraphica*. Съ другой стороны, въ *Firmum* встрѣчается это имя только на одной надписи на кирпичѣ—*T. Coeli* въ *CIL. IX 6078,63*, между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ Пицена и въ остальныхъ средне-и ниже-италійскихъ мѣстностяхъ, которымъ посвященъ IX томъ *Corpus*, Цэліи не рѣдки¹⁾. Что же отсюда слѣдуетъ? Ужели изъ того факта, что до XIX столѣтія не сохранилось надписей, свидѣтельствующихъ объ употребленіи имени *Caelius* или *Coelius* въ *Firmum*, или—точнѣе—изъ того обстоятельства, что въ XIX столѣтіи не извѣстны надписи, свидѣтельствующія объ употребленіи этого имени въ *Firmum*, слѣдуетъ, что такое имя не употреблялось въ *Firmum* и въ III вѣкѣ? Затѣмъ: если это имя и по справкамъ Брандта не рѣдко встрѣчается на надписяхъ средне-и ниже-италійскихъ и даже пицентскихъ, и—слѣдовательно—по меньшей мѣрѣ нерѣдко и употреблялось тамъ²⁾, то почему же не допустить, что это имя нерѣдко употреблялось и въ *Firmum*, городѣ той же пицентской области? Съ другой стороны, развѣ многочисленность африканскихъ надписей съ именемъ *Caelius* или *Coelius* можетъ имѣть рѣшающее значеніе въ данномъ вопросѣ и свидѣтельствовать съ несомнѣнностью и объ особенно частомъ употребленіи этого имени въ Африкѣ?

Новое подтвержденіе африканскаго происхожденія Лактанція видитъ Брандтъ въ самомъ этомъ имени — „Лактанцій“. Не въ высшей ли степени замѣчательно, говоритъ онъ, что, — если не принимать въ соображеніе очень сомнительнаго³⁾ „Лактанція“ Платида,—единственный надежный примѣръ этого имени опять идетъ изъ Африки, и это имя опять является здѣсь въ качествѣ *signum*.

¹⁾ Brandt, Ueber das Leben d. L. 9.

²⁾ Выраженіе: «по меньшей мѣрѣ» употреблено потому, 1) что всѣ, существовавшія когда-то, надписи не могли сохраниться, 2) въ надписи не могли войти имена всѣхъ, находившихся когда-то въ этихъ мѣстностяхъ, жителей.

³⁾ Ср. Teuffel-Schwabe, S. 1213 и 786

Примѣръ этотъ находится въ сообщенной въ Ephem. epigr. V p. 382 n. 681 надгробной надписи изъ Нумиди, въ которой сказано: Seius Clebonianus qui et Lactantius. Въ указателяхъ къ Corpus и ко многимъ языческимъ и христіанскимъ писателямъ я не могъ найти другого примѣра; Onomasticon Де-Вита (De-Vit) также представляетъ только этотъ примѣръ. Если бы одинъ изъ сциллитанскихъ мучениковъ назывался не Лэтанціемъ (Laetantius), какъ передаетъ его имя Бароній въ Annal. eccles. II p. 400 (ed. Pagi) въ относящихся сюда актахъ на основаніи трехъ, по его словамъ, очень древнихъ рукописей, и съ нимъ Рюинаръ (Ruinart въ Acta Martyrum (1731) p. 65, по Лактанціемъ (Lactantius), какъ полагаетъ Тильмонъ (Tillemont) въ Mémoires pour servir à l'histoire ecclés. III p. 134 и какъ значится въ регенбургскомъ изданіи (1859) Рюинара Acta Martyr. стр. 133, то это имя носилъ бы опять африканецъ²⁾. И это предположеніе нужно, конечно, признать весьма остроумнымъ; но большее значеніе приписывать ему врядъ ли можно: на основаніи одной единственной надписи и неполнаго надежнаго, по мнѣнію самого же Брандта, рукописнаго чтенія дѣлать общій широкій выводъ было бы рискованно.

Послѣ приведенныхъ, какъ видимъ, далеко не вполне убѣдительныхъ данныхъ и соображеній въ пользу мысли объ африканскомъ происхожденіи Лактанція, Брандтъ замѣчаетъ: „мы нашли, что имена Лактанція не только не даютъ ни малѣйшей опоры для мысли объ италійскомъ его происхожденіи, но напротивъ очевидно указываютъ на Африку“. Подобная рѣшительность сужденій въ такого рода вопросахъ и притомъ у такого изслѣдователя, какъ Брандтъ, нѣсколько удивительна.

Изъ остальныхъ аргументовъ и соображеній Брандта со многими нужно согласиться. Что касается, напримѣръ, отвѣта его нѣкоторымъ защитникамъ италійскаго происхожденія Лактанція, ссылавшимся на декретъ папы Геласія, то его нельзя не признать

²⁾ Brandt, Ueb. d. L. d. L., 10.

основательнымъ ¹⁾). Противъ замѣчаній Брандта по поводу ссылокъ тѣхъ же защитниковъ на Лактанціево противоположеніе римлянъ, въ качествѣ *postri* (по отношенію къ Лактанцію), грекамъ ²⁾, также трудно возражать. Впрочемъ, такъ какъ оспариваемыя здѣсь Брандтомъ основанія взгляда, котораго онъ не раздѣляетъ, не существенны, то и собственное мнѣніе Брандта не особенно выигрываетъ отъ этой его критики. Нельзя не согласиться и съ защищаемой Брандтомъ ³⁾ той общей мыслью, что чистый и изящный латинскій языкъ Лактанція не можетъ необходимо свидѣтельствовать объ италійскомъ происхожденіи Лактанція, а также и съ нѣкоторыми приводимыми Брандтомъ фактическими указаніями и ображеніями въ защиту своего взгляда и въ опроверженіе противоположнаго. Но въ этомъ пунктѣ со всѣмъ, что говоритъ Брандтъ, согласиться нельзя. Брандтъ, касаясь громадной разницы между языкомъ Лактанція и языкомъ Арнобія, обыкновенно признаваемого учителемъ Лактанція, замѣчаетъ между прочимъ: „языкъ Лактанція, очевидно, выработывался, кромя вліянія Арнобія, еще подъ другими, совершенно иными, вліяніями, чѣмъ вліяніе Арнобія. Иеронимъ называетъ Арнобія учителемъ Лактанція, конечно, потому только (*wohl nur deshalb*), что тотъ былъ извѣстный и также христіанскій писатель. Но рядомъ съ Арнобіемъ могли на него вліять и учителя совершенно другого направленія“ ⁴⁾). Но—спрашивается—какое основаніе было у Брандта предполагать, что Иеронимъ только потому называетъ Арнобія учителемъ Лактанція, что Арнобій былъ извѣстный и также, какъ и Лактанцій, христіанскій писатель? Основанія не указано, да его вѣроятно и не было, и однако же свое предположеніе высказываетъ Брандтъ съ полнѣйшей рѣшительностью, какъ нѣчто несомнѣнное. Въ заключеніе онъ говоритъ: „Въ виду этого мы принимаемъ за фактъ, что Лактанцій родился въ Африкѣ“ ⁵⁾). Эта рѣшительность сужденія по во-

1) Ibid., 10—11.

2) Ibid., 11 сл.

3) Ibid., 12 сл.

4) Ibid., 13.

5) Ibid., 14.

просу очень трудному, и—на сторонній взглядъ—ислѣдованіями Брандта только подвинутому къ разрѣшенію, не оправдывается положеніемъ дѣла, также какъ и отзывы Брандта о защитѣ и защитникахъ противнаго мнѣнія ¹⁾).

Такимъ образомъ происхожденіе Лактанція изъ Африки пока еще не доказано, и возможность искать родину Лактанція въ Италиі, именно въ Фирмѣ, не устранена и не исключена ²⁾. Какъ и

¹⁾ Одинъ изъ такихъ отзывовъ дѣлаетъ Брандтъ, когда онъ отъ «наибольше существенныхъ и сильнѣйшихъ повидимому» доказательствъ этихъ защитниковъ переходитъ къ менѣе важнымъ и несущественнымъ. Брандтъ выражается такимъ образомъ: «остальные, представляемые Ед. а S. Xaverio и Мекки основанія не заслуживаютъ и опроверженія. Весь балластъ не относящихся къ дѣлу цитатъ, надписей, экскурсовъ не можетъ прикрыть слабости ихъ аргументаціи. Выраженіе: *απλοῦς ὁ λόγος τῆς ἀληθείας* ἔφο имѣетъ силу и въ наше время; а если Мекки долженъ былъ писать книгу въ XXI и 140 страницъ для доказательства поддерживаемаго имъ положенія, что Лактанцій происходитъ изъ Фирма (Firmum), то уже одинъ этотъ громадный аппаратъ долженъ возбуждать крайнее недобѣріе къ правильности дѣла» (Ueber d. L., 14). Затѣмъ Брандтъ (на той же страницѣ и на страницѣ 5) не двусмысленно даетъ понять, что Мекки только изъ своего рода «патріотизма» защищаетъ происхожденіе Лактанція изъ Фирма. Ужели однако не могъ Мекки писать въ защиту мысли объ италійскомъ происхожденіи Лактанція единственно или, по крайней мѣрѣ, по преимуществу изъ желанія выяснитъ истину или то, что онъ считалъ истинной, при чемъ происхожденіе его самого изъ Фирма могло лишь дать ему первый толчокъ или поощрять его заниматься этимъ предметомъ? Ужели одинъ тотъ фактъ, что Мекки собираетъ всевозможныя данныя въ пользу защищаемой имъ мысли, можетъ самъ по себѣ быть или казаться подозрительнымъ? Если признать это, то придется, по требованію послѣдовательности, съ такимъ же правомъ считать подозрительною и аргументацію самого Брандта, тоже довольно обширную и обстоятельную. Брандтъ въ данномъ случаѣ явно измѣнилъ ученому безпристрастію и оказался придирчивымъ и несправедливымъ къ своему противнику по взглядамъ. Брандтъ, бесспорно, очень остроумно пронизываетъ надъ Мекки и надъ его «патріотизмомъ»; но собственный взглядъ Брандта отъ этого не выигрываетъ въ убѣдительности.

²⁾ Что касается находящихся въ сочиненіяхъ Л. слѣдовъ африканскаго колорита въ языкѣ, то это, по довольно распространенному и правдоподобному мнѣнію, можетъ объясняться продолжительнымъ пребываніемъ Л. въ Африкѣ и близостью его къ Арнобію. Въ школу же названнаго ратора въ Сиккѣ могъ онъ попасть потому, что отецъ Лактанція, въ качествѣ императорскаго чиновника, какъ предполагаютъ нѣкоторые сторонники италійскаго происхожденія Л., могъ быть переведенъ туда на службу.

откуда могла явиться въ Фирмѣ (если допустить рожденіе Лактанція именно здѣсь) фамилія, изъ которой произошлъ Лактанцій, неизвѣстно, но относительно этого возможны и существуютъ предположенія. Бенедиктинскій аббатъ Тирабоски предполагалъ напримѣръ, что Лактанцій принадлежалъ къ фамиліи Цэліевъ, которая, по нему, безъ сомнѣнія, была фамиліей римской и можетъ быть участвовала въ какой нибудь экспедиціи, предпринятой съ цѣлью колонизовать Фермо, вслѣдствіе чего Лактанцій сдѣлался гражданиномъ г. Фермо (*Firmianus*)¹⁾.

Относительно значенія имени *Lactantius* издавна высказывались неодинаковыя мнѣнія. Одни полагали, что имя „Лактанцій“ дано ему потому, что его краснорѣчіе такъ же точно производитъ и оставляетъ пріятное впечатлѣніе, какъ вызываетъ и оставляетъ пріятное ощущеніе выпитое молоко. По другимъ, это имя объясняется не столько изъ природы и свойствъ краснорѣчія Лактанція, сколько изъ легкости его изложенія и языка, вслѣдствіе которой его мысли безъ труда воспринимались и усвоились другими. Наконецъ, говорили, что если люди, которымъ предстоитъ выслушать наставленія въ христіанской религіи, считаются младенцами во Христвѣ Іисусѣ, и если молоко есть пища дѣтей, то не могъ ли Лактанцій получить свое имя отъ того, что люди, къ которымъ онъ обращался съ своими наставленіями, еще не усовершенлись въ истинной религіи? Объясненіе имени „Лактанція“ въ одномъ изъ этихъ значеній было многими принимаемо²⁾, хотя встрѣчало и возраженія³⁾. Держится его, въ числѣ другихъ изслѣдователей, Оверлахъ, который съ именемъ *Lactantius* сближаетъ имя *Theophrastus*, усвоенное Тиртаму, и имя *Chrysostomus*, данное Іоанну⁴⁾. Брандтъ предлагаетъ нѣ-

1) G. Tiraboschi, Storia della letteratura italiana, tom. II, parte II, lib. III, 9, по Bertold, 6.

2) Сравн. Brandt, Ueb. d. L., 9.

3) Такъ Бэръ (*Suppl.-B.*, II, 73, Anm. 3) съ ироніей относится къ мысли, что имя «*Lactantius*» было прозваніемъ Лактанція, усвоеннымъ ему вслѣдствіе привлекательности его рѣчи, a lactea et snvai eloquentia.

4) Overlach, I.

сколько иное объяснение имени Лактанция. По нему ¹⁾, это имя есть дальнейшее развитие — не преданного впрочем — слова *Lactans*, при чем *Lactans* и *Lactantius* находятся в таком же отношении, в каком находятся *Constans* и *Constantius*, *Prudens* и *Prudentius* и т. п. *Lactans*, из которого, по предположению, образовалось слово *Lactantius*, не предано; но ведь не предано, по видимому, основное имя и для таких форм, как *Audentius*, *Argentius*, *Gaudentius*. Брандт производит слово *Lactans* от *lactare* в непереходном значении „сосать“, полагая, что переходное „кормить“ не дает рассматриваемому имени никакого (?) смысла. *Lactans*, по нему, будет значить: „сосущий“, „кто ервико сосет матервю грудь“ (*kräftig trinkend*), такъ что для рассматриваемаго имени получается значение „возрастающій“, „преуспѣвающій“ (*so dass sich für diesen Wunschnamen die Bedeutung „gedeihend“ ergibt*). Такъ же образованы и подобное же значение имѣютъ имена: *Crescens Crescentius*, *Florens Florentius*, *Valens Valentius*. Самую подходящую параллель представляло бы имя *Pascentius*, при предположеніи, что оно происходитъ отъ *pasce* и имѣетъ непереходное значеніе; но и *Pasce* указать нельзя ²⁾. Это мнѣніе Брандта безспорно оригинально и не лишено правдоподобія. О немъ нельзя сказать, что оно совсѣмъ виситъ въ воздухѣ, хотя нельзя и признать его ничѣмъ больше, какъ догадкой ³⁾. Во всякомъ случаѣ, объясненіе Брандта, даже и въ томъ видѣ, въ какомъ оно излагается имъ теперь, представляется болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ объясненіе традиціонное.

Въ зависимости отъ того, какъ смотритъ тотъ или другой изслѣдователь на значеніе именъ „Фирміанъ“ и „Лактанцій“, находится и порядокъ, въ которомъ ставятся эти имена. Одни приводятъ ихъ въ такой послѣдовательности—*Firmitianus Lactantius*,

¹⁾ *Ueb. d. L.*, 9—10.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ Самъ Брандтъ впрочемъ едва ли не придаетъ своему предположенію большаго значенія: свою мысль выражаетъ онъ съ большою рѣшительностью.

другіе—*Lactantius Firmianus*¹⁾. Въ виду всего вышеизложеннаго и въ виду мѣста даваемого римлянами именамъ, взятымъ отъ названія странъ и городовъ, въ полномъ имени извѣстнаго лица²⁾, употребленіе именъ Лактанція въ такомъ порядкѣ; *L. Caelius Lactantius Firmianus* представляется пока имѣющимъ за себя по крайней мѣрѣ не меньше основаній, чѣмъ и защищаемый нѣкоторыми обратный порядокъ двухъ послѣднихъ именъ³⁾.

Одинаково съ мѣстомъ родины Лактанція, и годъ его рожденія опредѣляется только приблизительно и предположительно. Одни изслѣдователи, соглашаясь, кажется, съ расчетомъ въ *praefatio Nicolai Lenglet Dufresnoy in Lactantium*⁴⁾, относятъ рожденіе Лактанція, съ большей или меньшей рѣшительностью, къ 248 году и вообще къ половинѣ 3 вѣка⁵⁾. Брандтъ, опираясь на нѣкоторыя соображенія и сопоставленія, предполагаетъ, что Лактанцій родился около 260 года⁶⁾. Основанія для рѣшенія этого вопроса будутъ случай разсмотрѣть въ дальнѣйшемъ изложеніи по другому поводу.

Отецъ и мать Лактанція намъ вполнѣ неизвѣстны. Нѣтъ, въ частности, точныхъ свѣдѣній относительно того, кто были они по своему общественному положенію и состоянію. Существуетъ предположеніе, что отецъ Лактанція былъ императорскій чиновникъ, переведенный въ Сикку⁷⁾; но это предположеніе подкрѣпляется

¹⁾ См., между прочимъ, Bähr, S.—Band, II, 72, и Brandt, Ueber d. L., 4.

²⁾ Сравн. имена: *P. Cornelius Scipio Aemilianus Africanus*, *P. Terentius Afer*, *T. Livius Patavinus*, *C. Plinius Secundus Novocomensis* и т. п.

³⁾ Достоинно вниманія, что гуманисты называютъ его *Lactantius Firmianus*. См. Migne VI, 79. С sqq. Сравн. *Commentationes Woelfflinianaë*, 1891, pag. 80.

⁴⁾ См. Migne VI, 70 AB.

⁵⁾ По N. Lenglet, Лактанцій «быть можетъ (*forsan*) родился въ 248 г.; г. Гурьевъ, стр. IX, замѣтивши, что Л. родился около половины III вѣка по Р. Хр., прибавляетъ: «и по всей вѣроятности въ 248 г.» Бертольдъ, стр. 6, тоже указываетъ мимоходомъ эту дату, но выражается при этомъ такъ, что нельзя рѣшить, признаетъ ли онъ ее правильною. Оверлахъ, стр. 2, предпочитаетъ отнести рожденіе Л. вообще къ половинѣ III вѣка.

⁶⁾ Ueber d. L., 40.

⁷⁾ Bertold, 6.

единственно тѣмъ обстоятельствомъ, что Лактанцій жилъ когда то въ этомъ городѣ, и сдѣлано оно, кажется, съ единственной цѣлью объяснить появленіе здѣсь Лактанція, не совсѣмъ понятное при предположеніи его италійскаго происхожденія. Между тѣмъ мотивъ этого предполагаемаго переѣзда родителей Лактанція въ Африку съ такимъ же правомъ можно усматривать въ ихъ какихъ либо чисто частныхъ дѣлахъ, при чемъ догадка о томъ, что отецъ Лактанція состоялъ на государственной или императорской службѣ, устранялась бы сама собой. Вальхъ ¹⁾ считалъ несомнѣннымъ, что родители Лактанція принадлежали къ плебеймъ и не оставили сыну большого наслѣдства, и эту свою мысль подтверждалъ извѣстнымъ свидѣтельствомъ о томъ, что *Crispurn Lactantius latinis litteris erudit, vir omnium suo tempore eruditissimus, sed adeo in hac vita pauper, ut plerumque etiam necessariis indigeret.* Но Вальхъ очевидно извлекаетъ изъ приведеннаго свидѣтельства больше, чѣмъ можно. Прежде всего, на основаніи бѣдности Лактанція въ концѣ и во всякомъ случаѣ во второй половинѣ его жизни, полагать, что онъ былъ бѣденъ и прежде и что онъ, въ частности, не получилъ по наслѣдству отъ родителей никакого состоянія, рискованно. Притомъ, какъ выяснится въ дальнѣйшемъ изложеніи, бѣдность Лактанція, о которой говоритъ древній хронографъ, могла быть до извѣстной степени бѣдностью добровольною. Такимъ образомъ указанное свидѣтельство не даетъ твердыхъ основаній для вывода относительно бѣдности родителей Лактанція. Другія же данныя, напротивъ, скорѣе располагаютъ къ мысли, что родители Лактанція обладали нѣкоторымъ матеріальнымъ достаткомъ, нѣкоторой зажиточностью. Уже одно то обстоятельство, что Лактанцій поступилъ въ школу ритора и чрезъ то получилъ доступъ къ высшему по тому времени образованію, служить нѣкоторымъ ручательствомъ сравнительной матеріальной обеспеченности родителей Лактанція. Косвеннымъ подтвержденіемъ этого служить одно мѣсто у Лактанція въ *Divinae Institutiones*, гдѣ указываются

¹⁾ Diatribe, p. 6.

различные предметы школьнаго обученія въ Римѣ ¹⁾ и при этомъ замѣчается: *quae universa perdiscere neque feminae possunt... neque servi, quibus per eos annos vel maxime serviendum est, quibus possunt discere; neque pauperes, aut opifices, aut rustici, quibus in diem victus labore est quaerendus* ²⁾. Лактанцій эти предметы, какъ есть всё основанія думать, изучалъ; слѣдовательно, въ положеніи бѣдныхъ людей, которымъ приходится тяжелымъ трудомъ снискивать себѣ дневное пропитаніе, онъ не находился ³⁾.

Относительно Пентадія, которому Лактанцій посвятилъ свой трудъ *Epitome Divinarum Institutionum* и котораго онъ называетъ братомъ, многіе изслѣдователи не безъ основанія полагали, что это былъ братъ Лактанція по плоти ⁴⁾, — мнѣніе, къ которому нѣсколько склоняется и Брандтъ, хотя послѣдній, рядомъ съ этимъ, ставить въ видѣ предположенія пониманіе *frater* въ смыслѣ дружественнаго обращенія ⁵⁾. Но нельзя ли истолковывать это имя не въ буквальномъ смыслѣ, а въ смыслѣ указанія на то, что Пента-

¹⁾ *Div. Inst.* III, 25, 9 sqq. (Migne VI, 429 B—430 A).

²⁾ *Ibid.*

³⁾ Изъ приведеннаго мѣста можно, кажется, сдѣлать и еще нѣкоторыя заключенія относительно общественнаго состоянія родителей Л. или — точнѣе — о томъ, къ какимъ сословіямъ и классамъ они не принадлежали.

⁴⁾ Такъ полагалъ еще Ed. а S. Xaverio, отождествлявшій этого Пентадія съ тѣмъ Пентадіемъ, который упоминается Амміаномъ въ XIV, 11, 21, въ качествѣ нотарія при Констанціѣ II, и который затѣмъ встрѣчается тамъ же въ XX, 3, 19, въ должности *magister officiorum*, и еще разъ въ XXII, 3, 5. Первое мѣсто, какъ замѣчаетъ Брандтъ (*Ueber d. L.*, 16 сл.), относится къ 354 году, послѣднее къ 361 г. Такъ какъ Л. по всей вѣроятности умеръ около 340 г., въ самой глубокой старости, то — заключаетъ Брандтъ — «не вѣроятно, чтобы братъ его занималъ придворную должность еще такъ много лѣтъ спустя послѣ того». Почему же однако невѣроятно? Развѣ не могъ Пентадій быть значительно моложе Лактанція? Но во всякомъ случаѣ вышеуказанное предположеніе относительно тождественности Лактанціева Пентадія съ указанными лицами нужно признать чистымъ предположеніемъ, ни на чемъ не основаннымъ, кромѣ единства имени и близости ихъ по времени, такъ же какъ и догадки относительно тождества этого «брата Пентадія» съ Пентадіемъ поэтомъ или родства его съ другими Пентадіями, о чемъ см. весьма основательныя соображенія Брандта на стр. 17 указанной егѳ брошюры.

⁵⁾ *Ueber d. L.*, 16 и 18.

дій для Лактанція есть братъ во Христвъ? Касаясь этого предмета, Лелье признавалъ, что христіане часто давали другъ другу имя братьевъ, но понимать *Pentadi frater* въ этомъ смыслѣ находилъ въ данномъ случаѣ неосновательнымъ, въ виду того, что Лактанцій не называетъ такъ (*frater*) ни Доната, ни Деметріана, которымъ онъ посвятилъ два другихъ своихъ труда ¹⁾. Однако это соображеніе убѣдительнымъ назвать нельзя: оно теряетъ свою силу при томъ весьма естественномъ предположеніи, что Лактанцій могъ обратиться къ Пентадію съ наименованіемъ *frater*, какъ онъ и сдѣлалъ, назвать Доната *carissime* (въ *De ira Dei* 22, 1), а Деметріана (въ *De opif.* 1, 1 и 20, 1) назвать просто по имени (такъ же какъ и Доната въ *De ira* 1, 1), не имѣя въ виду непременно соединять съ употребленіемъ или неупотребленіемъ указанныхъ эпитетовъ особенный смыслъ. Называя, напр., Доната *carissime*, а Пентадія нѣтъ, онъ чрезъ то не могъ выразить мысли, что Пентадій не есть для него *carissimus* (таковымъ является для него Пентадій уже какъ *frater*), или въ одинъ разъ усвояя Донату эпитетъ *carissimus*, въ другой разъ, притомъ въ томъ же самомъ сочиненіи, не усвояя, онъ, очевидно, не могъ этимъ давать понять, что Донатъ для него не всегда *carissimus*. Невозможность понимать *frater* въ данномъ мѣстѣ въ смыслѣ *frater in Christo* гораздо убѣдительнѣе доказываетъ Брандтъ ссылкой на несоотвѣтствіе такого пониманія съ шутливымъ тономъ всего обращенія Лактанція къ Пентадію, называемому имъ *Pentadi frater* ²⁾. Дѣйствительно, шутка, хотя бы легкая и благодушная, надъ Пентадіемъ не гармонировала бы съ обращеніемъ къ нему, какъ брату во Христвъ. Что касается объясненія *frater* въ смыслѣ „коллега по учительству“, то неосновательность такого объясненія подтверждается у Брандта слѣдующимъ соображеніемъ: принявъ такое объясненіе, пришлось бы допустить неправдоподобное предположеніе, что Лактанцій въ то время, когда писалъ *Epitome*, опять находился въ томъ положеніи учителя, въ которомъ онъ былъ въ *Никоидіи* ³⁾. Предположеніе о возвращеніи Лактанція къ прежней

¹⁾ Leuillier, 5.

²⁾ Ueber d. L., 18.

³⁾ Ibid.

учительской профессіи дѣйствительно неправдоподобно. Но прибѣгать къ нему и нѣтъ, кажется, нужды. Почему не могъ Лактанцій назвать Пентадія frater въ смыслѣ „коллега по учительству“, имѣя въ виду свою учительскую должность и свои учительскія занятія именно при Криспѣ? Говоря это, мы совсѣмъ не защищаемъ пониманія frater въ значеніи „коллега по учительству“, потому что такое пониманіе, въ какихъ бы частнѣйшихъ формахъ оно ни являлось, всегда будетъ болѣе или менѣе искусственно и натянуто. Мы хотимъ только сказать, что указываемое Брандтомъ пониманіе frater въ смыслѣ „коллега по преподаванію“ наименѣе удобное и что его соображенія по этому предмету не устраняютъ всѣхъ возможныхъ недоумѣній.

По словамъ Іеронима, въ его De vir. ill. 80, Лактанцій былъ ученикомъ Арнобія (Arnobii discipulus) ¹⁾ о которомъ тотъ же Іеронимъ въ Chron. ad a. Abr. 2343—326 по Р. Хр=1079 отъ основанія Рима (вѣроятно подъ годомъ смерти Арнобія) ²⁾ замѣчаетъ, что онъ rhetor in Africa clarus habetur и что онъ Siccae ad declamandum iuvenes erudiret, въ сочиненіи же De vir. illustr. 79 говорятъ, что Arnobius sub Diocletiano principe Siccae apud Africam florentissime rhetoricam docuit ³⁾. Сикка,

¹⁾ О томъ, почему Л., бывший ученикомъ Арнобія, не называетъ этого своего учителя даже и тогда, когда былъ для того прямой повидимому поводъ, будетъ рѣчь дальше, по другому случаю. Теперь же пока ограничимся ссылкой на Brandt, Ueber d. L., 21.

²⁾ Teuffel-Schwabe, § 396, Anm. 1 (S. 995).

³⁾ Брандтъ (Ueber d. L., 19, говоритъ, что Арнобіи преподавалъ риторику zu Sicca Veneria, der bekannten, nahe bei Numidien im proconsularischen Africa liegenden Stadt. Приведенное мѣсто изъ de vir. ill. 79 не подтверждаетъ такого представленія о мѣстоположеніи Сикки, цитата же въ Chron. ad a. Abr. 2343, повидимому, не указываетъ необходимо на мѣстонахождение Сикки возлѣ или близъ Нумидіи. Плиній причисляетъ Сикку къ городамъ самой Нумидіи (Nat. Hist. l. V, c. 3, § 22 Sillig). Соответственно съ этимъ, въ Gesch. d. r. L. von Teuffel-Schwabe, § 396, также § 463, Anm. 1, говорится о Sicca in Numidien [Ebert, стр. 64, по 2 изд., говоритъ о Sicca in Africa; но онъ, какъ видно изъ контекста, называетъ Африку въ смыслѣ части свѣта, а не въ качествѣ римской провинціи]. Составитель замѣтки о Sicca Veneria въ Pauly, Real-Encycl., именно Форбигеръ (см. Vorwort въ VI томѣ, 2 отдѣл., 1852 г., стр. IV), называетъ Сикку eine bedeutende

гдѣ провель Лактанцій годы (по крайней мѣрѣ нѣкоторые) своего ученья и своей юности, была очень виднымъ въ то время городомъ въ Африкѣ).

Учился ли Лактанцій въ школъ Арнобія или же бралъ у него частныя уроки, какъ это бывало въ Римѣ, этого мы не знаемъ.

Образованіе, полученное Лактанціемъ у Арнобія, было—нужно думать—обычнымъ тогда риторскимъ образованіемъ. Этому образованію должно было предшествовать первоначальное обученіе, т. е. обученіе чтенію, письму и счисленію, которое Лактанцій могъ получить и въ школъ и дома, какъ это бывало въ Римѣ и прежде,—затѣмъ такъ называемое грамматическое обученіе, главнымъ предметомъ котораго были древніе авторы, греческіе и латинскіе, и которое заключалось въ правильномъ ихъ чтеніи, въ объясненіи и въ заучиваніи наизусть отдѣльныхъ мѣстъ изъ нихъ. О томъ, что и Лактанцій прошелъ школу такъ наз. грамматика, можетъ свидѣтельствовать, между прочимъ, масса извѣстныхъ ему и приводимыхъ имъ, въ своихъ сочиненіяхъ, стиховъ изъ древнихъ поэтовъ, въ томъ числѣ и читавшихся въ школахъ, притомъ не однихъ латинскихъ поэтовъ, но отчасти и греческихъ ²⁾. Риторическое обученіе, составлявшее третью, высшую ступень въ образованіи юноши и первоначально присоединявшееся къ грамматическому, по своему характеру и содержанію служило отчасти подготовленіемъ молодыхъ людей къ практической государственной и общественной

Stadt Numidiens. Къ Нумидіи относятъ ее и Блессъ (Cless), авторъ статьи о Нумидіи въ той же Encyclopädie (V, 738). Въ lexica Georges'a (1869) и Klotz'a (1879) Сикка также считается городомъ въ Нумидіи. Въ Atlas antiquus Kiepert'a (6-te Auflage, neue Ausgabe, tab. VII и tab. X) Sicca Veneria также отнесена къ Numidia, а не къ Africa. Относительно значенія и употребленія слова «Африка» срав. De-Vit, Onomasticon, I, 153—154.

¹⁾ Срав. Migne VI, 75 adnotat., Bertold, 6, Anm. 2, и замѣтку о Sicca Veneria въ Pauly, Real-Encycl. VI (1852), стр. 1156. О двоихъ siccenses, именно грамматикѣ Евтихіѣ Прокулѣ и писателѣ по медицинѣ Целіѣ Авреліанѣ см. въ Pauly V (1848), стр. 738, и T.—Schwabe, § 357, A. 4, и § 463, A. 1.

²⁾ Объ авторахъ, читавшихся въ провинціальныхъ школахъ, ср. Archaismus von K. Sittl въ Commentationes Woelflinianae (Lipsiae 1891), S. 405.

дѣятельности. Ораторское искусство и во время имперіи имѣло еще значеніе, доставляя лицу, обладавшему такимъ искусствомъ, вліяніе, почетъ и извѣстность, а также и деньги. Конечно, краснорѣчіе являлось теперь оторваннымъ отъ жизни, при стѣсненіи свободы мысли и слова, или служило простымъ орудіемъ въ рукахъ государственной власти. Но, во всякомъ случаѣ, полученіе риторскаго образованія было необходимымъ условіемъ для достиженія видной должности и вообще вліятельнаго положенія и отличій; оно же, вмѣстѣ съ тѣмъ, давало право считаться человѣкомъ вполне и научно образованнымъ. Состояло оно въ изученіи теоріи ораторскаго искусства и въ практическихъ упражненіяхъ, именно въ приготовленіи рѣчей на данныя темы и въ произнесеніи ихъ. Это краснорѣчіе уже не было прежнимъ краснорѣчіемъ, на которомъ лежала, въ общемъ, печать простоты и натуральности; прежнюю естественность замѣнила теперь вычурность, манерность и искусственность; да и сама риторская школа жила въ мірѣ измышленныхъ юридическихъ случаевъ и фактовъ, служа вмѣстѣ съ тѣмъ школою софистики.

Такого рода школу прошель, повидимому, и Лактанцій ¹⁾. Ей онъ былъ обязанъ очень многимъ, въ томъ числѣ и той діалектикой, которая потомъ пригодилась ему въ его апологетическихъ трудахъ и которая вызывала удивленіе и у его современниковъ и у позднѣйшихъ поколѣній, хотя самъ Лактанцій, повидимому, склоненъ былъ видѣть въ этой школѣ преимущественно худыя стороны ²⁾.

Такимъ образомъ этотъ будущій видный апологетъ христіанства получилъ такое же образованіе, какое получили и другіе выдающіеся христіанскіе писатели и какое вообще было высшимъ образованіемъ для того времени.

А. С. въ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Срав. Marquardt, *Privateleben d. R.*, 114.

²⁾ Срав. *Div. Inst.* I, 1, 8, sq. (Migne VI, 114) и Marquardt, *l. c.*, 110, *Ann.* 1.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

А.И. Садов

Лактанций

Опубликовано:

Христианское чтение. 1892. № 9-10. С. 438-467.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

ЛАКТАНЦІЙ.

(Биографическій очеркъ).

(Продолженіе)¹⁾.

Нѣтъ точныхъ историческихъ данныхъ относительно многихъ пунктовъ въ жизни Лактанція. Нѣтъ, въ частности, прямыхъ, исполнѣ рѣшительныхъ и безспорныхъ указаній у Лактанція и у другихъ писателей на то, какой вѣры были его родители. Существуетъ мнѣніе, что родители Лактанція были язычники и что онъ самъ впоследствии перемѣнилъ религію, въ которой былъ воспитанъ. Это мнѣніе основываютъ на трехъ мѣстахъ въ сочиненіяхъ Лактанція²⁾. Въ первомъ мѣстѣ авторъ, замѣтивши, что онъ достигъ конца предпринятаго имъ труда, продолжаетъ: „остается обратиться ко всѣмъ съ увѣщаніемъ—вмѣстѣ съ истинною вѣрою усвоить себѣ и мудрость, значеніе и дѣйствіе которой заключается въ томъ, чтобы, пренебрегши земными благами, отречьшись отъ заблужденій, во власти которыхъ мы прежде находились, служа тлѣнному и стремясь къ тлѣнному, мы устремлялись бы къ вѣчной наградѣ небеснаго сокровища“. Во второмъ мѣстѣ Лактанцій говоритъ: „что іудеи лишены наслѣдія, такъ какъ отвергли Христа, и мы, происходящіе изъ язычниковъ, приняты вмѣсто ихъ, — это подтверждается Писаніемъ“. Въ третьемъ мѣстѣ: „Третья ступень

¹⁾ См. янв.—февр. кн. «Хр. Чт.» (I, 103—130).

²⁾ Div. Instit. VII, 27, 1 (Migne, VI, 818 B), Div. Inst. Epit. cap. 48 [по счету у Migne] или 43 [по счету у Brandt, I, 721—722], (Migne VI, 1056A) и De ira Dei cap. 2 (Migne VII, 82A).

(ведущая въ жилище истины) состоитъ въ томъ, чтобы познать Слугу и Вѣстника, Котораго Онъ (Всевышній) послалъ на землю, подъ руководствомъ Котораго, освободившись отъ узъ заблужденія, которымъ мы были одержимы, и научившись почитать истиннаго Бога, мы познавали бы правду¹⁾. Конечно, въ приведенныхъ словахъ, если взять ихъ въ контекстѣ, а не отрывочно, говоритъ Лактанцій не о себѣ лично, а вообще объ язычникахъ, о всемъ языческомъ мірѣ, который пребывалъ въ снѣи смертной и который призванъ вмѣсто отвергнутыхъ іудеевъ¹⁾. Едва ли есть какія либо основанія думать, что въ числѣ этихъ прежнихъ язычниковъ непременно мыслилъ Лактанцій лично и самого себя²⁾. Указаннымъ образомъ могъ выразиться и сынъ христіанскихъ родителей, имѣя въ виду своихъ предковъ. И однако не изъ одного лишь „уваженія къ традиціонному мнѣнію“³⁾ можно допускать, что Лактанцій былъ когда-то язычникомъ, и признавать по меньшей мѣрѣ крайне поспѣшнымъ мнѣніе Ле-Нурри, къ которому склоняется и Бертольдъ, что въ сочиненіяхъ Лактанція нельзя найти ни одного слова, изъ котораго можно было бы заключить, что онъ принадлежалъ нѣкогда къ языщикамъ.

¹⁾ Къ вопросу о томъ, какъ понимать приведенныя слова Л., сравн. выраженіе въ D. Inst. IV, 26, 22 (Migne VI, 528A): *nos autem etc.* Здѣсь Л. также говоритъ не о себѣ, но о всѣхъ христіанахъ.

²⁾ Доказывая, что въ приведенныхъ словахъ Лактанцій не могъ разумѣть себя, Бертольдъ (S. 6) замѣчаетъ, что въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, гдѣ Лактанцію приходится упоминать о себѣ, онъ никогда не говоритъ о себѣ во множественномъ числѣ. Это основаніе нужно устранить. Бертольдъ допустилъ здѣсь двѣ неточности. 1) Число мѣстъ, гдѣ Л. говоритъ о себѣ, не мало. 2) Л. выражается о себѣ и во множественномъ числѣ. Онъ говоритъ и въ единственномъ числѣ, напримѣръ: *circumscribo* въ D. Inst. I, 1, 25 (Migne, VI, 119A), *non putavi*—I, 2, 1 (M. VI, 120A). Но онъ же въ длинномъ рядѣ мѣстъ выражается въ формѣ множественнаго числа, напримѣръ: *multum nobis contulit*—въ D. Inst., I, 1, 10 (M. VI, 114B), *nobis instituitur disputatio* I, 1, 10 (M. VI, 115A), *persequemur, loquemur, sopiamus* I, 1, 12 (M. VI, 116A), *aggrediamur* I, 1, 17 (M. VI, 117B), *destinavimus* и друг. въ I, 1, 20 (M. VI, 118AB) и мн. др. Римляне вообще нерѣдко говорили о себѣ во множ. числѣ и, избѣгая выражаться такимъ образомъ, Л. представлялъ бы исключеніе.

³⁾ Сравн. Bertold, 6.

По другому взгляду ¹⁾, который может быть названъ правильнымъ, о язычествѣ родителей Лактанція и о томъ, что и сынъ ихъ росъ язычникомъ, свидѣлствуютъ пренебрежительныя сужденія, которыя онъ впоследствии, уже ставши христіаниномъ, дѣлалъ о своей прежней дѣятельности на риторской кафедрѣ ²⁾. Относящееся сюда мѣсто содержитъ противоположеніе трудовъ Лактанція, посвященныхъ разъясненію истинной мудрости и истинной религіи, и его прежней риторской дѣятельности. Говоря объ этихъ трудахъ въ христіанскій періодъ своей жизни, Лактанцій говоритъ: „Это занятіе (*professio*) должно признать гораздо лучшимъ, полезнѣйшимъ, славнѣйшимъ, чѣмъ ту профессію ритора, которой мы долго предавались, научая юношей не добродѣтели, но хитрости и изворотливости“ ³⁾. Отсюда еще пока не видно съ совершенной ясностью, что Лактанцій—риторъ былъ язычникъ, потому что онъ, въ качествѣ ритора, исполняя обязанности ритора обычнымъ образомъ, могъ *non ad virtutem, sed plane ad argutam malitiam iuvenes erudire* и въ томъ случаѣ, если бы былъ христіаниномъ: метода, которой слѣдовали риторы, и приемы, которыхъ они держались, были установлены практикою и имѣли для риторовъ въ извѣстномъ смыслѣ обязательную силу. Этими методамъ и приемамъ приходилось слѣдовать и риторамъ изъ христіанъ ⁴⁾. Съ большей ясностью открывается прежнее язычество Лактанція въ непосредственно слѣдующихъ за приведенными словами его: „ибо, продолжаетъ онъ, мы теперь гораздо вѣрнѣе будемъ разсуждать о небесныхъ правилахъ, руководясь которыми можемъ научить людей почитать истинное величіе (Божіе)“ ⁵⁾. Затѣмъ, при предположеніи

¹⁾ Overlach, 2; Brandt, Ueber das Leben d. L., 15.

²⁾ D. Inst. I, 1, 8. Overlach цитуетъ еще Div. Inst. V, 1 и De orif. D., с. 1. Но двѣ послѣднія цитаты выставлены, кажется, по недосмотру.

³⁾ D. Inst. I, 1, 8 (M. VI, 114A).

⁴⁾ Слѣдовалъ имъ, вѣроятно, и Л., преподававшій риторику и тогда, когда былъ уже христіаниномъ. См. классическое мѣсто въ D. Inst. V, 2, 2sqd. (M. VI, 552—553). Л. едва ли выразился бы такъ, какъ онъ выразился здѣсь, если бы не былъ въ эту пору христіаниномъ.

⁵⁾ D. Inst. I, 1, 8 (M. VI, 114A).

происхожденія Лактанція отъ родителей-язычниковъ и при мысли о томъ, что и самъ онъ былъ язычникомъ сначала, понятнѣе становится и тотъ фактъ, что Лактанцій сталъ учиться у Арнобія, который тогда оставался еще въ язычествѣ ¹⁾). Но, конечно, изъ того, что Лактанцій посѣщалъ школу язычника Арнобія, еще не слѣдуетъ съ необходимостью, что и самъ онъ вмѣстѣ съ родителями былъ язычникомъ. Сидоній Аполлинарись происходилъ изъ семьи, уже долго бывшей христіанскою, и однако онъ получилъ образованіе, имѣвшее совсѣмъ ²⁾ или, по крайней мѣрѣ, преимущественно ³⁾ языческій характеръ. Мать Августина была христіанка и самъ онъ съ дѣтства находился подъ христіанскимъ вліяніемъ матери, и однако и онъ получилъ языческое образованіе ⁴⁾.

Вполнѣ рѣшительное, по мнѣнію Брандта ⁵⁾), свидѣтельство въ пользу того, что Лактанцій не былъ христіаниномъ съ юныхъ лѣтъ, но уже въ позднѣйшіе годы обратился отъ старой вѣры къ новой, заключается, какъ читаемъ у Брандта, въ одномъ мѣстѣ у Августина, на которое доселѣ не обращалось вниманія, именно въ его *De doctrina christiana* II, 61 (III pars I, p. 42 F. Maur.). Здѣсь выражена мысль, что христіане безъ всякихъ сомнѣній могутъ пользоваться всѣмъ, что даетъ хорошаго языческая литература, и затѣмъ аллегорически въ этомъ именно смыслѣ толкуется рассказъ книги Исходъ XI, 2, XII, 35, по которому израильтяне, при выходѣ изъ Египта, взяли у египтянъ и унесли съ собой зо-

¹⁾ Overlach, 2; Brandt, Ueber d. L. d. L., 15; Leuillier, 5.

²⁾ Ebert, по 2 изд., 419.

³⁾ Избр. мѣста изъ лат. хр. писат., 467.

⁴⁾ Ebert, 212 сл. Теперь въ школахъ нашего прибалтійскаго православнаго братства обучаются по мѣстамъ, притомъ иногда въ большомъ числѣ, и католики, и лютеране, и сектанты, и раскольники. Этыхъ учениковъ приводитъ въ православныя школы главнымъ образомъ отсутствіе въ данной мѣстности другихъ училищъ, не имѣющихъ того вполнѣ опредѣленно выраженаго конфессіональнаго характера, какой имѣютъ братскія и подобныя школы, хотя, конечно, у такихъ учениковъ можетъ быть доброе чувство къ православнымъ. И Лактанцій съ своими родителями могъ питать хорошія чувства къ Арнобію, не смотря на язычество послѣдняго и будучи самъ христіаниномъ.

⁵⁾ Brandt, Ueber d. L. d. L., 15.

лотыя и серебряныя сосуды и платья, хотя, какъ замѣчаетъ нѣмецкій изслѣдователь, образъ здѣсь не вполне подходитъ къ проводимой писателемъ мысли. Затѣмъ у Августина говорится: *nonne aspiciamus quanto auro et argento et veste suffarcinatus exierit de Aegypto Cyprianus doctor suavissimus et martyr beatissimus? quanto Lactantius, quanto Victorinus, Optatus, Hilarius..?* ¹⁾). Приведенное мѣсто позволяетъ съ увѣренностью заключить, что Августинъ считалъ названныхъ лицъ людьми, которые уже впоследствии перешли въ христіанство изъ язычества и которые получали свое образованіе, еще оставаясь въ язычествѣ. Относительно Кипріяна и Иларія это извѣстно; касательно Опата Милевскаго, о жизни котораго ничего неизвѣстно, узнаемъ объ этомъ изъ приведеннаго мѣста, также какъ относительно Викторина, подѣ которымъ очевидно нужно разумѣть Викторина Петавійскаго (*Petabionensis*) ²⁾; относительно же Лактанція здѣсь подтверждается то, что по другимъ основаніямъ оказывается наиболѣе вѣроятнымъ, ³⁾). Это указаніе, безспорно, довольно вѣско, такъ какъ нѣкоторыя выраженія въ контекстѣ у Августина (срав. *de societate gentilium exiens* и затѣмъ *ab eorum misera societate sese animo separat* ⁴⁾), дѣйствительно, повидимому, свидѣлствуютъ о томъ, что Августинъ въ приведенномъ выше мѣстѣ имѣлъ въ виду говорить не только вообще объ усвоеніи упомянутыми писателями всего хорошаго, что могла дать языческая литература, но и о томъ, что это усвоеніе совершилось въ языческой періодъ ихъ жизни. Однако съ полной рѣшительностью утверждать, что у Августина была послѣдняя мысль, препятствуетъ сдѣланная Августиномъ вслѣдъ затѣмъ ссылка на Моисея. Почти вслѣдъ за вышеприведенными словами Августинъ

¹⁾ Все это мѣсто, съ упоминаніемъ Августина и его сочиненія, какъ замѣчено у Брандта въ примѣчаніи на той же страницѣ, повторяетъ Кассиодоръ, въ *De institutione divinarum litterarum* (II, p. 554 ed. Garet); онъ, присоединяетъ (къ указаннымъ именамъ) еще Амвросія, Августина и Иеронима.

²⁾ T. e. in Pettau in Steiermark, по T.-Schw., § 385, A. 6.

³⁾ Brandt, Ueber d. L. d. L., 15—16.

⁴⁾ По изданію *Augustini De doct. chr. etc*, rec. Georgius Calixtus. Helmaestadi. 1829. pag. 149—150.

замѣчаетъ: *Quod prior ipse fidelissimus dei famulus Moyses fecerat, de quo scriptum est, quod eruditus fuerit omni sapientia Aegyptiorum* ¹⁾). Моисей же въ Египтѣ усвоилъ лишь мудрость египтянъ, оставаясь чуждъ вѣрѣ ихъ. Не лишне замѣтить, что Кассіодоръ, приводя вышеуказанныя слова Августина, хотѣлъ лишь, какъ видно изъ контекста, выразить мысль объ усвоеніи христіанами полезныхъ знаній изъ области языческой литературы и совсѣмъ не имѣлъ въ виду говорить о томъ, что эти христіане были когда-то язычники, и, слѣдовательно, словамъ Августина усвоилъ не совсѣмъ тотъ смыслъ, какой придаетъ имъ Брандтъ. Наконецъ и то не слѣдуетъ упускать изъ вниманія, что приведенное свидѣтельство объ Опатѣ и Викторинѣ, по признанію самого Брандта, есть единственное свидѣтельство.

Затѣмъ на сочиненіяхъ Лактанція лежитъ отпечатокъ такого сильнаго, глубокаго и многосторонняго вліянія классической древности, что это вліяніе нужно представлять продолжавшимся долго. Лактанцій, по справедливому замѣчанію Брандта, гораздо увѣреннѣе говоритъ о вопросахъ древней философіи, чѣмъ о предметахъ христіанскаго ученія, и сочиненія римлянъ ему гораздо извѣстнѣе, чѣмъ Библія. Человѣкъ же, который до такой степени погруженъ въ языческую старину, какъ Лактанцій, не могъ быть христіаниномъ отъ рожденія ²⁾). О томъ, что Лактанцій долго былъ язычникомъ, свидѣтельствуетъ и то, что онъ иногда какъ бы забываетъ, что говоритъ и что долженъ говорить въ качествѣ христіанина. Самая его способность становится всецѣло на точку зрѣнія язычниковъ свидѣтельствуетъ объ этомъ. Онъ даже забываетъ замѣчать хотя бы мимоходомъ, къ свѣдѣнію читателей, что онъ говоритъ именно съ языческой точки зрѣнія ³⁾).

Подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ послѣдовалъ, наконецъ,

¹⁾ Цитата сдѣлана по вышеуказанному изданію.

²⁾ Brandt, Ueber d. L., 16.

³⁾ Трудно было христіанину оставлять прежній привычный ходъ мысленія и отставать отъ прежнихъ понятій и отъ прежняго способа ихъ выраженія, какъ трудно было вообще повидать старые языческіе обычаи и порядки.

переломъ въ религіозныхъ взглядахъ Лактанція: онъ перешелъ въ христіанство. Отреченію Лактанція отъ прежней вѣры могло способствовать изученіе самого язычества и въ частности языческой философіи. Извѣстно, что и блаж. Августину первый толчокъ къ обращенію въ христіанство далъ Цицероновъ „Гортензій“. Тѣмъ же, въ сущности, путемъ пришелъ къ христіанству Иларій: онъ ревностно стремился къ истинѣ и искалъ Бога, напрасно обращался за удовлетвореніемъ потребностей своего духа къ древнимъ философамъ и, лишь обратившись къ священнымъ книгамъ христіанъ, нашелъ здѣсь то, чего искалъ. Также неудовлетворенность языческою философіею могла привести ко Христу и Лактанція, о чемъ позволяютъ заключать его разсужденія о языческой философіи въ началѣ его главнаго литературнаго труда. Но также философія, кромѣ указаннаго чисто отрицательнаго вліянія, могла имѣть на Лактанція и вліяніе положительное, причѣмъ пунктомъ соприкосновенія язычества съ христіанствомъ и вмѣстѣ исходнымъ пунктомъ для Лактанція при его переходѣ отъ старой вѣры къ новой могли быть стоическія ученія о единствѣ божественнаго существа и о providѣнціи, которыя являются „основоположеніями его философскаго и богословскаго мышленія“¹⁾. Привлекало Лактанція къ христіанству и нравственное ученіе христіанское, поразительная вѣрность христіанскихъ мучениковъ исповѣдуемой ими вѣрѣ и вообще все, чѣмъ такъ сильно отличались древніе христіане отъ своихъ прежнихъ собратій по религіи.

Существуетъ мнѣніе, что Лактанцій обратился въ христіанство еще въ Африкѣ, которая такимъ образомъ была его родиной, если не въ физическомъ, то въ духовномъ смыслѣ, — мѣстомъ, гдѣ онъ возродился духовно. При такомъ представленіи дѣла время обращенія Лактанція въ христіанство падало бы на ранній періодъ его жизни. Другіе относятъ переходъ Лактанція въ христіанство къ позднѣйшему времени его жизни. При этомъ признается или болѣе чѣмъ вѣроятнымъ²⁾ или даже прямо несомнѣннымъ³⁾, что

¹⁾ Brandt, Ueber d. L. d. L., 26.

²⁾ Overlach, 2.

³⁾ Brandt, Ueber d. L. d. L., 26.

обращеніе Лактанція послѣдовало уже по переѣздѣ его на жителство въ Никомидію, хотя подготовлено было раньше ¹⁾. Лактанцій, зная, чего ждали отъ него въ Никомидіи, не могъ, будучи христіаниномъ, отправиться туда изъ Африки, чтобы взять на себя дѣло преподаванія, которое его христіанскому сознанию представлялось преподаваніемъ недоброкачественной въ нравственномъ отношеніи діалектики и дѣйствительно служило, по его собственнымъ словамъ, лишь для того, чтобы пріучить учениковъ къ болтовнѣ, хотя бы и безсодержательной ²⁾, — соображеніе правдоподобное, особенно если разсматривать его въ связи съ другими біографическими данными о Лактанціѣ, хотя и не исключающее нѣкоторыхъ недоумѣній ³⁾. Въ частности, обращеніе Лактанція съ большою вѣроятностью относится ко времени предшествовавшему началу Діоклетіанова гоненія ⁴⁾. Но объ этомъ будетъ рѣчь дальше.

О характерѣ религіозныхъ взглядовъ Лактанція во время пребыванія его въ Африкѣ, какъ и объ обстоятельствахъ и условіяхъ его жизни тамъ имѣется вообще мало вполне надежныхъ свѣдѣній. Для характеристики этихъ взглядовъ могли бы дать матеріалъ и на всю вообще духовную жизнь писателя за указанное время могли бы пролить нѣкоторый свѣтъ приписывавшіяся Лактанцію и относимыя нѣкоторыми къ этой именно порѣ его жизни стихотворенія, извѣстныя подъ заглавіями *Aenigmata* и *De Phoenice*, если бы было доказано, что первое изъ означенныхъ стихотвореній дѣйстви-

¹⁾ Brandt, въ Ueber d. Entstehungsverh. d. Prosaschr. d. L., 131, допускаетъ, что Лактанцій, еще въ бытность въ Африкѣ, schon in mancherlei Berührungen mit dem Christenthum, das ja gerade in Africa so tiefe und weitgehende Wurzeln geschlagen hatte, gekommen war, vielleicht auch schon eine gewisse Hinneigung zu demselben empfand.

²⁾ Overlach, 2.

³⁾ Оверлахъ, высказавши вышеприведенную мысль, продолжаетъ: Dagegen ist es wohl denkbar, dass er nach erfolgter Bekehrung nicht so fort ein Amt förmlich niederlegte, das... bei den Wenigen, die seine Unterweisung verlangten, möglicher Weise eine christliche Lösung seiner Aufgabe zuließ. Пусть такъ. Но почему не могъ Лактанцій думать объ einer christliche Lösung предстоявшей ему задачи, еще находясь въ Африкѣ, если предположить его обращеніе въ христіанство въ Африкѣ?

⁴⁾ Brandt, 1. c., 26. Ebert, 73. Справ. Bähr, Suppl.—B., II, 72.

тельно принадлежить Лактанцію, а второе относится именно къ указанному періоду его жизни.

Лактанцій, несомнѣнно, раздѣлялъ общую склонность къ стихотворству, особенно развившуюся въ императорскій періодъ римской исторіи, когда даже проза приняла отчасти поэтической колоритъ. Въ сочиненіяхъ его приведено замѣчательно много стиховъ, изъ чего можно заключать, что у него было дѣйствительное внутреннее тяготѣніе къ поэзіи съ ея размѣренной рѣчью, развитое, быть можетъ, его занятіями поэтическими произведеніями въ періодъ школьнаго ученья. Лактанцій и самъ писалъ стихи. Къ числу этихъ его стихотвореній былъ относимъ и приводимый Іеронимомъ на первомъ мѣстѣ въ его перечнѣ Лактанціевыхъ сочиненій *Symposium, quod*—по словамъ Іеронима—*adolescensculus scripsit Africae*, но о которомъ, къ сожалѣнію, никакихъ частнѣйшихъ свѣдѣній у Іеронима, какъ и у другихъ писателей, не сообщается. Со временъ Геймана (Heumann) ¹⁾ разными изслѣдователями ²⁾ многократно за это именно произведеніе Лактанція были признаваемы тѣ сто загадокъ (состоящихъ каждая изъ трехстишія съ предпосланнымъ общимъ прологомъ въ семнадцать стихахъ), которыя обыкновенно издавались въ сборникахъ сочиненій Лактанція ³⁾ и которыя еще и раньше приписывались Лактанцію ⁴⁾. Но

¹⁾ Мнѣніе о томъ, съ какимъ стихотвореніемъ слѣдуетъ отождествлять это *Symposium*, было выражено и доказываемо Гейманомъ въ предисловіи къ его ганноверскому изданію 1722 г.

²⁾ См. Bähr, I, 710, Anm. 19; Suppl.-B., I, 22. Къ названному здѣсь Гейману (Heumann), Шрекку (Schröck), Саксе (Saxe, о которомъ см. Bähr, S.-B., I, 16), нужно присоединить Бертольда (Bertold, 22). См. еще praefatio, въ *Centum aenigmata vetera etc.*, rec. Neupatz, 1775.

³⁾ Напримѣръ у Migne, VII, 289 sqq.; у Fritzsche II, 298, у Büpeman, 1490 sqq.

⁴⁾ У Teuffel-Schwabe § 449, A. 1, S. 1152 приведена eine Glosse im cod. Cassin. 90 v. X, о которой замѣчено: Aus jener Glosse (а также, кажется, отчасти и изъ Randbemerkung im Palat.—Vatic. 1753 v. IX, въ связи съ указаніями у Teuffel-Schwabe, ibid.) ergibt sich... dass man schon früh diese 100 Rätsel dem Lactanz beilegte, indem man sie für dessen Symposium ansah. Такимъ образомъ, мысль о принадлежности разсматриваемыхъ стиховъ Лактанцію появилась и выражена была гораздо раньше Геймана.

въ болѣе новое время этотъ взглядъ признанъ не имѣющимъ для себя твердаго основанія. Въ самое же послѣднее время подвергается, и не безъ основанія, сомнѣнiю и то, можно ли считать *Symposium* Лактанція стихотворенiемъ ¹⁾. Что касается стихотворенія *De Phoenice*, то его принадлежность Лактанцію можетъ быть признана доказанною послѣ посвященныхъ этому предмету новыхъ изслѣдованiй ²⁾, но составленіе стихотворенія въ языческой періодъ жизни Лактанція нужно, кажется, признать сомнительнымъ ³⁾.

Такимъ образомъ, несомнѣнно одно, что въ бытность Лактанція въ Африкѣ былъ составленъ имъ какой-то *Symposium*. Тогда же, быть можетъ, написалъ онъ и свое (давно, къ сожалѣнiю, утраченное) сочиненіе о грамматикѣ, подъ названiемъ *Grammaticus*, о которомъ упоминаетъ Иеронимъ въ своемъ перечнѣ сочиненiй Лактанція ⁴⁾: при мысли о появленiи Лактанціева сочиненія съ

¹⁾ Brandt въ *Ueber d. Entstehungsverhältnisse d. Prosa Schr. d. L.*, 129—130 развиваетъ и отчасти обосновываетъ оригинальную мысль, что *Symposium* Лактанція — прозаическое произведеніе, представлявшее, въ формѣ застольной бесѣды, изложеніе какихъ либо ученыхъ, напримѣръ грамматическихъ, вопросовъ, или одного такого вопроса.

²⁾ Новѣйшее изслѣдованіе по этому предмету принадлежитъ Löbe въ *Jahrbücher für protestantische Theologie*, XVIII Jahrgang, I Heft (ausgeg. im December 1891), с. 34—65. Сравни нѣкоторыя соображенія въ указанной брошюрѣ Брандта, стр. 132.

³⁾ Вопросъ этотъ доселѣ остается спорнымъ: посвященными ему спеціальными изслѣдованiями лишь сдѣланъ наклонъ къ разрѣшенію его въ томъ смыслѣ, что стихотвореніе *De Phoenice* написано Лактанціемъ уже по обращенiи въ христіанство, — но не болѣе того. Брандта эти изслѣдованія совсѣмъ не убѣдили, и онъ остается при мысли, что Л. написалъ его *in seiner früheren Zeit und ehe er sich mit Entschiedenheit für das Christenthum erklärt hatte*. Основанія такого мнѣнія кратко указалъ онъ въ упомянутомъ въ предш. примѣч. изслѣдованiи, на стр. 131—132, обобщая коснуться разсматриваемаго стихотворенія въ особой статьѣ въ *Rhein. Museum*.

⁴⁾ Начало этого перечня (*Habemus eius Symposium, quod adolescentulus scripsit Africae, et 'Οδοιπορικόν de Africa usque Nicomediam, hexametris scriptum versibus, et alium librum qui inscribitur Grammaticus etc.*) располагаетъ къ мысли, что Иеронимъ, составляя его, какъ будто имѣлъ въ виду хронологическую послѣдовательность, въ которой появлялись сочиненія Лактанція. Если бы у Иеронима дѣйствительно была эта точка зрѣнiя, тогда выходило бы, повидимому, что, по нему, *Grammaticus* былъ написанъ Лактанціемъ уже не въ Африкѣ. (Такъ, должно

такимъ содержаніемъ именно въ это время лучше объясняется послѣдовавшая вскорѣ переѣзна въ судьбѣ Лактанція. Объ общемъ содержаніи сочиненія можно только догадываться на основаніи его заглавія и относимой къ нему одной маленькой цитаты ¹⁾).

Ничто не мѣшаетъ предполагать, что написанныя Лактанціемъ въ Африкѣ сочиненія, вмѣстѣ съ его—какъ есть основанія думать—успѣшными преподавательскими занятіями ²⁾ доставили ему нѣкоторую извѣстность. Повидимому, молва о немъ перешла даже предѣлы Африки, такъ что императоръ Діоклетіанъ, хотѣвшій придать своей новой столицѣ и резиденціи Никоидіи блескъ во всѣхъ

быть, разсуждалъ Nic. Lenglet. Срав. относящіяся сюда его сужденія въ М. VI, 70D). Но вторая половина перечня, гдѣ сочиненія, о времени составленія которыхъ имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія, поставлены не въ порядкѣ ихъ появленія, располагаетъ къ мысли, что Иеронимъ, составляя списокъ Л. сочиненій, или не держался хронологической точки зрѣнія (такъ судитъ Brandt, въ Ueber d. Entstehungsverh. Prosaschr. d. L., 124) или же ея не выдержалъ. Но, очевидно, и въ случаѣ вѣрности второй половины дилеммы, указанное мѣсто у Иеронима не можетъ имѣть значенія вѣскаго свидѣтельства. — Что касается изслѣдователей, то одни изъ нихъ совсѣмъ не высказываются по этому предмету и не ставятъ даже вопроса о времени появленія Grammaticus (Bertold, 24). другіе высказываются неопредѣленно (напр. Overlach, s. 2, который впрочемъ, если судить по контексту, въ которомъ стоитъ его замѣчаніе о Grammaticus, готовъ больше склониться къ мысли о составленіи Лактанціемъ этого сочиненія въ языческой періодъ жизни и именно въ Африкѣ, чѣмъ къ противоположному мнѣнію). Брандтъ полагаетъ, что соч. Grammaticus «могло быть юношеской работой Лактанція, какъ его Symposium и описаніе путешествія изъ Африки въ Никоидію». Кромѣ того онъ замѣчаетъ, что это сочиненіе ни въ какомъ случаѣ не падаетъ на конецъ учительской дѣятельности Лактанція (Ueber d. L. d. L., 23). Въ томъ же, въ сущности, смыслѣ, т. е. довольно неопредѣленно, высказывается Брандтъ и въ позднѣе вышедшемъ своемъ изслѣдованіи Ueber die Entstehungsverhältnisse d. Prosaschriften d. Lactantius, на стр. 124 (отдѣльнаго изданія).

¹⁾ По довольно вѣроятной догадкѣ, выраженной у T.-Schwabe, § 397, A. 2, s. 998, auf den Grammaticus bezieht sich wohl Grammat. lat. ex rec. H. Keilii 6, 209, 11 nostra quoque memoria Lactantius de metris «pentameter» inquit et «tetrameter».

²⁾ Jedenfalls, справедливо замѣчаетъ Брандтъ, hatte er (Lactanz) schon vorher (до послѣдовавшаго потомъ приглашенія въ Никоидію) in Africa die Thätigkeit als Lehrer ausgeübt (Ueber d. L. d. L., 22). Брандтъ, впрочемъ, не доказываетъ этого—конечно, правдоподобнаго—предположенія.

отношеніяхъ ¹⁾ и, вѣроятно, раздѣлявшій желаніе римлянъ, чтобы латинскій языкъ распространялся по всей имперіи ²⁾, пригласилъ сюда, вмѣстѣ съ грамматикомъ Флавіемъ, Лактанція въ качествѣ учителя латинскаго краснорѣчія ³⁾. Это было приблизительно около 290 года. Предпринятое Лактанціемъ, вслѣдствіе этого пригла-

¹⁾ Bertold, 6—7; Brandt, 22.

²⁾ Сравн. комм. у Migne VI, 552D.

³⁾ Возможно предположеніе: не рекомендовалъ ли Лактанція на это мѣсто самъ Арнобій? Къ Арнобію могли обратиться за рекомендаціей, какъ ритору извѣстному въ ту пору (сравн. слова Иеронима о немъ) и притомъ имѣвшему, какъ можно не совѣмъ безъ основанія думать въ виду греческаго происхожденія его имени (см. T.-Schwabe, § 391. A. 1), греческое происхожденіе. [Въ Totius latininitatis onomasticon, opera et studio Vinc. de-Vit lucubratum, s. v. Arnobius, сказано: Nomen virile, incertae originis, probabilis Punicae, quum in Africa primum hoc nomen reperitur usurpatum, Graece Ἀρνοβίος]. Рекомендація со стороны такого лица, какъ Арнобій, могла быть, при указанныхъ обстоятельствахъ особенно цѣнна и важна, такъ какъ дѣло шло о риторѣ для греческаго города. Въ качествѣ основаній для приглашенія Лактанція могли служить и достоинства уже составленныхъ имъ къ этому времени произведеній, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что онъ владѣлъ латинскою рѣчью во всемъ ея разнообразіи и со всѣмъ богатствомъ ея формъ; а это служило не малой рекомендаціей для человѣка, приглашаемаго на должность латинскаго ритора. Брандтъ (Ueber d. L. d. L., 22, A. 2) говоритъ: es ist nicht zu begründende Ausmalung, wenn Möhler, Patrologie (1840) s. 917 von dem Symposium sagt, dass es die Aufmerksamkeit Diocletians auf Lactanz gelenkt und seine Berufung zum Lehrer der Rhetorik nach Nicomedien veranlasst habe; ebenso Nirschl, Patrologie I (1881) s. 368. Но Брандтъ при этомъ не позаботился обосновать и свой отзывъ. Поэтому остается вполне правдоподобнымъ и удобоприемлемымъ изложенное выше мнѣніе о томъ, что и Symposium и другія сочиненія Лактанція, которыя онъ, вѣроятно, написалъ въ Африкѣ, могли служить нѣкоторымъ основаніемъ для приглашенія его въ Никомидію. Однимъ изъ основаній къ этому могли также быть и познанія Лактанція въ греческомъ языкѣ, въ ту пору предполагавшіяся у каждаго образованнаго человѣка (сравн. по этому предмету между прочимъ замѣчанія о Симмахѣ въ Berl. ph. Wochenschr. 1892, № 3, Sp. 80—81). Не по гречески ли было написано Лактанціемъ и его стихотвореніе Ὀδοπορικόν, гдѣ онъ описалъ свою поѣздку на востокъ? Безъ этого предположенія было бы трудно объяснить, почему Иеронимъ этому стихотворенію далъ греческое заглавіе. Сравн. также основанныя на фактическихъ данныхъ соображенія о вліяніи африканскаго элемента въ римской имперіи — въ статьѣ Юнга (J. Jung) Zu Tertullians auswärtigen Beziehungen въ Wiener Studien, XIII Jahrgang 1891, Zweites Heft, s. 230 ff.

шенія, путешествіе въ Никомидію, онъ, какъ сообщено у Иеронима, описалъ гекзаметрами въ стихотвореніи 'Ὀδοιπορικόν, которое, къ сожалѣнію, утрачено. Весьма возможно, что мысль объ этомъ описаніи подали Лактанцію сдѣланныя Луциліемъ и Гораціемъ въ стихахъ, и именно гекзаметрахъ, описанія ихъ путешествій на югъ Италиі, а также и другія подобныя стихотворныя произведенія, существовавшія въ извѣстной Лактанцію латинской литературѣ¹⁾. Упомянутыя описанія Лактанціей имѣли, разумѣется, случай узнать при чтеніи всѣхъ вообще произведеній Луцилія и Горація, съ которыми, какъ показываютъ сочиненія его, онъ былъ хорошо знакомъ. Быть можетъ, Луциліево и Гораціево, какъ и другія подобныя описанія послужили отчасти, въ какомъ либо отношеніи, даже и образцами для Лактанція въ его описаніи собственной поѣздки.

Преподаваніемъ риторикі, начатымъ, повидимому, въ Африкѣ и продолженнымъ въ Никомидіи, послѣ переезда туда, Лактанціей, по его собственнымъ словамъ, занимался долго²⁾. Какъ смотрѣлъ Лактанціей на эти свои занятія и цѣнилъ ли ихъ въ то время, когда предавался имъ, мы не знаемъ, но впоследствии, сдѣлавшись христіаниномъ и, по обстоятельствамъ, прекративши преподавательскую дѣятельность, онъ выражалъ мысль, что, руководя въ качествѣ ритора занятіями юношей, онъ имѣлъ въ виду не воспитаніе ихъ для добродѣтели, но упражненіе ихъ въ изворотливости и софистикѣ³⁾. Будучи риторомъ, т. е. преподавателемъ теоріи ораторскаго искусства, и, упражняя своихъ слушателей въ составленіи и произношеніи рѣчей на разныя темы, самъ Лактанціей не выступалъ въ качествѣ оратора и даже, по его мнѣнію, по всей вѣроятности, преувеличенно скромному, не обладалъ и настоящимъ краснорѣчіемъ. Однажды онъ выразилъ мысль, что хотя онъ, въ виду своихъ преподавательскихъ занятій, и старался приобрѣсти умѣнье говорить рѣчи⁴⁾, однако ораторомъ никогда не былъ, такъ

¹⁾ Vahr. I, 476 f.

²⁾ Въ Divin. Instit. I, 1, 8 (Migne, VI, 114A) говоритъ онъ о professio ... oratoria, in qua diu versati.

³⁾ Divin. Instit., l. c. (M. VI, 114A); сравн. комментарий въ M. VI, 885.

⁴⁾ Стоящее здѣсь въ изданіи Мина (M. VI, 385B) discendi пред-

какъ и на форумѣ никогда не выступалъ¹⁾. Лактанцій однако въ другое время признавалъ, что упражненія его учениковъ въ рѣчахъ и въ веденіи фиктивныхъ процессовъ, которыми руководилъ и въ которыхъ онъ, такимъ образомъ, необходимо долженъ былъ принимать болѣе или менѣе дѣятельное и живое участіе, принесли и ему самому большую пользу²⁾. Лактанцій прямо не говоритъ, въ чемъ заключалась эта польза, но изъ нѣкоторыхъ замѣчаній его видно, что приобрѣлъ онъ, благодаря означеннымъ упражненіямъ. Онъ именно научился говорить ясно и изящно и вообще сдѣлался до известной степени краснорѣчивымъ, по его собственному признанію на этотъ разъ³⁾.

Весьма возможно, что преподавательская дѣятельность въ тѣсномъ смыслѣ этого слова не наполняла всего времени Лактанція. Преподавательское вліяніе Лактанція, начавшись въ школахъ, могло простирается и за ея предѣлы. Дѣйствительно, связь, завязавшаяся между учителемъ и учениками въ школахъ, не прерывалась за ея порогомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ начало сочиненія *De officio Dei*, адресованнаго къ одному изъ бывшихъ слушателей Лактанція Деметріану, послѣ обращенія Лактанція въ христіанство⁴⁾. Невольно является мысль: не ко времени ли именно преподавательской дѣятельности Лактанція въ Никомидіи относятся и его (не сохранившіяся, къ сожалѣнію) письма къ Пробу, быть можетъ тоже

ставляетъ одну изъ немалочисленныхъ опечатокъ этого изданія. Въ текстѣ у Брандта стоятъ *dicendi* (*Div. Inst.* III, 13, 12).

¹⁾ *Div. Inst.* III, 13, 12 (M. VI, 385B).

²⁾ *Div. Inst.* I, 1, 10 (M. VI, 114B).

³⁾ Это признаніе выражено, хотя и не прямо, и слышится въ сочетаніи фразъ: *Multum tamen nobis exercitatio illa fictarum litium contulit, ut nunc maiore copia et facultate dicendi causam veritatis pereremus*, и затѣмъ: *quae licet possit sine eloquentia defendi, ut est a multis saepe defensa, tamen claritate ac nitore sermonis illustranda et quodam modo disserenda est, ut potentius in animos influat et vi sua instructa et luce orationis ornata.*

⁴⁾ Къ нему же, по Иерониму, были адресованы еще двѣ книги писемъ. Къ числу тѣхъ же учениковъ Лактанція, по догадкѣ Брандта, быть можетъ, принадлежалъ и *Asclepiades noster*, который, по *Inst.* VII, 4, 17, посвятилъ Лактанцію сочиненіе о провидѣніи и самъ получилъ отъ него двѣ книги писемъ (*Brandt, Ueb. d. L. d. L., 26*).

прежнему ученику Лактанція, одинаково съ Деметріаномъ, и не находились ли эти письма въ какой либо связи именно съ преподавательскими занятіями Лактанція? О содержаніи упомянутыхъ писемъ можно судить по нѣкоторымъ дѣлаемымъ на нихъ ссылкамъ ¹⁾, изъ которыхъ видно, что эти письма касались не только вопросовъ чисто ученыхъ, но и тѣхъ, которые разсматривались въ школахъ. Не естественнѣе ли всего относить появленіе этихъ писемъ именно ко времени преподавательской дѣятельности Лактанція, притомъ не къ ея началу, когда Лактанцій жилъ еще въ Африкѣ, а къ той порѣ, когда онъ перѣхалъ уже въ Малую Азію и занимался здѣсь преподаваніемъ, а также и связанными съ нимъ изслѣдованіями въ ученой области? Письма эти относятся нѣкоторыми къ языческому періоду жизни Лактанція, и если это предположеніе вѣрно, то всего удобнѣе признать ихъ написанными именно въ то время, когда Лактанцій занимался преподаваніемъ въ Никоидіи, но не былъ еще христіаниномъ ²⁾.

¹⁾ Teuffel-Schwabe, § 397, A. 2, S. 998: Die Briefe ad Probum stammen vielleicht noch aus der vorchristlichen Zeit des Lact. und behandelten (vorzugsweise) Gegenstände aus dem Gebiete der Gelehrsamkeit: Rufin, Gramm. lat. ex rec. Keilii, 6, 564: Firmianus ad Probum de metris comoediarum sic dicit etc. Hieron. comm. in ep. ad Gal. (opp. ed. Vall. 7, 1, 426): Lactantii nostri quae in tertio ad Probum volumine de hac gente (Galatae) opinatus sit verba ponemus.

²⁾ N. Lenglet, выразивши мысль, что Epistolae ad Severum a Lactantio editas fuisse, dum in Gallia morabatur, продолжаетъ: Eadem porro dicerem de libris quatuor Epistolarum ad Probum, cujus nomen non Asiaticum, sed Romanum est, vel forte Gallicum. Ad eum enim in Gentis gratiam atque laudem Lactantius his in Epistolis de Gallis praeclara quaedam profert. testante S. Hieronymo (Proem. lib. II, in Epist. ad Galatas). «Galli, inquit Lactantius, a candore corporis Galatae nuncupantur, et Sibylla sic eos appellat. Quod significare voluit poeta, cum ait: «Tum lactea colla auro innectuntur», cum posset dicere «candida». Hinc utique Galatia provincia, in quam Galli aliquando venientes, cum Graecis se miscuerunt; unde primum ea regio Gallo Graecia, post Galatia nominata est». Haec tamen, non diffiteor ipse, levior est conjectura; verum ab aliis certiora melioraque sunt exspectanda (Migne, VI, 74AB). Брандтъ въ брошюрѣ Ueber das Leben des Lactanz, на стр. 23, замѣчаетъ, что vier Bücher (ad Probum) sind, wie wir noch zeigen werden, sehr möglicher Weise... nach 314 verfasst, и затѣмъ, на стр. 40, касаясь позднѣйшаго періода жизни Лактанція, говоритъ: auf den Aufenthalt in Gallien weist vielleicht auch die Erklärung der Namen

По словамъ Иеронима, преподавательская дѣятельность Лактанція успѣха не имѣла, вслѣдствіе того, что Никоидія была городъ греческій и учениковъ у Лактанція поэтому должно было набраться мало, такъ что Лактанцій оказался вынужденнымъ обратиться къ

Gallier und Galater, die Hieronymus im Commentar zum Galaterbrief, in der Vorrede des zweiten Buches (tom. VII, 425. Vall.) aus dem dritten Buche von Lactanz' Briefen an Probus mittheilt. Но указанное объясненіе могъ Лактанцій сдѣлать и находясь въ Малой Азій, къ которой принадлежала Галатія. Въ позднѣе вышедшемъ изслѣдованіи своемъ Ueber d. Entstehungsverh. d. Prosaschr. d. L., (стр. 124—126 отдѣльнаго изданія), тотъ же ученый признаетъ «очень вѣроятнымъ», что Лактанцій писалъ эти письма уже тогда, когда былъ христіаниномъ. Основаніемъ для такого мнѣнія Брандта служитъ извѣстное заявленіе Дамаса въ письмѣ къ Иерониму. Вотъ слова Дамаса: fateor quippe tibi, eos quos mihi iam pridem Lactantii dederas libros, ideo non libenter lego, quia plurimae epistulae eius usque ad mille spatia versuum tenduntur et raro de nostro dogmate disputant: quo fit, ut et legenti fastidium generet longitudo, et si qua brevia sunt, scholasticis magis sunt apta quam nobis, de metris et regionum situ et philosophis disputantia. По всей вѣроятности, полагаетъ Брандтъ, Дамасъ получилъ отъ Иеронима только извѣстныя, а не всѣ книги писемъ Лактанція, и въ этихъ книгахъ велась рѣчь съ одной стороны о христіанскихъ догматахъ, съ другой—о вопросахъ свѣтскихъ наукъ, о метрихъ, географіи, философіи; но, продолжаетъ этотъ изслѣдователь, письма къ Пробу несомнѣнно занимались метрикой, а на географическія разсужденія въ нихъ указываютъ слова Иеронима о происхожденіи Галатовъ; отсюда, заключаетъ онъ, мы вправѣ сдѣлать предположеніе, что Дамасъ въ приведенномъ мѣстѣ говоритъ именно о письмахъ Проба и что эти письма относятся къ христіанскому періоду жизни Лактанція (Brandt, Ueber die Entstehungsverh. d. Prosaschr. d. L. 125—126). Выводъ явно поспѣшный, для котораго нѣтъ достаточныхъ основаній въ послышкахъ. Этотъ выводъ можно было бы признать правильнымъ въ томъ лишь случаѣ, если бы Лактанцій оставилъ послѣ себя письма *только* къ Пробу, и больше ни къ кому. Нѣсколько дальше Брандтъ говоритъ: «Противъ этого предположенія не можетъ говорить то, что въ этихъ письмахъ удѣляется вниманіе, и притомъ въ значительной мѣрѣ, и свѣтскимъ наукамъ. Легко допустить, что Лактанцій въ позднѣйшіе годы своей жизни, когда время борьбы для христіанской церкви миновало, вновь обратился къ тѣмъ наукамъ, которыя въ его юности и въ дохристіанскій періодъ жизни составляли его духовный міръ. Притомъ и въ Institutiones и въ книгѣ De ira dei нерѣдко переходитъ онъ на азычскую почву (auf profane Gebiete hinübergreift), конечно—въ интересахъ подлежащихъ ему задачъ (allerdings im Interesse der vorliegenden Aufgaben)» (стр. 126). Но въ этихъ-то «интересахъ подлежащихъ Лактанцію задачъ» и заключается сущность дѣла въ данномъ вопросѣ.

иному роду занятій. *Penuria discipulorum*, говоритъ Иеронимъ, ob Graecam videlicet civitatem ad scribendum se contulit. Мысль Иеронима принималась довольно многими изслѣдователями, при чемъ была дополняема нѣкоторыми частнѣйшими соображеніями. Оверлахъ писалъ: „греческій городъ представлялъ учителю латинскаго краснорѣчія мало возможности выполнять свое призваніе, и такимъ образомъ онъ (Л.) обратился преимущественно къ литературной дѣятельности“¹⁾. Бэръ, дополняя приведенныя слова Иеронима его замѣчаніемъ (относящимся однако, повидимому, къ позднѣйшему времени жизни Лактанція) въ хроникѣ, уже говоритъ, что Лактанцій „по недостатку учениковъ въ совершенно греческомъ городѣ крайне обѣднѣвши и терпя нужду въ самомъ необходимомъ, былъ вынужденъ предаться литературной дѣятельности“²⁾. Бертольдъ, который тоже принималъ объясненіе Иеронима, дополнялъ его еще новыми соображеніями. Въ виду обстоятельствъ, среди которыхъ приходилось Лактанцію отправлять свою должность, онъ находилъ совершенно естественнымъ, что Лактанцій, не въ такой степени владѣвшій греческимъ языкомъ, чтобы имѣть возможность угождать вкусу своихъ слушателей хорошо построенными рѣчами, былъ похожъ на растеніе, которое никогда не можетъ вполне развиться, если удалить его съ родной почвы. Лактанцій, не обладавшій, подобно греческимъ риторамъ, умѣньемъ сыпать цвѣтистыми фразами и остротами, которыя такъ нравились тогдашнимъ грекамъ, видѣлъ, что его аудиторія посѣщается слабѣе и слабѣе. Въ виду этого и вслѣдствіе скудости своихъ матеріальныхъ средствъ, онъ занялся литературою³⁾.

Соображенія, представленныя названными изслѣдователями въ видѣ какъ бы поясненія указаній Иеронима, возбуждаютъ не мало недоумѣній. Прежде всего представляется, какъ справедливо указалъ Брандтъ⁴⁾, маловѣроятною малочисленностью учениковъ у латинскаго рителя въ императорской резиденціи и столицѣ востока,

¹⁾ Overlach, 2.

²⁾ Bähr, S.-B., II, 72—73.

³⁾ Bertold, 7.

⁴⁾ Brandt, Ueb. d. L. d. L., 23—24.

гдѣ латинскій языкъ былъ языкомъ официальнымъ ¹⁾. Но если даже допустить эту малочисленность, то все же нужно признать по меньшей мѣрѣ сомнительнымъ заключеніе отъ малочисленности учениковъ Лактанція къ бѣдности его матеріальныхъ средствъ для жизни. Признавъ вѣрнымъ это заключеніе, пришлось бы допустить, что, приглашая Лактанція въ Никомидію, Діоклетіанъ ничѣмъ не обезпечилъ его содержанія. Но это представляется невѣроятнымъ ²⁾. Допустить, что Діоклетіанъ, приглашая Лактанція въ Никомидію, не подумалъ о томъ, чѣмъ онъ будетъ тамъ жить, еще труднѣе, чѣмъ признать, что не были приняты мѣры къ тому, чтобы, какъ замѣтилъ Брандтъ, „официально приглашенный императорскій риторъ былъ предохраненъ отъ опасности говорить предъ пустыми скамьями“ ³⁾. Сомнительно и то, какъ замѣчено тѣмъ же изслѣдователемъ, что „такой мастеръ языка, такой ученый, такой живой... умъ ...не былъ въ состояніи приковать вниманіе аудиторіи“ ⁴⁾. Что касается объясненія указанной неудачи Лактанція его не вполне достаточнымъ знаніемъ греческаго языка, то это объясненіе можетъ держаться лишь при томъ предположеніи, что Лактанцій преподавалъ по гречески ⁵⁾. Но это предположеніе является ни на чемъ въ сущности не осно-

¹⁾ См. подробности у Brandt, Ueber d. L. d. L., 23—24. На стр. 23 Брандтъ, указавши приведенныя слова Іеронима, говоритъ: Der Missstand eines überwiegend aus Griechen bestehenden Auditoriums bestand in Nicomedien ja immer und hätte Lactanz schon längst und von Anfang an in seiner Thätigkeit als Lehrer hemmen müssen. Соображеніе не особенно убѣдительно: Лактанцій могъ сначала мириться съ указаннымъ обстоятельствомъ и выждать; но потомъ, увѣрившись, что дѣла не поправляются, онъ могъ рѣшить все бросить. Вообще, при согласіи съ Брандтомъ въ главномъ, нельзя признать убѣдительными нѣкоторыхъ его частныхъ соображеній.

²⁾ См. о содержаніи риторовъ и нѣкоторыхъ другихъ преподавателей у Vahg I, 95 сл., 104 сл. Сравн. о терминѣ professio, встрѣчающемся у Лактанція въ D. Inst. I, 1, 8 (M. VI, 114A), Vahg, I, 95.

³⁾ На послѣдній пунктъ обращаетъ вниманіе Брандтъ въ Ueber d. L. d. L., 24.

⁴⁾ Brandt, 24.

⁵⁾ Кромѣ Бертольда, и Jansen, буквально по разсматриваемому вопросу повторяющій Бертольда (срав. стр. 7 у Bertold и 9 у Jansen), также, повидимому, думаетъ, что Лактанцій велъ преподаваніе на греческомъ языкѣ.

ванной догадкой. Преподавать Лактанцію уроки латинскаго краснорѣчія на греческомъ языкѣ не было никакой надобности, что однако не уменьшаетъ вѣроятности предположенія, что Лактанцій владелъ греческимъ языкомъ, хотя разумѣется и не такъ, какъ природный грекъ: знаніе греческаго языка Лактанціемъ можно предполагать уже потому, что это былъ разговорный языкъ въ Никоидіи. Конечно, безусловно отвергать рѣшительное Іеронимова указаніе на малочисленность учениковъ, какъ на побужденіе для Лактанція отдаться болѣе производительной, именно литературной дѣятельности, было бы рискованно: Іеронимъ — свидѣтель на столько древній и свѣдущій въ этой области, что оставлять безъ всякаго вниманія его рѣшительное показаніе ¹⁾ можно лишь по неподлежащимъ никакому сомнѣнію основаніямъ, чего нѣтъ въ данномъ случаѣ. Но, по степени правдоподобія, объясненіе Іеронима представляется менѣе вѣроятнымъ, чѣмъ ссылка на потерю Лактанціемъ своего учительскаго мѣста на основаніи эдикта 24 февраля 303 года ²⁾, которая должна была послѣдовать съ началомъ гоненій на христіанъ и при которой время Лактанція оставалось ничѣмъ не занятымъ ³⁾.

О побужденіяхъ для Лактанція заниматься литературными трудами говоритъ и самъ Лактанцій, и изъ словъ его можно заключать, что, предаваясь этимъ трудамъ, онъ руководился желаніемъ высказаться предъ своими новыми единовѣрцами-христіанами (такъ какъ къ этому времени Лактанцій уже обратился въ христіанство), въ виду особенныхъ обстоятельствъ времени, и по мѣрѣ своихъ силъ помочь христіанамъ въ ихъ трудномъ положеніи.

То было время начавшихся гоненій противъ нихъ. Но, кромѣ физической силы и насилія, язычество противопоставило тогда христіанству иного рода силу въ видѣ литературныхъ произведеній, направленныхъ къ защитѣ язычества и опроверженію христіанства. Объ этомъ говоритъ и самъ Лактанцій. „Въ то время, рассказы-

¹⁾ Іеронимъ предположительно объясняетъ («videlicet») собственно только принимаемую имъ малочисленность учениковъ Лактанція. Сравни. Brandt, Ueber d. L. d. L., 24—25.

²⁾ См. Brandt, Ueber d. L. d. L., 25. 28.

³⁾ Раскрытіе этого объясненія см. у Brandt, l. c., 25 и ок.

ваетъ онъ, когда преподавалъ я въ Виеннѣ риторикѣ и когда былъ (такъ) разрушенъ храмъ Божій, явились тамъ же два чело-вѣка, поносившіе низвергнутую и отвергнутую истину. Не знаю, чего у нихъ было больше: надменности или наглости. Одинъ изъ нихъ выдавалъ себя за учителя философіи; но онъ былъ такъ пре-исполненъ пороковъ, что, будучи учителемъ воздержанія, служилъ одинаково и жадности и чувственнымъ страстямъ; являясь въ школѣ проповѣдникомъ добродѣтели, превозносившимъ бережливость и бѣд-ность, онъ въ жизни былъ такъ расточителенъ, что, бывая во дворцѣ, обѣдалъ тамъ хуже, чѣмъ у себя дома. Впрочемъ, пороки свои прикрывалъ онъ бородой и плащомъ философскимъ, да еще богатствомъ, которое для этого наиболѣе пригодно; чтобы приумно-жить свое имущество, онъ удивительными происками добивался дружбы судей и заставлялъ ихъ довѣрять ему авторитетомъ ложно носямаго имъ имени (философа), чтобы, между тѣмъ, не только тор-говать ихъ рѣшеніями, но и сосѣдей своихъ, которыхъ онъ про-гонялъ съ занимаемыхъ имъ мѣстъ и полей, этимъ своимъ влія-ніемъ не допустить до исконъ о возвращеніи ихъ собственности. Этотъ же чело-вѣкъ, опровергавшій свои разсужденія собственнымъ поведеніемъ или обличавшій свои нравы собственными разсужденіями, строгій судья самого себя и суровый обвинитель, въ то самое время, когда праведный народъ безбожно былъ терзаемъ, изрыгнувъ три книги противъ религіи христіанской и христіанъ. Онъ прежде всего заявилъ, что обязанность философа помогать людямъ въ ихъ заблужденіяхъ и возвращать ихъ на истинный путь, т. е. къ по-читанію боговъ, которые, по его словамъ, своею силою и могуще-ствомъ правятъ міромъ, и не допускать, чтобы люди неопытные увлекались чьими либо обманами, при чемъ ихъ простотою восполь-зовались бы и ее эксплуатировали бы хитрые люди. Итакъ, онъ взялъ-де на себя этотъ достойный философа трудъ — открыть не-видящимъ свѣтъ мудрости, чтобы они не только опять стали здоровы (духомъ), возвратившись къ чтенію боговъ, но избѣжали и тѣлесныхъ мученій, оставивъ упрямое непокорство, и не предпочи-тали напрасно терпѣть жестокія мученія тѣла. А чтобы видно было,

ради чего трудился онъ надъ этимъ дѣломъ, онъ разсыпался въ похвалахъ государямъ: ихъ-де благочестіе и дальновидность, какъ по крайней мѣрѣ говорилъ онъ самъ, блестяще открылись особенно въ защитѣ культа боговъ, какъ и во всемъ прочемъ; они, наконецъ, позаботились объ интересахъ людей, чтобы, съ прекращеніемъ нечестиваго и вздорнаго суевѣрія, всѣ люди совершали законныя священнодѣйствія и на опытѣ узнавали о благоволеніи къ нимъ боговъ. Когда же онъ захотѣлъ ослабить основанія той религіи, противъ которой говорилъ, то оказался человѣкомъ глупымъ, пустымъ, смѣшнымъ, потому что этотъ важный совѣтодатель, радѣвшій о чужой пользѣ, не зналъ не только того, на что онъ нападалъ, но и того, что говорилъ. Наши, бывшіе свидѣтелями этого, хотя по обстоятельствамъ времени молчали, однако въ душѣ смѣялись, видя что этотъ человѣкъ намѣренъ просвѣщать другихъ, самъ будучи слѣпъ, — намѣренъ отвлечь ихъ отъ заблужденія, самъ не зная, гдѣ поставить свои ноги, — намѣренъ обратить другихъ къ истинѣ, тогда какъ самъ никогда не видалъ и искры ея, потому что, будучи (официально) учителемъ мудрости, онъ (въ дѣйствительности) усиливался ниспровергнуть ее. Всѣ же винили его за то, что онъ приступилъ къ этому труду въ то именно время, когда неистовствовала отвратительная жестокость. О, льстецъ, рабъ времени! Но онъ преданъ презрѣнію, какъ того и заслуживалъ за свою суетность; онъ не добился и милости, на которую рассчитывалъ, и слава, которой онъ домогался, обратилась для него въ вину и укоръ.

„Другой писалъ о томъ же предметѣ съ большею ѣдкою. Онъ былъ изъ числа судей и онъ по преимуществу былъ виновенъ въ начатомъ гоненіи. Недовольный этимъ злодѣяніемъ, онъ также преслѣдовалъ и своими сочиненіями тѣхъ, кого угнеталъ. Сочинилъ онъ двѣ книжки, не противъ христіанъ, чтобы не показалось, что онъ враждебно преслѣдуетъ ихъ, но къ христіанамъ, чтобы его считали человѣкомъ, который даетъ имъ гуманные и доброжелательные совѣты. Въ этихъ сочиненіяхъ онъ пытался доказать живость священнаго Писанія, представляя его въ такомъ видѣ, какъ

будто оно всецѣло состоитъ изъ противорѣчій. Онъ изложилъ нѣсколько главъ, въ которыхъ оказывалось, по нему, внутреннее противорѣчье, и онъ привелъ при этомъ такъ много не всѣмъ открытымъ пунктамъ христіанскаго ученія, что казалось, какъ будто самъ онъ нѣкогда принадлежалъ къ исповѣдникамъ того же ученія. Если же онъ дѣйствительно былъ христіаниномъ, то какой Димосеенъ могъ предохранить его отъ нечестія, его, измѣнившаго и религіи, къ которой онъ присоединился, и вѣрѣ, отъ которой получилъ свое имя, и тайнству, которое онъ принялъ? Въ противномъ случаѣ придется допустить, что въ его руки случайно попали книги свящ. Писанія. Какъ же, значить, былъ онъ безразсуденъ, дерзая разрушать то, чего никто не растолковалъ ему¹⁾.

Эти противники христіанства старались пропагандировать свои мысли не только чисто литературнымъ путемъ, но и посредствомъ публичныхъ чтеній. На чтеніяхъ присутствовали въ качествѣ слушателей, — конечно, безмолвныхъ, по обстоятельствамъ времени, — и христіане²⁾, въ числѣ которыхъ былъ и самъ Лактанцій³⁾.

Сочиненія этихъ противниковъ христіанства требовали опровер-

¹⁾ Div. Inst. V, 2, 2—16 (M. VI, 552B—556A). О томъ, кто именно были или могли быть эти противники христіанъ и христіанской вѣры, будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ по другому поводу. Сводъ нѣкоторыхъ мнѣній по этому предмету даетъ Бертольдъ на стр. 9 своей брошюры. Брандтъ въ своемъ изслѣдованіи Ueber die Entstehungsverhältnisse d. Prosaschriften d. L., стр. 11 отдѣльнаго оттиска, замѣчаетъ объ этихъ лицахъ слѣдующее: Während der Verfolgung der Christen erhoben sich zwei litterarische Bekämpfer des Christenthums, der eine ein Lehrer der Philosophie, unbekanntem Namens (jedenfalls nicht Porphyrius, was Baronius, Annal. eccles. II, 853 ed. Pagius glaubte, Holstenius aber, De vita et scriptis Porphyrii [1630], p. 89, widerlegt hat), der andere, qui erat tum e numero iudicum et qui auctor in primis faciendae persecutionis fuit (D. Inst. V, 2, 12), ohne Frage derselbe, den wir mit fast denselben Worten de mort. pers. 16,4 erwähnt finden.

²⁾ D. Inst. V, 2, 9 (M. VI, 554B).

³⁾ D. Inst. V, 4, 1 (M. VI, 562A). См. объ этомъ Brandt, Ueb. d. L. d. L., 29, Anm. 1.

женія, которое Лактанцій и рѣшился представить. При этомъ ему хотѣлось однимъ ударомъ заставить замолчать не только упомянутыхъ поверхностныхъ антагонистовъ христіанства, но и всѣхъ вообще противниковъ христіанства ¹⁾, и это желаніе было у него тѣмъ сильнѣе, что существовавшая дотолѣ апологетическая и полемическая противъ язычества литература у христіанъ казалась Лактанцію неудовлетворительною. Вотъ его собственный отзывъ объ этой литературѣ. „Мудрость и истина (христіанская) нуждаются въ пригодныхъ провозвѣстникахъ, и если случалось, что нѣкоторые изъ образованныхъ людей посвящали себя ей, то они не были способны защитить ее. Изъ числа защитниковъ христіанства, которыхъ я знаю, Минуцій Феликсъ пользовался извѣстностью среди адвокатовъ. Книга его, подъ заглавіемъ: „Октавій“, показываетъ, какимъ подходящимъ защитникомъ истины онъ могъ бы быть, если бы всецѣло отдался этому дѣлу. И Септимій Тертуллианъ былъ свѣдушъ во всѣхъ отрасляхъ литературы; но слогъ его былъ тяжелъ, не изященъ и очень теменъ. Поэтому и онъ не приобрѣлъ достаточной извѣстности. Такимъ образомъ выдвинулся изъ ряда другихъ и получилъ извѣстность одинъ Кирианъ, такъ какъ онъ достигъ большой славы своею профессіею оратора и написалъ очень много сочиненій, въ своемъ родѣ достойныхъ удивленія. Онъ обладалъ даромъ изложенія легкаго, разнообразнаго, пріятнаго и (что составляетъ высшее достоинство рѣчи) яснаго, такъ что невозможно рѣшить, былъ ли онъ краснорѣчивѣе въ изложеніи своихъ мыслей, или счастливѣе въ ихъ раскрытіи, или сильнѣе въ доказательствахъ. Но людямъ, не вѣдущимъ тайны (христіанства), онъ могъ нравиться лишь внѣшнею формою изложенія, такъ какъ то, что говорилъ онъ, было таинственно и назначено было для однихъ вѣрныхъ. Наконецъ, и ученые вѣка сего, которымъ его сочиненія случайно сдѣлались извѣстны, обыкновенно смѣются надъ нимъ. Я слышалъ, какъ одинъ человекъ, несомнѣнно остроумный, переиhrивши одну литеру (въ его имени), называлъ его Коиріаномъ, какъ

¹⁾ D. Inst. V, 4, 1 (M. VI, 562A).

бы давая этимъ понять, что онъ обратилъ къ вздорнымъ баснямъ свой отличный умъ, годный для лучшаго употребленія. Если это случилось съ Кипріаномъ, который обладалъ пріятнымъ даромъ слова, то что же—нужно полагать—будетъ съ тѣми, рѣчь которыхъ суха и непривлекательна, которые не могли отличаться ни силой своихъ доказательствъ, ни тонкостью въ аргументаціи и рѣшительно никакимъ остроуміемъ въ опроверженіяхъ“¹⁾.

Нѣсколько дальше Лактанцій опять возвращается къ этимъ

¹⁾ Div. Inst. V, 1, 21—28 (M. VI, 551AB—552A). Здѣсь естественно возникаетъ вопросъ: почему Лактанцій не упоминаетъ Арнобія въ числѣ своихъ предшественниковъ по защитѣ христіанства? Нѣкоторые объясняли молчаніе Лактанція тѣмъ, что онъ въ эту пору еще не зналъ о появленіи апологетическаго труда Арнобія. Но, какъ справедливо возражаютъ на это, трудно предположить, чтобы Лактанцій не зналъ въ это время о вышедшемъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ сочиненіи человѣка, къ которому стоялъ близко (Brandt, Ueber d. L. d. L., 19). Конечно, прежняя близость между Арнобіемъ и Лактанціемъ еще не предполагаетъ *необходимо* сношеній между ними въ позднѣйшее время и особеннаго интереса со стороны Лактанція къ дѣятельности Арнобія, а равно появленіе сочиненія Арнобія въ Африкѣ еще не предполагаетъ *необходимо* его извѣстности и въ Малой Азіи, хотя послѣднее нужно признать весьма естественнымъ при тѣхъ постоянныхъ сношеніяхъ, въ которыхъ находились христіанскія общины Малой Азіи и Африки (сравни замѣчаніе автора статьи въ Wiener Studien, XIII Jahrgang 1891, II Heft подъ заглавіемъ: Zu Tertullians auswärtigen Beziehungen, на стр. 231—232, слѣд. содержанія: Die letzteren (Christen) hatten sich seit Marcus Aurelius eine zusammenhängende Organisation gegeben, vermöge deren die Nachrichten von den Schicksalen in der einen Provinz sofort nach der anderen überliefert und hier Gegenstand der Discussion wurden. So wusste man in Africa, was in Cappadocien, in Phrygien, in Dacien, in Gallien, in Britannien vor sich gieng). Во всякомъ случаѣ болѣе вѣроятнымъ представляется выраженное еще Ле-Нурри и раздѣляемое Брандтомъ (Ueber d. L. d. L., 19) объясненіе молчанія Лактанція объ апологетическомъ трудѣ Арнобія его желаніемъ уклониться отъ критики сочиненія своего учителя, критики неизбѣжной и, разумѣется, неблагопріятной для Арнобія при тѣхъ требованіяхъ, которыя предъявлялъ Лактанцій къ апологетическимъ произведеніямъ и съ точки зрѣнія которыхъ оцѣнивалъ онъ труды прежнихъ апологетовъ. Брандтъ, пользуясь отчасти указаніями прежнихъ изслѣдователей, находитъ у Лактанція слѣды прямого, по его мнѣнію, пользованія сочиненіемъ Арнобія. Впрочемъ эти слѣды едва ли можно назвать одинаково и вполне ясными, такъ какъ сходство въ отдѣльныхъ немногихъ словахъ еще ничего окончательно не доказываетъ, при существованіи ходячихъ

предшествовавшимъ ему апологетамъ. Тамъ, излагая задачу и предполагаемое общее содержаніе своего большого апологетико - полемическаго труда, онъ говоритъ: „Хотя Тертуліанъ полно изложилъ тотъ же самый предметъ въ книгѣ, называемой „Апологетикомъ“, однако такъ какъ одно дѣло—отвѣчать на обвиненія и состоитъ оно въ защитѣ или одною лишь отрицаніи, и другое дѣло—наставлять, что мы дѣлаемъ, при чемъ необходимо нужно раскрыть существенные пункты всего (христіанскаго) ученія,—то я не уклонился отъ этого труда, чтобы полнѣе изложить предметъ, котораго Кипріанъ вполне не обработалъ въ той рѣчи, въ которой онъ старается опровергнуть Деметріана, лающаго—по его выраженію—и кричащаго на истину: этимъ дѣломъ онъ занялся не такъ, какъ должно; ибо противника его слѣдовало опровергать не свидѣтельствами Писанія, которое тотъ считалъ, конечно, (свидѣтельствомъ) вздорнымъ, измышленнымъ, дживымъ, но доказательствами и соображеніями отъ разума. Такъ какъ апологетъ имѣлъ дѣло съ человѣкомъ, не вѣдающимъ истины, то, отложивши на нѣкоторое время божественное писаніе, онъ долженъ былъ начать свое наставленіе съ элементовъ, какъ поступаютъ, когда имѣютъ дѣло съ новичкомъ, и затѣмъ мало по малу показывать наставляемому начатки свѣта, чтобы тотъ не ослѣпъ, если бы на него упалъ полный свѣтъ. Ибо какъ дитя не можетъ усвоить твердой и крѣпкой пищи, по причинѣ нѣжности своего желудка, но питается молокомъ и мягкой пищею, пока, съ укрѣпленіемъ его силъ, для него не сдѣлается возможнымъ питаться пищею болѣе твердой; такъ и этому не вѣдущему, вслѣдствіе его неспособности воспринять божественныя свидѣтельства, слѣдовало сначала представить свидѣтельства человѣческія, т. е. свидѣтельства философовъ и историковъ, чтобы онъ былъ опровергнутъ по преимуществу своими свидѣ-

фразъ и выраженій. Бромъ того Брандтъ замѣчаетъ: Was die Zahl von sieben Büchern bei Lactanz betrifft, so hat er sie vielleicht gewählt, um in stillschweigendem Protest sein Werk dem des Arnobius gegenüberzustellen (Brandt, l. c., 21). Выраженіе: «Protest» во всякомъ случаѣ весьма не подходящее въ данномъ случаѣ. Если даже Лактанцій и имѣлъ въ виду замѣнить своимъ трудомъ трудъ Арнобія, то все же о «протестѣ» здѣсь не можетъ быть рѣчи.

лями. Такъ какъ апологетъ этого не сдѣлалъ, увлеченный своей превосходной начитанностью въ священномъ Писаніи, и удовольствовался тѣмъ однимъ, на чемъ основывается вѣра (христіанская), то я, по внушенію Божію (*Deo inspirante*), предпринялъ восполнить это и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и прочимъ указать путь для подражанія“. „И если бы, прибавляетъ Лактанцій, ученые и краснорѣчивые мужи, согласно моимъ увѣщаніямъ, начали обращаться къ этому занятію и предпочли приложить къ дѣлу свой умъ и свое краснорѣчіе на этомъ именно поприщѣ истины, то никто не усумнился бы, что ложныя религіи скоро исчезли бы и вся (человѣческая) философія пала бы»¹⁾.

Лактанцій нимало не сомнѣвался въ томъ, что если бы его большой трудъ, въ которомъ доказывалось бытіе единого Создателя и Правителя всего безпредѣльнаго міра, попался на глаза кому либо изъ тѣхъ людей, которые, на взглядъ Лактанція, имѣютъ нелѣпныя религіозныя представленія и, вслѣдствіе крайняго суевѣрія своего, не могутъ сдерживать себя, то они съ бранью накинулись бы на это его сочиненіе и, едва можетъ быть прочитавши начало его, бросили бы его съ пренебреженіемъ и проклятіями, и думали бы, что если они терпѣливо прочитаютъ или прослушаютъ его, то запятнаютъ и свяжутъ себя неизгладимымъ преступленіемъ²⁾,—предположеніе, хорошо характеризующее тогдашнихъ язычниковъ, притомъ очевидно изъ образованнаго класса общества. Лактанцій обращался къ такимъ лицамъ съ просьбою—во имя простой гуманности не осуждать его прежде, чѣмъ узнаютъ все, что онъ имѣетъ сказать, хотя и на счетъ успѣха этой совершенно естественной и справедливой просьбы у него, повидимому, существовало нѣкоторое сомнѣніе³⁾. „Если, говорилъ онъ, святотатцамъ, предателямъ и отравителямъ дается возможность защищать себя и (если) никого нельзя напередъ осуждать, не узнавши дѣла, то, кажется, мы по справедливости можемъ требовать, чтобы тотъ, кому попадется на

¹⁾ D. Inst. V, 4, 3—8 (M. VI, 562B sqq.).

²⁾ D. Inst. V, 1, 1 (M. VI, 546D—547A).

³⁾ Срав. *ergo si fieri potest* въ V, 1, 2 (M. VI, col. 547A).

глаза это сочиненіе, прочитавши его, перечиталъ бы его потомъ, и прослушавши отложилъ бы окончательное сужденіе на возможно болѣе долгій срокъ“. Но Лактанцій не вѣрилъ въ исполнимость этого желанія. „Я, говоритъ онъ, знаю упорство людей; никогда мы этого не добьемся“ ¹⁾. Объясняя, далѣе, почему на его взглядъ, противники христіанства не удовлетворятъ указаннаго справедливаго его желанія, онъ, очевидно далекій отъ мысли, что чистая истина можетъ имѣть для кого бы то ни было изъ нихъ какое либо значеніе, говоритъ ²⁾: „они боятся, чтобы, въ случаѣ нашей побѣды надъ ними, не оказались они вынужденными сдаться, уступая голосу самой истины. Итакъ они шумятъ ³⁾ и прерываютъ насъ, чтобы не слушать, и закрываютъ глаза свои, чтобы не видѣть свѣта, который мы предлагаемъ имъ. Они показываютъ совершенное недовѣріе къ своему потерянному разуму, когда не осмѣливаются ни узнать (объясненій христіанъ), ни вступить въ бесѣду (съ христіанами): они знаютъ, что легко будутъ побѣждены. Такимъ образомъ, съ устраненіемъ споровъ, „мудрость изгоняется и все дѣлается силою“, какъ говоритъ Энній... Они боятся, что если выслушаютъ, то будутъ не въ состояніи осудить. И потому читателей Всевышняго Бога, т. е. праведныхъ, они мучатъ, убиваютъ, изгоняютъ. И сами они, питая такую сильную ненависть (къ христіанамъ), не могутъ указать причинъ своей ненависти; такъ какъ они сами заблуждаются, то гнѣваются на тѣхъ, кто идетъ по истинному пути, и, не смотря на то, что могли бы исправиться, они къ своимъ заблужденіямъ присоединяютъ еще множество жестокостей, обгагрятъ себя кровію невинныхъ жертвъ и исторгаютъ посвященныя Богу души изъ истерзанныхъ тѣлъ. Съ такими-то людьми готовимся мы теперь вступить въ борьбу и состязаніе, — тѣхъ готовимся мы привести отъ ихъ недѣльныхъ убѣжденій къ истинѣ, которые скорѣе будутъ пить кровь, чѣмъ слушать слова правед-

¹⁾ Ibid.

²⁾ V, 1, 3sq (col. 547A sqq. у Migne).

³⁾ Это и нижеслѣдующія замѣчанія Лактанція служатъ интереснымъ свидѣтельствомъ очевидца о томъ, какъ встрѣчали нѣкоторые язычники попытки христіанъ убѣдить ихъ въ истинности христіанства.

ныхъ“. „Что же?“—спрашиваетъ себя апологетъ ¹⁾. „Не потратимъ ли мы (свой) трудъ безъ пользы? Нисколько. Если мы не будемъ въ состояніи спасти ихъ отъ смерти, къ которой они съ чрезвычайной скоростью стремятся, и не въ силахъ будемъ возвратить ихъ къ жизни и свѣту съ ихъ ложнаго пути, такъ какъ они сами сопротивляются собственному спасенію,—то мы за то утвердимъ (въ вѣрѣ) своихъ, мысль которыхъ не устойчива и не утверждается на твердомъ и прочномъ основаніи. Колеблются очень многіе, и особенно тѣ, которые нѣсколько знакомы съ литературою. Философы, ораторы и поэты тѣмъ между прочимъ и вредны, что легко могутъ увлечь неосторожный умъ изящною рѣчью и пріятною гармонією бѣгущихъ одинъ за другимъ стиховъ. Это—медъ, подъ которымъ скрывается ядъ... Притомъ, если даже это дѣло никому другому не принесетъ пользы, то оно, несомнѣнно, будетъ полезно для меня самого: совѣсть моя будетъ довольна, и умъ мой будетъ радъ вращаться въ свѣтлой области истины... Но не должно отчаиваться. Быть можетъ, „мы будемъ глѣть не для глухихъ“. Не такъ плохо положеніе дѣлъ, чтобы не было здравомыслящихъ людей, которые и истину любятъ и, если укажутъ имъ правильный путь, видятъ его и идутъ по нему. Нужно только покрыть края чаши (съ подносимой людямъ истиной) медомъ небесной мудрости, чтобы неразумительные люди могли пить горькое лекарство безъ отвращенія... Потому что первая причина, по которой у мудрыхъ, и ученыхъ, и князей вѣка сего нѣтъ вѣры въ св. Писаніе, заключается въ томъ, что пророки говорили обыкновенною и простою рѣчью, какъ (говорятъ) съ народомъ. Поэтому и относятся къ нимъ съ пренебреженіемъ тѣ, кто не желаетъ ни слышать, ни читать ни чего иного, кромѣ того, что изложено изящно и красно-рѣчиво, и у кого можетъ произвести вліяніе на душу только то, что ласкаетъ слухъ пріятными звуками. А то, что кажется неизящнымъ, признается вздорнымъ, нелѣпнымъ, вульгарнымъ. Ничего не считаютъ истиннымъ, кромѣ того, что пріятно слышать,—ничего заслуживающимъ вѣры, за исключеніемъ того, что можетъ

¹⁾ D. Inst. V, 1, 9 sqq. (M., col. 549A sqq.).

доставить удовольствіе: никто не цѣнитъ вещей по ихъ истинной стоимости, но (цѣнитъ) по ихъ внѣшнимъ украшеніямъ. И такъ они не вѣрятъ божественному писанію, потому что это писаніе чуждо прикрасъ,—не вѣрятъ и его истолкователямъ, такъ какъ послѣдніе и сами совсѣмъ необразованные или несомнѣнно малоученные люди; потому что очень рѣдко бываетъ, чтобы они были дѣйствительно краснорѣчивы. Причина этого очевидна. Краснорѣчіе служить вѣку, желаетъ нравиться народу и угождать ему въ хуломъ,—очень часто пытается побороть истину, чтобы показать свою силу,—ищетъ богатствъ, желаетъ почестей, наконецъ добивается высшихъ степеней. И такъ все христіанское презираетъ, какъ вѣчто низкое; тайнъ христіанскихъ, какъ представляющихъ противоположность краснорѣчію, избѣгаетъ, потому что находитъ усладу въ публичности и ищетъ толпы и извѣстности. Оттого мудрость и истина христіанская лишена пригодныхъ защитниковъ, и если какіе изъ образованныхъ людей занимались ею, то они не въ состояніи были защитить ее“.

Самъ Лактанцій былъ, несомнѣнно, способенъ и обладалъ средствами выполнить взятую имъ на себя задачу. Кромѣ дара изящной, вполне литературной рѣчи, онъ владѣлъ широкими познаніями въ области греческой и латинской литературы какъ языческой, такъ отчасти и христіанской, и имѣлъ достаточныя для того времени свѣдѣнія въ разныхъ отрасляхъ знанія, которыхъ приходилось ему касаться. Отдался онъ своему дѣлу всей душой, почему и на сочиненія его нужно смотрѣть не только какъ на сочиненія, но и какъ на выраженіе непосредственнаго религіознаго чувства автора и его живой вѣры.

Внѣшнія обстоятельства, повидному, не препятствовали Лактанцію заниматься литературными трудами, хотя онъ жилъ въ Никоидіи, исходномъ пунктѣ гоненія на христіанъ при Діоклетіанѣ. Не принадлежа къ тѣмъ христіанамъ, которые считали обязательнымъ для себя искать мученическаго вѣнца, хотя и признавая ихъ мужество, Лактанцій, подобно многимъ другимъ древнимъ христіанамъ, старался быть по возможности осторожнымъ въ своихъ словахъ и поступкахъ и вызывающимъ образомъ дѣйствій не на-

влекать на себя безъ нужды гнѣва всемогущихъ враговъ христіанства. Благодаря такому своему поведенію, для котораго имѣлись у него принципиальныя основанія, Лактанцій остался цѣль ¹⁾ и имѣлъ возможность литературнымъ путемъ оказать большое содѣйствіе испроверженію язычества и торжеству христіанства.

А. С — въ.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Обстоятельное и основательное раскрытіе этой мысли представилъ Брандтъ въ брошюрѣ Ueber d. L. d. L., 27—30. Срав. его же Ueber die Entstehungsverhältnisse Prosaschriften des Lactantius, 20.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.И. Садов

Лактанций

Опубликовано:

Христианское чтение. 1892. № 11-12. С. 685-709.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Лактанцій.

(Биографическій очеркъ).

(Окончаніе)¹⁾.

Самымъ раннимъ изъ сохранившихся апологетико-полемическихъ сочиненій Лактанція является его книга *De orificio dei*, О творчествѣ Божіемъ²⁾, составлявшая, быть можетъ, и его первое христіанское сочиненіе вообще, какъ можно думать на основаніи общаго характера названнаго труда. Авторъ держится здѣсь почти исключительно на античной философской почвѣ, и если рассуждаетъ объ избранномъ имъ предметѣ съ религіозной точки зрѣнія, то обыкновенно лишь съ общей точки зрѣнія монотеизма и вѣры въ провидѣніе; на то, что авторъ—христіанинъ, указываютъ лишь его отдѣльныя немногія замѣчанія³⁾. Можно допустить, что такой характеръ сочиненія объясняется отчасти желаніемъ автора—въ виду

¹⁾ См. сент. — окт. книжку «Христ. Чт.» за текущій годъ, стр. 438—467.

²⁾ Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ эта книга надписывается такъ: *De orificio dei vel formatione hominis*. Подъ такимъ же названіемъ упоминаютъ это сочиненіе Иеронимъ и, затѣмъ, Гонорій, писатель XII вѣка (см. Migne, t. VI, col. 79 ABC). О надписаніи сочиненія см. указанія Бюнемана въ его изданіи, pag. 1113, и у Вальха, p. 976—977. Срав. названіе Филонова сочиненія (*libellus*) *De orificio dei*, о чемъ срав. Berl. phil. Wochenschrift. 1890, 8, 237 ff.

³⁾ См. подробности объ этомъ у Brandt, Ueber die Quellen von Lactanz' Schrift *De orificio dei*, въ Wiener Studien, XIII Jahrgang, 1891, Zweites Heft., s. 258.

трудныхъ для христіанъ обстоятельствъ времени — не выставлятъ особенно на видъ своей принадлежности къ христіанамъ и даже по возможности прикрывать ее¹⁾). Но руководясь такимъ мотивомъ и сообразно съ нимъ придавая своему труду указанный характеръ, Лактанцій могъ при этомъ находиться также подъ вліяніемъ, не вполне пожалуй и сознаваемымъ имъ, полученнаго имъ чисто языческаго образованія; а это вліяніе, конечно, всего сильнѣе должно было отражаться на Лактанціѣ въ тотъ періодъ его жизни, когда онъ почти только-что разорвалъ съ языческимъ прошлымъ. Слѣдовательно, такое сочиненіе, какъ *De orificio dei liber*, гдѣ специфически христіанскаго такъ мало, скорѣе всего могло быть написано авторомъ въ ту пору, когда онъ съ христіанствомъ былъ еще сравнительно мало знакомъ. О составленіи Лактанціемъ этого сочиненія вскорѣ послѣ обращенія его въ христіанство и оставленія преподавательской профессіи можетъ отчасти свидѣтельствовать также назначеніе сочиненія для одного изъ бывшихъ учениковъ автора и самый характеръ обращенія Лактанціа къ этому бывшему своему ученику, называвшемуся Деметріаномъ. Авторъ, по его собственнымъ словамъ, и теперь еще по отношенію къ Деметріану является въ качествѣ учителя, только учителя науки высшей²⁾). Лактанцій видимо еще не отвыкъ отъ роли, съ которой свыкъся, и въ качествѣ именно наставника и руководителя обращается къ своему адресату, не смотря на то, что послѣдній имѣлъ въ эту пору уже нѣкоторое положеніе въ обществѣ по своей государственной службѣ³⁾). Годомъ,

¹⁾ Ср. соображенія въ этомъ смыслѣ у Brandt, *Ueber das Leben d. L.*, s. 27. Срав. *Ueber die Entstehungsverhältnisse d. Prosaschriften d. L.* s. 15.

²⁾ *De opif. dei*, 1, 1, sq. (Migne, VII, 9 A sq). Цитаты изъ *De opif.*, какъ и изъ *De ira dei*, приводятся (вслѣдствіе невыхода въ свѣтъ 2-го тома сочиненій Л. въ вѣнскомъ *Corpus*) по изданію Büchmanni, который обозначаетъ и мелкія подраздѣленія главъ, и—согласно принятому порядку—по Migne.

³⁾ *Ibid.* (M. VII, 11—12). По комментарию Бюнемана, съ которымъ соглашается и Брандтъ (*Ueber d. L. d. L.*, 29, A. 1), въ обращеніи Л. къ Деметріану: *licet te publicae rei necessitas a veris et iustis operibus avertat* (*De opif.* 1, 4; M. 11 A) указывается на то, что *Demetrianus in republica munei alicui publico praefuisse*.

когда было написано сочинение *De officio dei*, долженъ быть признанъ 304 годъ ¹⁾).

О томъ, что побудило Лактанція приняться за этотъ трудъ, говоритъ самъ авторъ въ обращеніи къ Деметріану. Составляя свое сочиненіе, Лактанцій, какъ видно изъ его предисловія и послѣсловія (гл. 1 и 20), удовлетворялъ потребность своего ума, который не могъ быть празднымъ, и свое желаніе быть полезнымъ для единовѣрцевъ ²⁾ и въ особенности для Деметріана, который, находясь въ благопріятныхъ условіяхъ, повидимому жилъ въ свое удовольствіе и должно было начать забывать о высшемъ назначеніи человѣка. Нужно было напомнить ему, что, кромѣ житейскихъ дѣлъ, у человѣка должны быть иныя, высшія задачи и цѣли жизни, что онъ долженъ возноситься своею мыслию отъ земли къ небу и отъ созданнаго къ Творцу, все и въ частности человѣка премудро устроившему. Развѣтіе послѣдней мысли, долженствовавшее на конкретномъ примѣрѣ человѣка съ устройствомъ его организма выяснитъ Деметріану премудрость Всевышняго Владыки міра и необходимость всегда возноситься мыслию къ Нему, и составляетъ содержаніе книги *De officio dei* ³⁾).

То, что дано было Деметріану въ названной книгѣ, онъ, по мнѣнію автора ея, не могъ найти и у Цицерона, сочиненія котораго служили своего рода энциклопедіею для римскаго міра и который въ своей четвертой книгѣ „О государствѣ“ и во второй

¹⁾ См. Ebert, 74; Brandt, l. c., 27—28 и 37 и Ueber d. Entst. d. P. d. L., 14 folg., Belser въ Theol. Quartalschr., 1892. 2 Heft, s. 248. 3 Heft, s. 460. О вѣншемъ видѣ Лактанціева труда, какъ и другихъ его сочиненій, именно о томъ, что они представляли свитки, volumina, см. Brandt, Prolegomena, p. LXXI, sqq.

²⁾ Сравн. замѣчаніе Брандта въ Ueber d. Entst. d. P. d. L., 15, объ этомъ jedenfalls zunächst nur dem Freunde, nicht dem Publicum übergebenen Schrift.

³⁾ Брандтъ въ Ueber d. Entst. d. P. d. L. 15, замѣчаетъ: Was die Veranlassung zu diesem Buche betrifft, so ist sie wohl weniger in der 1, 6 ff. ausgesprochenen Absicht zu suchen, den Schüler und Freund, der sich trotz der Verfolgung in einer günstigen Lage befand, an die Güter der Seele zu erinnern als vielmehr darin, dass Lactanz bei seinen Vorarbeiten zu den Institutionen auf ein Thema stieß, das ihn zu einer besonderen Behandlung einlud. Второй, указыв-

книгѣ „О природѣ боговъ“ только слегка коснулся указанного предмета ¹⁾. Такимъ образомъ Лактанцій, составляя этотъ свой трудъ, хотѣлъ восполнить существовавшій значительный пробѣлъ въ латинской литературѣ и шелъ на встрѣчу потребностямъ тогдашняго латинскаго образованнаго общества. И его трудъ представлялъ несомнѣнную цѣнность въ этомъ отношеніи, хотя и меньшую, чѣмъ, можетъ быть, склоненъ былъ думать Лактанцій. Составилъ онъ свое сочиненіе отчасти по Цицерону и Варрону, хотя и не непосредственно, главнымъ же образомъ по Гермесу Трисмегисту и затѣмъ, во второй половинѣ, по какому-то неизвѣстному сочиненію, опредѣлить которое въ настоящее время не представляется возможности ²⁾.

Направлено было это сочиненіе главнымъ образомъ противъ эпикурейцевъ, отрицавшихъ, что твореніе челоѣка есть дѣло Премудрости и Промысла Божія. Возражая противъ этого положенія, эпикурейцы указывали на большую физическую силу звѣрей и на слабость и недолговѣчность челоѣческаго организма. Опровергая эпикурейцевъ, Лактанцій выставлялъ здѣсь на видъ то главное преимущество челоѣка предъ животными, которое заключается въ его разумѣ и которое дѣлаетъ по меньшей мѣрѣ излишнимъ присутствіе у него большихъ тѣлесныхъ силъ. Это высшее свойство челоѣка, заключающееся въ его разумности, еще больше развивается именно вслѣдствіе слабости физической природы челоѣка. Съ другой стороны наблюденіе и сознаніе физической слабости людей располагаетъ челоѣка къ любви и помощи ближнимъ, создавая такимъ образомъ почву для высшихъ нравственныхъ стремленій и дѣйствій. Въ этомъ обнаруживается премудрость и промышляющая о челоѣкѣ благодѣ Божія. Эта премудрость еще яснѣе откры-

ваемый изслѣдователемъ, мотивъ предположить у Л. можно въ дополненіе или, пожалуй, рядомъ съ указываемымъ самимъ Л.; но нѣтъ ни малѣйшаго основанія не придавать значенія прямымъ словамъ этого писателя, какъ почему-то дѣлаетъ Брандтъ. Впрочемъ въ своемъ нѣсколько позже напечатанномъ изслѣдованіи *Ueber d. Quellen von Lactanz' Schrift de opif. dei*, I. c., стр. 255, Брандтъ высказывается нѣсколько иначе.

¹⁾ De opif. 1, 12 sq. (M. VII, 12 B—13 A). Сравни. D. Inst. II, 10, 15 (M. VI, 314 B, гдѣ это мѣсто находится въ главѣ 11-й).

²⁾ См. цитованную статью въ Wiener Studien.

вается при частнѣйшемъ разсмотрѣніи строенія человѣческаго тѣла, служащаго вмѣстилищемъ души, которая дается Богомъ человѣку.

Раскрывая эти мысли, Лактанцій имѣлъ случай показать и естественно-научныя познанія, полученные имъ при своихъ занятіяхъ философіею, которая въ ту пору обнимала собою и естествовѣдѣніе. При тогдашнемъ обычномъ уровнѣ знаній физики и устройства человѣческаго тѣла ¹⁾, у Лактанція, разумѣется, должно было встрѣчаться не мало ошибочныхъ представленій, которыя впрочемъ, какъ справедливо замѣтилъ еще Бертольдъ, раздѣляла съ нимъ, притомъ въ гораздо большей мѣрѣ, и значительная часть древнихъ писателей. Знанія Лактанція покажутся медику нашего времени крайне недостаточными; но для IV вѣка сочиненіе Лактанція, по мнѣнію того же изслѣдователя, съ которымъ нельзя не согласиться, было очень цѣннымъ компендіумомъ по антропологии ²⁾. На многіе, особенно трудные вопросы у Лактанція, разумѣется, нѣтъ одного рѣшительнаго отвѣта, напримѣръ на вопросъ о такъ называемомъ сѣдалищѣ или мѣстопробываніи души въ тѣлѣ чловека, о сущности души, о томъ, тождественъ ли духъ съ жизненной силой организма и т. п., какъ не давался рѣшительный отвѣтъ на подобныя вопросы и въ гораздо болѣе близкое къ намъ время.

Около того же приблизительно времени могли быть написаны ³⁾ Лактанціемъ нѣкоторыя его письма или—что будетъ, можетъ быть, точнѣе — нѣкоторыя сочиненія въ формѣ писемъ ⁴⁾, гдѣ онъ, также какъ и въ книгѣ *De officio dei*, больше держался на ученой почвѣ, рѣдко и мало касаясь ученія христіанскаго. Это—тѣ письма, о которыхъ наша Дамасъ писалъ Иерониму: „Признаюсь: тѣ книги Лактанція, которыя ты далъ мнѣ еще прежде, я читаю неохотно, потому что очень многія письма его простираются

¹⁾ Бертольдъ, стр. 22, говорятъ, что «все еще бывшее въ силѣ запрещеніе разсѣкать трупы людей держало Лактанція въ нѣкоторомъ заблужденіи» по этому предмету. Но сравн. Iwan Müller's Handbuch d. klass. Altertums-Wissenschaft, B. V, A. 1, S. 103 ff., особенно 105, 107, 106, 109 и 112 объ успѣхахъ древней анатоміи и въ частности о вивисекціяхъ и операціяхъ.

²⁾ Bertold, 22.

³⁾ Сравн. рѣшительное сужденіе Оверлаха, стр. 3.

⁴⁾ Brandt, Ueber d. Entst. d. P. d. L. 126.

до тысячи строкъ и рѣдко заключаютъ въ себѣ разсужденія о нашемъ ученіи; оттого длиннота писемъ надобѣдаетъ читателю; если же между письмами есть краткія, то они болѣе пригодны людямъ, интересующимся школьной ученостью, а не намъ: здѣсь содержатся разсужденія о метрахъ, о положеніи странъ, о философахъ“¹⁾. Эти письма по своему содержанію повидимому находились въ связи съ предшествовавшей школьной дѣятельностью Лактанція, которую послѣдній вынужденъ былъ покинуть, и служили какъ бы ея продолженіемъ или замѣной. Къ такимъ письмамъ можно, кажется, прежде всего отнести упоминаемыя Иеронимомъ письма Лактанція къ тому же Деметріану²⁾, къ которому было адресовано сочиненіе *De officio dei*³⁾. Если какія, то именно письма Лактанція

¹⁾ *Fateor tibi, eos, quos mihi iam pridem dederas Lactantii libros, ideo non libenter lego, quia et plurimae epistolae huius usque ad mille spatia versuum tenduntur et raro de nostro dogmate disputant; quo fit, ut et legenti fastidium generet longitudo, et si qua brevia sunt, scholasticis magis sint apta, quam nobis: de metris, de regionum situ, de philosophis, disputantia.*

²⁾ Брандтъ, въ изслѣдованіи *Ueber d. Entst. d. P. d. L.*, 125—126, отождествляетъ письма, о которыхъ говоритъ Дамасъ, съ письмами Л. къ Пробу, и только съ ними; но вполне достаточныхъ оснований для такого отождествленія не имѣется: метровъ и географіи могъ Л. касаться и не въ однихъ письмахъ къ Пробу. Притомъ указанное отождествленіе встрѣчаетъ препятствіе въ томъ, что между письмами, упоминаемыми Дамасомъ, были *de nostro dogmate* и *de philosophis disputantia*, въ приводимыхъ же Брандтомъ свидѣтельствахъ относительно писемъ къ Пробу о письмахъ философскаго и догматическаго содержанія не упоминается,—пунктъ существенный, но Брандтомъ очевидно не предусмотрѣнный.

³⁾ Брандтъ въ *Ueber d. Entst. d. P. d. L.* 124, доказывая невозможность относить появленіе какихъ бы то ни было писемъ Л. къ времени, которое предшествовало составленію *Div. Inst.*, говоритъ: «Лактанцій ни одной книги писемъ не упоминаетъ въ сохранившихся своихъ произведеніяхъ; молчаніе же это потому важно въ настоящемъ случаѣ, что онъ вообще любитъ указывать читателю на составленныя раньше или только задуманныя сочиненія. Нѣкоторыя письма, какъ извѣстно, касались богословскихъ вопросовъ, и потому для Л. былъ отличный поводъ упомянуть о нихъ въ *Institutiones*. Затѣмъ, такъ какъ сочиненіе *De officio dei* адресовалъ онъ къ Деметріану и упоминаетъ о немъ еще въ *Inst.* II, 10, 15, то онъ, безъ сомнѣнія, воспользовался бы представлявшимся здѣсь случаемъ назвать и свои письма къ Деметріану, если бы они были тогда написаны; притомъ вѣдь въ нихъ были разясняемы и христіанскіе дог-

къ Деметріану, который (я—замѣтить—только онъ одинъ) и самимъ Лактанціемъ и Іеронимомъ называется „слушателемъ“ (auditorum) Лактанція, могли находиться въ связи съ прежними ихъ отношеніями по школь, въ своемъ содержаніи представлять какъ бы продолженіе прежнихъ уроковъ Лактанція и, слѣдовательно, часто касаться вопросовъ, не имѣвшихъ отношенія ни къ религіи вообще, ни къ христіанству въ частности. Если къ какимъ, то именно къ этимъ письмамъ скорѣе всего, повидимому, могло быть

маты, напр. ученіе о Св. Духѣ, по комментарію Іеронима на посланіе къ Галатамъ. Этому соображенію можно однако противопоставить вышеприведенныя слова Дамаса, особенно отгнѣившаго то обстоятельство, что письма Л. *ratio de nostro dogmate disputant*. Немудрено, что, въ виду преобладающаго и, можетъ быть почти исключительнаго содержанія своихъ писемъ, Л. и не упоминалъ о нихъ въ *Divinae Institutiones*. Что касается обычныхъ у Л. указаній въ сохранившихся его сочиненіяхъ на составленныя и даже предположенныя имъ сочиненія (въ *De officio dei*—на задуманныя *Institutiones*, въ *Institutiones*—на предположенное соч. *De ira dei*,—затѣмъ, въ *Institutiones*—на составленное соч. *De ofif. dei*, въ *De ira*—на *Inst.* и т. д.), то отсутствіе подобнаго указанія въ сохранившихся литературныхъ произведеніяхъ Л. на письма его, появленіе которыхъ относилось бы предположительно къ предшествовавшему времени, еще не говорило бы противъ дѣйствительнаго появленія этихъ писемъ и въ предшествующее время: сочиненія *De officio dei*, *Divinae Inst.*, *De ira dei* были между собою тѣсно связаны по своему происхожденію и содержанію (это можно сказать и о задуманныхъ Лактанціемъ сочиненіяхъ противъ іудеевъ и противъ сектъ, предположеніе о которыхъ сообщаетъ онъ въ *Inst.* и въ *De ira dei*); далѣе, названныя сочиненія представляли цѣльные и связанные апологетико-философскіе трактаты; между тѣмъ письма имѣли, на сколько можно судить по отрывочнымъ свѣдѣніямъ о нихъ, совершенно иной характеръ и касались богословскихъ и апологетическихъ вопросовъ лишь между прочимъ. Наконецъ Л. могъ забыть, что онъ когда-то о томъ или другомъ предметѣ писалъ въ томъ или другомъ письмѣ къ тому или другому своему адресату. Относить же разсматриваемыя письма Л., въ виду ихъ содержанія, именно къ указываемому времени во всякомъ случаѣ гораздо естественнѣе, чѣмъ къ послѣднему періоду въ жизни Л., какъ это дѣлаетъ Брандтъ на стр. 134 брошюры *Ueber d. Entst. d. P. d. L.* Врядъ ли такой человѣкъ, какъ Л., отъ идей небесной мудрости, которыя раскрывалъ онъ въ своихъ апологетическихъ трудахъ, могъ перейти къ иной, земной мудрости, и на склонѣ дней, притомъ по собственному желанію, вновь заняться тѣмъ, что онъ нѣкогда покинулъ. Брандтъ (1. с.) говоритъ, что Л. въ третій періодъ своей жизни вернулся «къ прежнимъ научнымъ занятіямъ», и повидимому

приложено вышеприведенное замѣчаніе Дамаса. Лактанцій впрочемъ касался здѣсь и предметовъ христіанской вѣры. По свидѣтельству Іеронима, именно въ письмахъ къ Деметріану онъ между прочимъ разсуждалъ о Св. Духѣ и разсуждалъ, по мнѣнію Іеронима, неправильно ¹⁾. Письма къ Деметріану, оставленныя Лактанціемъ въ количествѣ двухъ (по всей вѣроятности) книгъ ²⁾, были утрачены, повидимому, въ концѣ XVI вѣка ³⁾.

Въ то время, когда Лактанцій составлялъ книгу *De opificio dei*, онъ задумалъ еще новое и обширное сочиненіе. Закончивая названный трудъ, гдѣ были изложены нѣкоторые основныя поло-

склоненъ провести параллель между Лактанціемъ и Цицерономъ, который говорилъ, что научныя занятія составляютъ наслажденіе для старости. Однако между Л. и Цицерономъ есть существенная разница. У Цицерона, духовные интересы котораго хорошо извѣстны, научные интересы могли быть исключительно обращены на предметы мірской учености; научныя же занятія Л. на закатѣ его жизни, при его характерѣ, всего менѣе могли быть посвящены такой учености.

¹⁾ Hieron. epist. 84, 7 (ad Pammach. et Oc.) и Comment. in ep. ad Gal. 4, 6.

²⁾ Брандтъ, въ *Ueber d. Entst. d. P. d. L.*, 123, упомянувши, что всѣхъ книгъ писемъ Л. было восемь, проводитъ слѣд. мысли. Число книгъ писемъ къ Деметріану съ полной точностью неизвѣстно. Въ одномъ мѣстѣ у Іеронима, Comment. in Galat. II, IV (VII 450 E Vall.), гдѣ упоминается объ ученіи Л. о Св. Духѣ, говорится: Firmianus in octavo ad Demetrianum epistularum libro. Валларси предполагалъ in altero, но эта перемѣна, по Брандту, сомнительна; равнымъ образомъ трудно объяснять происхожденіе цифры «VIII» изъ «II». Брандтъ выражаетъ догадку, что у Іеронима книги писемъ были по порядку обозначены цифрами, что 8-я книга всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ, писемъ была въ то же время 2-ю писемъ къ Деметріану и что Іеронимъ въ указанномъ мѣстѣ толкованія на посланіе къ Галатамъ по ошибкѣ поставилъ первую изъ указанныхъ цифръ вмѣсто второй. Однако, прибавляетъ этотъ исследователь, съ увѣренностью можно судить объ этомъ только послѣ новаго критическаго изданія Іеронима.

³⁾ Извѣстный N. Lenglet Dufresnoy, говоря о Лактанціевыхъ ad Demetrianum Epistolarum duo volumina, quae, sicut et aliae ejus epistolae, intercederunt, прибавляетъ: quaedam tamen, desinente saeculo XVI, viderat Hadrianus Junius in Egmundani monasterii Bibliotheca, ms. codicibus olim refertissima (Hadrian. Junius in Bataviae Historia, Lugd. Batav. 1588, pag. 311). At jam ab anno 1573 sublatis erant hi duo libri, quos Junio abbas hujusce monasterii tunc ostenderat (M. VI, 71 BC).

женія христіанской философіи, онъ имѣлъ въ виду раскрыть ихъ особо и подробно. Предлагая вниманію Деметріана это свое обширное и, по обстоятельствамъ, въ которыхъ находились тогда христіане, не совсѣмъ ясно написанное сочиненіе, онъ просилъ Деметріана удовольствоваться пока имъ и обѣщалъ потомъ дать ему нѣчто лучшее (*meliora*), если Богъ поможетъ. „Ибо я рѣшилъ,—сообщаетъ Лактанцій Деметріану,—письменно изложить съ возможной для меня обстоятельностью то, что относится къ счастливой жизни, и именно противъ философовъ, такъ какъ они въ состояніи причинить серьезный вредъ истинѣ: ибо невѣроятно велика сила (ихъ) краснорѣчія и тонкость аргументаціи и соображеній,—легко соблечь (она) съ толку, кого угодно. Ихъ мы отразимъ частію нашимъ оружіемъ, частію ихъ же собственнымъ оружіемъ, взятымъ изъ ихъ полемики между собою, такъ что ясно откроется, что они ввели заблужденія, а не уничтожили ихъ ¹⁾).

Такимъ сочиненіемъ ²⁾ и были Лактанціевы *Divinae Institutiones* ³⁾, т. е. Религіозныя наставленія, или Наставленія въ

¹⁾ De orif. dei 20, 1—3 (M. VII, 76 A—77 A).

²⁾ Отсюда уже, изъ отношенія задуманнаго Лактанціемъ сочиненія къ написанному имъ, съ нѣкоторой вѣроятностью можно заключать, что обычно указываемая извѣстная полемика двухъ антагонистовъ христіанства въ Виеннѣ противъ новой вѣры могла и не быть *первымъ* побужденіемъ для Л. составить свои *D. Institutiones*. Къ той же мысли располагаетъ еще одно соображеніе. Приходитъ именно на мысль слѣдующее: почему Л. о первомъ (по обычному представленію) толчкѣ или поводѣ къ составленію *D. Institut.*, именно объ извѣстныхъ литературныхъ нападкахъ на христіанъ въ Виеннѣ, говоритъ уже только въ пятой книгѣ *D. Institutionum*, а не въ началѣ сочиненія, гдѣ онъ тоже указываетъ причины, побудившія его взяться за работу (эти причины—болѣе общаго характера) и гдѣ, слѣдовательно, былъ случай упомянуть и о томъ, о чемъ упоминаетъ онъ въ началѣ пятой книгѣ? Не указываетъ ли это на то, что Л. взялся за *D. Inst.* раньше означеннаго выступленія двухъ литературныхъ противниковъ христіанства въ Виеннѣ, послѣдній же фактъ, случившійся уже въ продолженіе его работы, послужилъ лишь новымъ побужденіемъ для него съ ревностью отдаться своему дѣлу?

³⁾ Бранялъ въ *Prolegomena pertis prioris*, pag. VIII, adn. 1, указавши приведенное надписаніе Лактанціева сочиненія, говоритъ: *Hanc esse veram tituli formam, non alteram illam Institutiones Divinae saepius ab editoribus usurpatam Lactantii ipsius testimonio (cf. ad p. 1, 2) demonstratur. Тоже замѣчаніе онъ счелъ нужнымъ повторить и въ Ueber d. Entst. d. P. d. L., S. 11.*

вѣрѣ ¹⁾, къ которымъ Лактанцій приступилъ вскорѣ послѣ составленія сочиненія *De orificio dei* ²⁾. Новое сочиненіе Лактанція, названное имъ *Divinae Institutiones* примѣнительно къ обычному наименованію юридическихъ учебниковъ или къ *Institutiones (iuris civilis)* ³⁾, должно было служить введеніемъ въ изученіе христіанскаго ученія ⁴⁾, подобно тому, какъ юридическія *Institutiones*, со

¹⁾ Содержание выраженія *Divinae Institutiones* передается самимъ Лактанціемъ въ слѣдующихъ словахъ его въ первой главѣ: *De religione itaque nobis rebusque divinis instituitur disputatio* (*Inst. I, 1, 10, M. VI, 115 A*). Такимъ образомъ выраженіе: *Divinae Institutiones* есть лишь сокращенный, сжатый перифразъ приведенныхъ словъ писателя и — слѣдовательно — для указанной русской передачи этого выраженія есть основаніе въ словахъ самого Л., независимо отъ общаго содержанія сочиненія. У нѣмецкихъ изслѣдователей названіе *Divinae Institutiones* передается выраженіями: *Unterweisungen über die Religion* (Bertold, 12; Jansen, 9) или *Unterweisungen in der Religion* (Heinig, 2; нѣсколько ниже, на той же страницѣ, Heinig называетъ это сочиненіе *Lehrbuch der christlichen Religion*). Встрѣчающаяся иногда букввальную передачу латинскаго выраженія: *Divinae Institutiones* русскимъ выраженіемъ: «Божественныя наставленія» едва ли можно признать удачною: при выраженіи «Божественныя наставленія» естественно и неизбежно возникаетъ мысль о томъ, умѣстенъ ли эпитетъ «Божественныя» въ приложеніи къ наставленіямъ, преподаваемымъ человѣкомъ.

²⁾ См. *D. Inst. II, 10, 15* (по Migne, [въ tom. VI, col. 314 B] II, 11), гдѣ очевидно дѣлается ссылка на сочиненіе *De orificio dei* и замѣчается, что оно написано *purer*. Срав. Belsger въ *Th. Quartalschr., 2 Heft. s. 248—249*.

³⁾ Это видно изъ нижеприводимыхъ словъ Л. о томъ, о чемъ онъ здѣсь не будетъ говорить и о чемъ станетъ говорить и изъ его сопоставленія своихъ «Наставленій» съ «Наставленіями» юристовъ. Вотъ относящіеся сюда слова Л. въ первой его главѣ: «Итакъ мы начинаемъ разсуждать о религіи и о божественномъ... И если нѣкоторые благоразумные люди, блюстители справедливости, издали составленныя ими наставленія въ гражданскомъ правѣ (*Institutiones civilis iuris*), чтобы посредствомъ ихъ прекратить тяжбы и споры повадорившихъ гражданъ, то на сколько лучше и правильнѣе поступимъ мы, изложивши письменно наставленія относительно религіи (*divinas institutiones*), въ которыхъ будемъ говорить не о капели и задержкѣ воды (дождевой) и не объ (обрядѣ) соединенія рукъ (при судебныхъ препирательствахъ), но о надеждѣ, о жизни, о спасеніи, о безсмертіи, о Богѣ, чтобы уничтожить гибельныя суевѣрія и постыднѣйшія заблужденія?» (*D. Inst. I, 1, 10 — 12; M. VI, 115 A—116 A*. Ср. комментарий у Migne и Гурьева.

⁴⁾ Объясняя, почему онъ для уясненія такого предмета, какъ ис-

времени Гая составлявшія особую вѣтвь юридической литературы, служили введеніемъ въ изученіе права ¹⁾).

О главной причинѣ, побудившей Лактанція писать свои „Наставленія“, обстоятельно говоритъ онъ самъ въ началѣ этого сочиненія. Такъ какъ человекъ, говоритъ Лактанцій, не могъ самъ по себѣ познать истину, то Богъ, не хотѣвшій допустить, чтобы люди еще долѣе блуждали во мракѣ, напрасно ища свѣта истины, открылъ имъ глаза и далъ познаніе истины. Однако лишь немногіе пользуются этимъ небеснымъ даромъ. Люди образованные пренебрегаютъ открытой Богомъ истиной, потому что у ней нѣтъ пригодныхъ защитниковъ, а необразованные ненавидятъ ее, такъ какъ она требуетъ отреченія отъ удовольствій. Въ виду этого Лактанцій счелъ нужнымъ придти на помощь заблуждающимся, желая направить образованныхъ людей къ истинной мудрости, а людей простыхъ—къ истинной религіи ²⁾. Лактанцій полагалъ, что онъ, благодаря своей прежней профессіи, особенно способенъ къ защитѣ истины. Апологетъ допускалъ, что эту защиту можно вести и не обладая краснорѣчіемъ, какъ показываютъ многіе прежніе примѣры; но онъ думалъ, что истина сильнѣе подѣйствуетъ на умъ человека, если она, при присущей ей собственной силѣ, будетъ облечена въ блестящую внѣшнюю форму ³⁾. Дать истиннѣ это блестящее словесное выраженіе Лактанцій и считалъ себя призваннымъ.

Назначая свое сочиненіе для укрѣпленія христіанъ въ ихъ вѣрѣ и упованіи и вмѣстѣ для наставленія язычниковъ, онъ не только старался, но и счумѣлъ сдѣлать свои разъясненія полезными

тина, назначилъ «всего только семь свитковъ», Л. указываетъ на то, между прочимъ, что въ данномъ случаѣ ему «нужно только наставить людей, т. е. избавить отъ заблужденія, въ которомъ они запутались, и воротить ихъ на путь болѣе правильный» (*quod tantummodo instituendi nobis homines erunt, hoc est ab errore quo sunt implicati ad rectiorem viam revocandi*). D. Inst. I, 1, 21 (M. VI, 118 A).

¹⁾ Teuffel-Schwabe, § 49, 9, § 361, 4, § 376, 4, § 488, 8; срав. § 483, 8. 9. Срав. Ebert, s. 75.

²⁾ D. Inst. I, 1 (M. VI, 113 A—114 A). Срав. выраженіе Л. о взятой имъ на себя обязанности выяснять истину (*suscepto illustrandae veritatis officio*)—въ I, 2, 1 (M. VI, 120 A).

³⁾ D. Inst. I, 1, 10 (M. VI, 114 B—115 A).

для первых и удобоприемлемыми для последних ¹⁾). Самъ онъ на трудъ свой смотрѣлъ какъ на такое дѣло, взятыя за которое онъ долженъ былъ уже потому одному, что узналъ истину, и котораго потребовалъ отъ него Самъ Господь ²⁾, и, приближаясь къ его окончанію, выражалъ мысль, что онъ выполнилъ взятую на себя задачу „при водительствѣ Духа Божія, при содѣйствіи самой истины“ ³⁾. Эти выраженія, безспорно, дышатъ нѣкоторою, неумѣстною въ такомъ дѣлѣ, самоувѣренностью; но они же свидѣтельствуютъ и о томъ, какъ серьезно и высоко смотрѣлъ Лактанцій на свою задачу. Своимъ трудомъ былъ онъ, по крайней мѣрѣ въ послѣдствіи, доволенъ ⁴⁾.

¹⁾ D. Inst. V, 1, 14 и около (M. VI, 550 A и ок.).

²⁾ D. Inst. VI, 1, 1 (M. VI, 634 D); срав. II, 3, 25 (M. VI, 268 A), III, 13, 12 (M. VI, 385 B), V, 4, 1 (M. VI, 562 A).

³⁾ Quod erat officium suscepti muneris, divino Spiritu instructe ac suffragante ipsa veritate, complevimus (D. Inst. VI, 1, 1; M. VI, 633 D).

⁴⁾ Erit. 1, 1 (M. VI, 1017 C). Въ этомъ главномъ сочиненіи Л. изслѣдователями обыкновенно вполнѣ признаются достоинства вышшняго изложенія и языка апологета, но вмѣстѣ съ тѣмъ иногда съ особенной настойчивостью проводится мысль о несамостоятельности Л., о заимствованіи имъ своихъ мыслей изъ сочиненій другихъ авторовъ, языческихъ и христіанскихъ. Такъ дѣлаетъ особенно Брандтъ. На преувеличенія и увлеченія послѣдняго въ этомъ отношеніи указалъ изъ западныхъ изслѣдователей Бельсеръ. Вотъ собственное мнѣніе тюбингенскаго богослова о D. Institutiones. «Въ этомъ сочиненіи насъ поражаетъ масса богословскихъ знаній, которую обнаруживаетъ Лактанцій, прежде язычникъ, много лѣтъ преподававшій риторику и мірянинъ. Очевидна основательность его въ знаніи св. Писанія Ветхаго Завѣта, пророчествами котораго о страданіяхъ и смерти Христа онъ во всемъ ихъ объемѣ воспользовался съ большимъ искусствомъ. Но и въ Новомъ Завѣтѣ Лактанцій можетъ быть болѣе свѣдущъ (versiert), чѣмъ, повидимому, думаютъ нѣкоторые. Во всякомъ случаѣ то стоитъ твердо, что отъ новаго издателя Institutionum ускользнули нѣкоторые намеки на мѣста въ Евангеліяхъ, особенно въ Евангеліи Іоанна и въ посланіяхъ. Наконецъ, не мало разъясненій автора по предметамъ христіанской морали можно назвать прямо образцовыми. Эти достоинства Institutionum, а также то обстоятельство, что Л. въ этомъ трудѣ своемъ далъ первое на западѣ философское обоснованіе христіанства (philosophische Begründung des Christenthums), при чемъ перешелъ къ защитѣ христіанской истины прямо отъ своей языческой дѣятельности, послужили также названному изслѣдователю однимъ изъ основанийъ для вывода о времени составленія Institutionum. См. Th. Quartalschr., 1892, 2 Heft, s. 250—251.

Составлено было сочинение въ периодъ Диоклетіанова преслѣдованія христіанъ, именно начато было, какъ нужно думать, въ 304 году, послѣ составленія книги *De officio dei*, написанной также уже во время гоненія на христіанъ, закончено же, повидимому, въ 307 или 308 году, если не позже ¹⁾. Оно начато было и продолжено еще во время жительства Лактанція въ Никомидіи, доведено же до конца уже, кажется, по выѣздѣ оттуда въ Галлію. Въ Никомидіи, какъ можно теперь, хотя и не съ полной увѣренностью, думать послѣ изысканій Брандта ²⁾, Лактанцій не только собралъ и привелъ въ порядокъ матеріалъ для сочиненія, а также намѣтилъ планъ его, но и написалъ большую часть предположенныхъ ³⁾ и дѣйствительно написанныхъ имъ книгъ *Divinarum Institutionum*. Что написано въ Никомидіи и что послѣ оставленія этого города—сказать трудно. Во всякомъ случаѣ тѣ части пятой книги, въ которыхъ содержится описаніе гоненія, составлены не въ Никомидіи, какъ ясно видно изъ употребленныхъ Лактанціемъ выраженій ⁴⁾. Быть можетъ, допускаетъ Брандтъ, эту книгу набросалъ Лактанцій уже и въ Никомидіи, но все же во многомъ иначе, чѣмъ какъ явилась она въ своей окончательной редакціи

¹⁾ Доказательства см. у Brandt, Ueber d. L. d. L., 30 ff., особенно же въ Ueber d. Entst. d. P. d. L., 11 ff. Брандтъ отчасти основывается какъ и самъ указываетъ, на P. Meyer, Quaest. Lactant. particula prima, pag. 1—4. Срав. сужденія полемизирующаго съ Брандтомъ Вельсера (Belser) въ Theol. Quartalschrift, 1892, Heft 3, S. 454, 464 и др. По мнѣнію Вельсера, которое онъ мотивируетъ (I. c., Heft 2, S. 249 ff), Institutiones окончены въ концѣ 310 или началѣ 311 года и изданы въ послѣднемъ изъ названныхъ годовъ.

²⁾ Brandt, Ueber d. L. d. L., 26 слл., особенно Ueber d. Entst. d. P. d. L., 18 слл.; ср. цитованную статью Вельсера.

³⁾ Div. Inst. I, 1, 20 (M. VI, 118 A): cui (veritati) asserendae atque illustrandae septem volumina destinavimus. Свитки эти были повидимому опредѣленной, по крайней мѣрѣ для автора, величины. Ср. D. Inst. I, 23, 6 (M. VI, 252 A): restant adhuc aliqua, quae ad coarguendas religiones falsas plurimum valeant. Sed iam finem facere libro decrevi, ne modum excedat. Срав. VI, 20, 1 (M. VI, 705 B): Restat ut contra quinque sensuum voluptates dicam breviter; nam et ipsius libri mensura iam modum flagitat.

⁴⁾ Срав. D. Inst. V, 2, 2: ego cum in Bithynia oratorias litteras accitus docerem etc., и V, 11, 15: vidi ego in Bithynia praesidem etc.

въ Галліи ¹⁾. Возможно, что были сдѣланы Лактанціемъ въ Галліи передѣлки и измѣненія и въ другихъ частяхъ сочиненія, написанныхъ въ Малой Азіи, подобно тому, какъ измѣненія въ раньше написанномъ текстѣ книгъ дѣлались авторами и дѣлаются всегда. О томъ же, что Лактанцій вообще пересматривалъ и отдѣливалъ этотъ трудъ, могутъ свидѣтельствовать его болѣе или менѣе точныя ссылки на предшествующее и послѣдующее изложеніе и вообще на другія части сочиненія ²⁾ и то, что онъ окидывалъ иногда свое сочиненіе или нѣкоторые его части однимъ общимъ взглядомъ ³⁾.

¹⁾ Ueber d. Entst d. P. d. L., 20—21; срав. Ueber d. L. d. L., 41—42.

²⁾ D. Inst. II, 8, 3 (M. VI, 294 A) in quarto libro docere conabimur; II, 8, 44 (M. VI, 302 A) ut in primo libro diximus; IV, 7, 8 (M. VI, 465 A) de quo disseremus in ultimo libro; V, 3, 11 (M. VI, 558 A) quia in secundo et superiore libro — — dixi; VI, 1, 10 (M. VI, 637 A) sicut in secundo libro docuimus; VI, 6, 1 (M. VI, 652 C) quia praene declaratum est in libro tertio etc.; VI, 7, 2 (M. VI, 658 A) quod libro praecedente monstravimus; VI, 9, 23 (M. VI, 666 A) ut in tertio docui; VII, 1, 24 (M. VI, 738 B) ut in quarto libro — — diximus; VII, 5, 12 (M. VI, 751 A) quoniam in secundo libro universa exsecuti sumus; VII, 14, 5 (M. VI, 781 A) in secundo libro explicavimus. Здѣсь, какъ видимъ, есть ссылки на книги не непосредственно предшествующія или послѣдующія, и эти ссылки, для того, чтобы можно было сдѣлать ихъ, требовали предварительно справокъ. Кроме того встрѣчаются глухія ссылки на предшествующія книги: VII, 12, 15—16 (M. VI, 774 B) ut docuimus и sicut ostendi (ссылки на третью и предш. главы седьмой книги), или VII, 5, 8 (M. VI, 750 B) haec fere in prioribus libris sparsim docuimus; подобное въ VII, 14, 2 (M. VI, 780 A). Меньшее значеніе въ данномъ случаѣ имѣютъ ссылки на непосредственно почти предшествующее и слѣдующее дальшее изложеніе: III, 4, 14 (M. VI, 358 B) ut docui (ссылка на предш. главу); IV, 26, 25 (M. VI, 528 B) sicut superius exposui (именно въ предш. главахъ); IV, 29, 10—11 (M. VI, 539 BC)—имѣются въ виду приведенныя въ 13 и 19 главахъ мѣста изъ пророковъ; V, 17, 17 (M. VI, 606 B) sed haec alio loco plenius (именно въ слѣд. главѣ); VI, 17, 16 (M. VI, 695 C) ut supra docui (въ одной изъ предш. главъ); VI, 17, 24 (M. VI, 697 A) mox docebo (ссылка на слѣд. главу); VII, 3, 15 (M. VI, 744 A) ut paulo ante dicebam (т. е. въ предш. главѣ); VII, 5, 17 (M. VI, 752 B) ut ante diximus (нѣсколько выше въ той же главѣ); VII, 6, 9 (M. VI, 758 C) superius comprehendimus (въ одномъ изъ предш. §§); VII, 7, 14 (M. VI, 761 A) sicut nos superius fecimus (именно въ предш. главѣ).

³⁾ Срав. напр. начало VI книги, вѣтвь VI, 3, 5 (M. VI, 642 A).

Около того же приблизительно времени или не особенно долго спустя могло быть написано Лактанціемъ сочиненіе, которое было имъ посвящено Асклепіаду и о которомъ имѣется лишь глухое указаніе у Іеронима въ словахъ: (habemus eius, i. e. Lactantii) ad Asclepiadem libros duos ¹⁾. Въ ту пору, когда Лактанцій писалъ седьмую книгу своихъ *D. Institutionum*, именно четвертую главу этой книги, между нимъ и Асклепіадомъ были уже очень хорошія отношенія, такъ что Лактанцій называлъ Асклепіада „*Asclepiades noster*“, послѣдній же посвятилъ или прислалъ Лактанцію, можетъ быть около того же времени, особое сочиненіе, въ которомъ „прекрасно“, по отзыву Лактанція, разсуждалъ о Провидѣніи Божиемъ ²⁾. О содержаніи этого сочиненія Лактанція, за его утратой и за отсутствіемъ какихъ либо частнѣйшихъ указаній на него, судить нельзя. Одно развѣ можно сказать, въ видѣ догадки, что такъ какъ Асклепіадъ писалъ о Провидѣніи Божиемъ, то и Лактанцій могъ касаться въ своемъ сочиненіи того же предмета и вообще религіозныхъ темъ.

Въ *Div. Inst.* Лактанцій указалъ еще на одно задуманное имъ сочиненіе. Здѣсь въ одномъ мѣстѣ онъ выразилъ мысль, что

¹⁾ Brandt въ *Ueber d. Entst. d. P. d. L.*, 127, примѣч., призналъ за *Versehen* съ своей стороны то, что въ *Ueber das in dem patrist. Excerptencodex F. 60. Sup. der Ambrosiana enthaltene Fragment des Lactantius De motibus animi*, стр. 14—15, двѣ книги къ Асклепіаду отнесъ онъ къ книгамъ, написаннымъ въ формѣ писемъ. Это послѣднее мнѣніе, т. е. мнѣніе о книгахъ писемъ къ Асклепіаду, выражено также въ *Praefatio Nic. Lenglet Dufresnoy in Lactantium*, см. *Migne VI*, 71 C,—у *Overlach*, стр. 10; напротивъ у *Bähr*, S-B., II, 80 говорится только о «*zwei Bücher ad Asclepiadem*», у *Bertold*, стр. 24, также о «*2 Bücher an Asclepiades*», особо отъ писемъ. И дѣйствительно, въ текстѣ Іеронима нѣтъ основанія для мысли, что упоминаемыя имъ «двѣ книги къ Асклепіаду» были именно письма: онъ говоритъ о нихъ отдѣльно отъ писемъ, именно его замѣчаніе объ этихъ книгахъ къ Асклепіаду отдѣляется отъ свидѣтельства о письмахъ Л. сообщеніемъ о томъ, что Л. написалъ *de persecutione librum unum*.

²⁾ *Optime Asclepiades noster de providentia summi dei disserens in eo libro, quem scripsit ad me etc. D. Inst. VII, 4, 17 (M. VI, 748 B).*

предстоять страшный судъ, когда Богъ изольетъ чашу Своего гнѣва, но что теперь пока Онъ терпитъ грѣхи людей. По связи мыслей автору пришлось при этомъ упомянуть о мнѣніи, будто Богъ не гнѣвается (ne irasci quidem deum omnino), и вотъ здѣсь-то, сказавши, что упомянутое мнѣніе пагубно для религіи, апологетъ и выразилъ намѣреніе рассмотреть этотъ обширный предметъ въ подробности въ особомъ сочиненіи ¹⁾. Свое намѣреніе онъ осуществилъ въ сочиненіи *De ira dei*, написанномъ вѣроятно вскорѣ послѣ *Div. Instit.* ²⁾ и адресованномъ къ нѣкому Донату ³⁾, съ тою ближайшею цѣлію, какъ видно изъ собственныхъ словъ автора, чтобы Донатъ не увлекся философскими возраженіями противъ возможности представлять Бога гнѣвающимся ⁴⁾ и могъ опровергнуть такого рода возраженія ⁵⁾. Этотъ Донатъ былъ, можетъ быть, ученикъ Лактанція, связанный съ нимъ пріязнью и потому особенно интересовавшій его своей внутренней жизнью и вліяніями, подъ которыми могла проходить и проходила эта жизнь. Лактанцію хотѣлось предупредить вліяніе на Доната нѣкоторыхъ философскихъ взглядовъ по разсматриваемому предмету, тѣмъ болѣе возможное,

¹⁾ *Seponatur interim nobis hic locus de ira dei disserendi, quod et uberior est materia et opere proprio latius exequenda. D. Inst. II, 17, 5 (M. VI, 342 AB).*

²⁾ По Brandt, *Ueber d. Entst. d. P. d. L.*, 21 (срав. 10) о времени составленія соч. *De ira*, которое въ большей своей части представляетъ повтореніе или изложеніе мыслей *Institutionum* и въ которомъ (2, 5. 6. 11, 2, по указ. Брандта, и еще кромѣ того въ 17, 12—M. VII, 129 B) дѣлаются прямыя ссылки на *Institutiones*, нельзя сказать ничего больше, кромѣ того, что Л. написалъ его въ возможно скоромъ времени (*möglichst bald*) послѣ *Institutiones*, чтобы выполнить данное тамъ обѣщаніе, именно въ 308 г. или вскорѣ послѣ 308 г. и не позже 310 г., если согласиться съ Брандтомъ. Сравн. однако статью *Ueber den Verfasser des Buches de mort. pers.* въ *Theolog. Quartalschrift*, 1892, Heft. 3, s. 454 folg.

³⁾ Этого Доната нужно, кажется, отличать отъ Доната Исповѣдника, которому посвящена книга *De mort. pers.* См. Brandt, *Ueber d. Entst. d. P. d. L.*, 21. 61 ff. Въ томъ же смыслѣ и по тѣмъ же въ сущности основаніямъ еще раньше высказался Le Nourgy. Сравн. M. VII, 155—156. Впрочемъ сравн. мнѣніе Бельсера, l. c., s. 453 ff.

⁴⁾ *De ira dei* 1, 2 (M. VII, 79 C—80 B).

⁵⁾ *De ira* 22, 1 (M. VII, 141 A).

что Донатъ, какъ кажется, еще не былъ достаточно свѣдуещъ въ христіанскомъ ученіи, почему Лактанцій и написалъ книгу *De ira dei*, въ которой раскрываетъ извращенность стоическаго и эпикурейскаго ученія о существѣ Божіемъ и разъясняетъ правильное понятіе по этому предмету, предполагающее необходимость представлять Бога съ упомянутымъ свойствомъ. Впрочемъ это сочиненіе, также какъ и послѣдовавшее за нимъ сокращенное, въ нѣкоторыхъ же пунктахъ измѣненное и дополненное изданіе *Div. Instit.*, сдѣланное по просьбѣ нѣкаго Пентадія, появилось уже нѣсколько позже, когда Лактанцій перемѣнилъ Никоидію на новое мѣсто жительства ¹⁾).

По всей вѣроятности во время пребыванія Константина при дворѣ Діоклетіана и Галерія въ Никоидіи, Константинъ узналъ Лактанція и послѣдній, должно быть, произвелъ на него весьма благопріятное впечатлѣніе ²⁾, почему онъ и пригласилъ Лактанція къ своему двору въ Триръ ³⁾, гдѣ до конца 316 г. была рези-

¹⁾ См. Brandt, Ueber d. Entst. d. P. d. L., 134. Срав. Belsler, l. c., s. 464.

²⁾ Вертольдъ, стр. 10, замѣчаетъ, что свойственныя Л. «благородный образъ мыслей и глубокая ученость не ускользнули отъ взора проницательнаго» Константина. Они же могли больше всего побуждать Константина—довѣрить Л. обученіе своего сына.

³⁾ Вертольдъ, 10, говоритъ, что Константинъ пригласилъ Л. въ Константинополь на указанную должность. Вотъ подлинныя слова Вертольда: Als Constantin im Jahre 312 die Herrschaft über den ganzen römischen Westen erhalten, berief er den Laktantius, dessen edle Gesinnung und tiefe Gelehrsamkeit dem scharfsichtigen Kaiser nicht entgangen waren, nach Konstantinopel, um seinen Sohn Crispus in der Beredsamkeit und den schönen Wissenschaften zu unterrichten. Nachdem derselbe zum Cäsar und Statthalter Galliens im Jahre 317 ernannt worden war, folgte der Lehrer seinem kaiserlichen Zöglinge nach Trier». Приведенныя слова почти дословно повторяетъ Jansen, 9. Этому мнѣнію слѣдуетъ противопоставить хорошо обоснованное заключеніе Брандта. Въ Ueber d. L. d. L., 32, касаясь вопроса о томъ, когда оставилъ Л. свое мѣстопребываніе въ Виеннѣ и куда отсюда отправился, и приведши слова Іеронима изъ *De vir. ill. c. 80* о Л.: *hic extrema senectute magister Caesaris Crispi filii Constantini in Gallia fuit, qui postea a patre interfectus est* и затѣмъ изъ хроники *ad a. Abr. 2333*: *Crispus et Constantinus filii Constantini, et Licinius adulescent; Licini Augusti filius Constantini ex sorore nepos, Caereres appellantur, quorum Crispum Lactantius latinis litteris erudivit vir omnium suo tempore eloquentissimus,*

денція Константина, въ качествѣ учителя своего старшаго сына Криспа, которому Лактанцій, какъ видно изъ словъ Іеронима, долженъ былъ преподавать латинскій языкъ и литературу. Это приглашеніе, конечно, могло состояться только послѣ удаленія самого Константина изъ Никомидіи, а это какъ разъясняетъ Брандтъ¹⁾, произошло около середины 306 г., такъ какъ Константинъ засталъ еще въ живыхъ въ Эбуракъ (Евбургисум) своего отца Констанція, умершаго 25 іюля 306 г. Переселеніе Лактанція въ Галлію, какъ разъясняетъ тотъ же изслѣдователь, должно было совершиться въ возможно скоромъ времени послѣ возвращенія туда Константина, и именно въ 308 или даже 307 году²⁾. Константинъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, долженъ былъ спѣшить съ образованіемъ своего—тогда единственнаго—сына Криспа, на которомъ покоились всѣ его надежды на дальнѣйшее продолженіе династіи. Съ другой стороны и Лактанція, потерявшаго прежнее мѣсто латинскаго ритора въ Никомидіи, ничто больше не удерживало здѣсь; напротивъ, при установившихся тамъ и дѣлавшихся для него болѣе и болѣе тяжелыми отношеніяхъ, онъ долженъ былъ рваться вонъ изъ Никомидіи.

sed adeo in hac vita pauper, ut plerumque etiam necessariis indiguerit, говорятъ, что, кромѣ указанныхъ, нѣтъ больше никакихъ извѣстій о дальнѣйшей судьбѣ Л. и что «о другомъ мѣстѣ жительства его, послѣ жизни въ Никомидіи, кромѣ Галліи, о чемъ свидѣтельствуетъ Іеронимъ, ничего не можеть сообщить и послѣдній, и нѣтъ никакого въ этомъ родѣ намека и у самого Лактанція». Сравн. однако соображенія Бельсера, въ вышецитованной статьѣ его, стр. 463.

¹⁾ Ueber. d. Entst. d. P. d. L., 18.

²⁾ Брандтъ въ Ueber d. L. d. L., 33 слл. высказалъ мнѣніе, что переѣзд Л. произошелъ въ 308 г. По заключенію этого изслѣдователя въ яданномъ вѣсколко позднѣе изслѣдованіи Ueber d. Entst. d. P. d. L., 18 слл., ничто не мѣшаетъ допустить (es steht nichts der Annahme entgegen), что указанное событіе совершилось уже въ 307 году. Бельсеръ (Belsler) въ вышеуказанной статьѣ своей въ Theol. Quartalschr., стр. 459. доказываетъ, что приглашеніе Л. въ Триръ послѣдовало въ 316 г. Нужно думать, что авторъ подробнѣе раскроетъ свой взглядъ на этотъ, какъ и на другіе спорные вопросы въ жизни Л. На стр. 458 онъ говоритъ: Wir werden in unserer späteren Arbeit ausführlicher über das Leben des Laktanz reden müssen, weil wir mit den Ausführungen Brandts in wichtigen Punkten nicht übereinstimmen.

Дѣятельность Лактанція въ качествѣ учителя Криспа могла продолжаться до 317 года, когда Криспъ сдѣлался цезаремъ, если только не окончилась, что также возможно, нѣсколько раньше указанного года ¹⁾. За это время Лактанцій успѣлъ не только выполнить порученную ему Константиномъ задачу, но и выполнить нѣсколько своихъ литературныхъ плановъ, именно закончить и отдѣлать *Div. Institutiones*, написать *De ira dei*, составлявшее дополненіе къ первому сочиненію по одному изъ затронутыхъ, но детально не разсмотрѣнныхъ въ немъ вопросовъ, и наконецъ составить *Epitome Divinarum Institutionum* ²⁾. Въ это же время Лактанцій носился съ планами еще другихъ литературныхъ трудовъ. Въ концѣ четвертой книги *Div. Inst.*, коснувшись слегка ересей и сектъ, онъ писалъ: „послѣ мы будемъ полнѣе и обстоятельнѣе, въ особомъ и отдѣльномъ трудѣ, полемизировать противъ всѣхъ ложныхъ сектъ“ ³⁾. Своей мысли написать обширное полемическое сочиненіе, въ родѣ немалочисленныхъ въ древней церковно-исторической литературѣ сочиненій „*Adversus omnes haereses*“, не оставилъ онъ и въ то время, когда писалъ книгу *De ira dei*. Здѣсь, упомянувши о разныхъ заблужденіяхъ человѣческихъ и замѣтивши объ опроверженіи нѣкоторыхъ изъ этихъ заблужденій въ IV книгѣ *Div. Inst.*, Лактанцій прибавляетъ; „тщательнѣе (же) будемъ мы опровергать ихъ послѣ, когда станемъ отвѣчать всѣмъ сектамъ“ ⁴⁾. Кроме того, въ началѣ седьмой книги *Institutionum*, упомянувши по одному поводу объ іудеяхъ, о преступленіяхъ и о нѣкоторыхъ напрасныхъ надеждахъ ихъ, Лактанцій замѣчаетъ, что онъ будетъ особо говорить объ іудеяхъ и изобличать ихъ заблужденія и пре-

¹⁾ Подробное обоснованіе этого взгляда Brandt даетъ въ изслѣдованіи *Ueber d. L. d. L.*, 34 слл. Сравни. Belsler, l. c., стр. 459.

²⁾ По Brandt, *Ueber d. Entst. d. P. d. L.*, 134, соч. *De ira* составлено вскорѣ послѣ 308 г., когда были закончены *Institutiones*, *Epitome* же—въ 313, 314 г. Сравни. Belsler l. c., стр. 258 сл. и стр. 464. По обстоятельно мотивированному мнѣнію Бельсера, *Epitome* закончено въ 315 или 316 г.

³⁾ *D. Inst.* IV, 30, 14 (M. VI, 544 A): *postea plenius et uberius contra omnes mendaciorum sectas proprio separatoque opere pugnabimus.*

⁴⁾ *De ira* 2, 6 (M. VII, 83 A): *quos... refutabimus postea diligentius, quum respondere ad omnes sectas coeperimus etc.*

ступленія ¹⁾. Такимъ образомъ Лактанцій задумалъ сочиненіе въ родѣ также многочисленныхъ сочиненій „Adversus Iudaeos“. Написать ли онъ предположенія имъ произведенія, мы не знаемъ: о дѣйствительно составленныхъ Лактанціемъ книгахъ съ означеннымъ содержаніемъ никакихъ указаній не имѣется ни у Иеронима, ни у другихъ писателей, и вообще нѣтъ никакихъ слѣдовъ ихъ существованія. Поэтому нельзя совершенно исключать возможности предположенія, что означенныя сочиненія остались только въ проектѣ, хотя рѣшительность, съ которою выражалъ Лактанцій свое намѣреніе заняться указанными темами и которая была чужда даже малѣйшаго слѣда условности или намекъ на нее, располагаетъ къ мысли, что Лактанцій если и не написалъ предположенныхъ сочиненій, то по крайней мѣрѣ сдѣлалъ хотя что нибудь для осуществленія задуманнаго плана ²⁾.

Вообще многого изъ написаннаго Лактанціемъ не сохранилось до позднѣйшаго, въ томъ числѣ и нашего, времени. При Иеронимѣ эти сочиненія еще существовали. Названный писатель, кромѣ извѣстныхъ нынѣ сочиненій Лактанція, имѣлъ, повидимому, подъ руками еще Symposium, 'Ὀδοσπορικόν, librum qui inscribitur Grammaticus, ad Asclepiadem libros duos, ad Probum epistolarum libros quatuor, ad Severum epistolarum libros duos, ad Demetrianum epistolarum libros duos ³⁾. Въ настоящее время объ этихъ литературныхъ трудахъ извѣстно не многимъ болѣе ихъ названій ⁴⁾. Съ другой стороны приписывалось и приписывается Лак-

¹⁾ D. Inst. VII, 1, 26 (M. VI, 739 A): sed erit nobis contra Iudaeos separata materia, in qua illos erroris et sceleris revincemus.

²⁾ Что касается отсутствія у Иеронима указанія на эти сочиненія, то это обстоятельство не представляетъ особенной важности, въ виду признанныхъ пробѣловъ въ литературныхъ указаніяхъ книги De viris ill. Сравн. сказанное по поводу De Phoenice у Брандта въ Ueber d. Entst. d. P. d. L., 131—132.

³⁾ См. De vir. ill., cap. LXXX (Migne, t. XXIII, col. 687 B).

⁴⁾ Кое-что изъ Лактанція сохранилось въ отрывкахъ. См. fragmenta у Fritzsche II, 286 сл. Одинъ изъ фрагментовъ подробно рассмотрѣвъ въ недавнее время Брандтомъ въ его изслѣдованіи Ueber das in dem patr. Excerptencodex der Ambrosiana enthaltene Fragment des Lact. De motibus animi. Проанализировавши фрагментъ и признавъ его подлиннымъ, авторъ выразилъ предположеніе (стр. 14—15), что «озна-

танцію авторство произведений, принадлежность которых ему сомнительна или прямо невозможна ¹⁾).

Къ послѣднимъ годамъ жизни Лактанція съ большою вѣроятностію можно относить одну замѣтку у Иеронима, который говоритъ, что Лактанцій велъ жизнь полную лишеній: *adeo in hac vita pauper, ut plerumque etiam necessariis indiguerit, nedum deliciis.*

ченый отрывокъ, — если только Лактанцій не составилъ прозаическихъ сочиненій, которыя остались Иерониму неизвѣстны, — относился къ одной изъ книгъ въ формѣ писемъ, которыя перечисляетъ Иеронимъ въ *De vir. ill.* 80. Къ числу фрагментовъ изъ Л. названный немецкій ученый присоединилъ еще одинъ маленькій. См. *Ueber die Entst. d. P. d. L.*, 127.

¹⁾ Книга *De mortibus persecutorum*, какъ доказываетъ Брандтъ въ *Ueber d. Entst. d. P. d. L.*, 22—123, не можетъ, кажется, имѣть авторомъ Лактанція. Впрочемъ по этому предмету еще возможны споры, какъ доказываетъ статья Бельсера въ *Theol. Quartalschrift*. Болѣе общепривычнымъ является мнѣніе, что стихотвореніе *De resurrectione*, иногда надписываемое *De resurrectione Christi* или *Domini*, также *De Pascha* (въ одномъ вѣнскомъ кодексѣ) или *Elegiacum tempore pascali* (въ другомъ кодексѣ) принадлежитъ Венацію Фортунату, а не Л., которому приписывается въ двадцати новыхъ рукописяхъ. Принадлежитъ ли Л. стихотвореніе *De passione Domini* или не принадлежитъ, до послѣдняго времени оставалось нерѣшеннымъ. Тотъ же Брандтъ подвергъ этотъ вопросъ новому изслѣдованію (въ *Commentationes Woelfflinae, Lipsiae, 1891, p. 79—84*) и, на основаніи содержанія и языка стихотворенія, пришелъ къ заключенію, что названное стихотвореніе не могло даже появиться въ первые христіанскіе вѣка, а представляетъ собою вирши какого нибудь гуманиста (на этотъ свой выводъ кратко указываетъ авторъ и въ *Ueber d. Entst. d. P. d. L.*, 132—133). Впрочемъ разсужденія Брандта въ нѣкоторыхъ частностяхъ могутъ быть оспариваемы. Брандтъ напр., говоритъ: «Правда, I. Бапт. Эгнацій, который первый причислилъ это стихотвореніе къ произведеніямъ Лактанція, именно въ Альдинскомъ изданіи 1515 г. говоритъ: ... *saepius...*, quod in vetustis exemplaribus invenimus; однако здѣсь повидимому слово *exemplaria* означаетъ не рукописи, но печатныя изданія, такъ какъ совершенно невѣроятно, чтобы Эгнацій имѣлъ больше даже, чѣмъ одну рукопись, и притомъ болѣе древняго происхожденія, между тѣмъ какъ теперь нельзя указать ни одной рукописи» [съ стихотвореніемъ *De passione Domini*], «притомъ даже въ Марковой библиотекѣ, въ которой есть 12 рукописей Лактанція; а Эгнацій въ своемъ посвященіи называетъ себя *Venetus*» (*Comment. Woelffl.*, p. 79—80). Здѣсь представляется нѣсколько поспѣшнымъ заключеніе отъ отсутствія рукописей разсматриваемаго стихотворенія въ настоящее время къ отсутствію ихъ и 400 почти лѣтъ назадъ, около 1515 г., когда вышло упомянутое Альдинское изданіе.

Эту бѣдность въ прежнее время считали невольною и такъ какъ, по замѣчанію Оверлаха, полагали, что она не можетъ мириться съ положеніемъ Лактанція при дворѣ Константина, то или относили ее къ предшествующему періоду жизни Лактанція или ставили въ связь съ паденіемъ Криспа. Первое мнѣніе едва ли можетъ быть принято по указаннымъ выше основаніямъ. Сравнительно болѣе удобопріемлемо мнѣніе тѣхъ, которые ставятъ бѣдность Лактанція въ соотношеніе съ судьбою Криспа и съ немилостію Константина. Допускаетъ это предположеніе и Брандтъ, хотя и съ оговоркою ¹⁾. По третьему мнѣнію, бѣдность Лактанція была бѣдностью добровольною. Вотъ, напр., какъ разсуждаетъ по этому предмету одинъ изъ сторонниковъ такого мнѣнія, именно Оверлахъ. Если, говоритъ онъ, вспомнить, какими ненадежными, сомнительными благами кажутся Лактанцію имущество и земныя наслажденія и какою прекрасною представляется жизнь самоотверженная, то окажется болѣе вѣроятнымъ, что въ вышеуказанномъ свидѣтельствѣ Іеронима имѣется въ виду вся вообще жизнь Лактанція, въ которой матеріальная скудость до такой степени гармонировала съ его взглядами и настроеніемъ, что и удовольствія императорскаго двора не могли расположить его къ перемѣнѣ стараго и обычнаго образа жизни. Такому представленію дѣла вполне соответствуетъ впечатлѣніе, производимое на непредубѣжденнаго читателя сочиненіями Лактанція: въ нихъ видѣнъ человекъ, глубоко проникнутый попеченіемъ о душевномъ благѣ своемъ и ближнихъ. Заключительныя слова *Institutionum*, какъ и сочиненія *De officio dei*, въ этомъ отношеніи весьма характерны ¹⁾. Я, говоритъ Лактанцій, буду

¹⁾ Брандтъ въ *Ueber d. L. d. L.*, 40, сказавши: «предполагали, что эта бѣдность Л. стояла въ связи съ тѣмъ, что его постигла немилость Константина въ связи съ судьбою Криспа», продолжаетъ: «это возможно; однако можно сказать то или другое, что ослабляетъ эту возможность». Впрочемъ дальше этого не совсемъ опредѣленнаго замѣчанія Брандтъ въ этомъ мѣстѣ не идетъ. Въ позднее изслѣдованіе *Ueber d. Entst. d. P., d. L.*, гдѣ Брандтъ при случаѣ касается и біографіи Л., по этому предмету онъ не высказывается, оставляя такимъ образомъ вопросъ окончательно нерѣшеннымъ.

²⁾ Нѣмецкій авторъ приводитъ далѣе выборку нѣкоторыхъ мыслей Л. изъ названныхъ сочиненій.

считать себя довольно пожившимъ и выполнившимъ задачу своей жизни, если мой трудъ хотя нѣкоторыхъ освободить отъ ихъ заблужденія и укажетъ имъ путь къ небу ¹⁾. Какимъ великимъ должно быть признано небесное блаженство, когда, освободившись отъ земныхъ бѣдъ, мы предстанемъ предъ тѣмъ праведнымъ Судією и милосерднымъ Отцомъ, который дастъ намъ, вмѣсто трудовъ, покой, вмѣсто смерти—жизнь, вмѣсто мрака—свѣтъ, вмѣсто земныхъ скоропреходящихъ земныхъ благъ — вѣчныя небесныя блага! Съ этою наградою нельзя и сравнивать тѣ непріятности и несчастія, которыя мы въ этомъ мірѣ терпимъ правды ради ²⁾. По этому мы всё должны ревностно стремиться къ тому, чтобы открыть себѣ путь къ вѣчной жизни и оставить путь погибельный, на которомъ скрывается смерть подъ соблазнительнымъ покровомъ грѣховнаго удовольствія ³⁾. На тотъ свѣтъ мы не можемъ ничего взять съ собой, кромѣ доброй жизни; но богатымъ явится предъ Богомъ тотъ, у кого будетъ воздержанность, состраданіе, терпѣніе, любовь и вѣрность. Это—наслѣдство, которое ни у кого не можетъ быть отнято, но, конечно, никому также не можетъ быть и передано ⁴⁾. Приходи же голодный, чтобы утолять свой всегдашній голодъ, приходи жаждущій, чтобы пить спасительное питіе изъ неизсякающаго источника. Благодаря этой божественной пищѣ и этому божественному питью, слѣпые будутъ видѣть, глухіе—слышать, нѣмые—говорить, хромяе—ходить, безумные сдѣлаются здравомыслящими, больные выздоровѣютъ, мертвые оживутъ. Всякаго, кто пренебрегаетъ соблазнительными благами этой жизни, воскреситъ для свѣта и вѣчной жизни Великій и Праведный Судія ⁵⁾. По этому будемъ стремиться къ праведности, которая одна приведетъ къ Богу, и, пока дыханіе жизни оживотворяетъ наши

¹⁾ Оверлахъ очевидно имѣеть въ виду De officio dei 20, 9 (M. VII, 78 A).

²⁾ Очевидно, Оверлахомъ имѣется въ виду Div. Inst. VII, 27, 2 (M. VI, 819A).

³⁾ Срав., особенно для второй половины мысли, D. Inst. VII, 27, 7 (M. VI, 820 A) и выше.

⁴⁾ См. D. Inst. VII, 27, 10—11 (M. VI, 820 B).

⁵⁾ Срав. D. Inst. VII, 27, 12—14 (M. VI, 820 BC).

члены, неустанно будемъ служить нашему Богу, днемъ и ночью оставаться на своемъ постѣ и мужественно бороться съ известнымъ намъ врагомъ, чтобы нѣкогда, торжествуя надъ нимъ побѣду, получить отъ Господа обѣщанную Имъ Самимъ награду за доблесть ¹⁾. Эта нравственная строгость, продолжаетъ нѣмецкій авторъ, отражается повсюду въ сочиненіяхъ Лактанція и придаетъ имъ аскетическій отпечатокъ даже и тамъ, гдѣ ближайшимъ образомъ идетъ дѣло не о спасеніи душевномъ, а о чемънибудь другомъ ²⁾. По поводу приведенныхъ соображеній нельзя однако не замѣтить, что аргументація на основаніи такого рода данныхъ всегда обыкновенно страдаетъ нѣкоторой проблематичностью ³⁾. Во всякомъ

¹⁾ D. Inst. VII, 27, 16 (M. VI, 821 A—822 A).

²⁾ Overlach, 10—11.

³⁾ Также слѣдуетъ сказать относительно догадокъ о томъ, былъ ли Л. дѣвственникомъ или нѣтъ, которыя можно дѣлать на основаніи косвенныхъ данныхъ въ сочиненіяхъ Л., за отсутствіемъ относящихся сюда прямыхъ указаній. Нѣкоторые изъ этихъ косвенныхъ данныхъ располагаютъ къ заключенію, что если бы Л. былъ дѣвственникомъ, то онъ, вѣроятно, дель бы это понять, если не прямо указавъ бы, когда говорилъ о бракѣ и о дѣвствѣ въ Div. Inst. VI, 23 (M. VI, 716, sqq.). Изъ разсужденій, изложенныхъ въ этой главѣ, а равно изъ отдѣльныхъ выраженій въ ней, скорѣе можно вывести заключеніе, что Л. былъ въ супружествѣ, хотя, согласно евангельскому ученію, и высоко цѣнилъ дѣвство. Лактанцій говоритъ здѣсь о *sexus a Deo datus* (D. Inst. VI, 23, 10, = M. VI, 717 A), говоритъ, что *quisquis affectus illos frenare non potest, cohibeat eos intra praescriptum legitimi tori* и проч. (D. Inst. VI, 23, 13 = M. VI, 717 B), говоритъ о законѣ продолженія рода, какъ обязательномъ для человѣка, замѣчая, что *huic divinae legi summa devotione parendum est* (D. Inst. VI, 23, 19 = M. VI, 718 B), — сказавши: *nec vero aliquis existimet, difficile esse frenos imponere voluptati, eamque vagam et errantem castitatis pudicitiaeque limitibus includere, cum propositum sit hominibus eam vincere, ac plurimi beatam atque incorruptam corporis integritatem retinuerint multique sint, qui hoc caelesti genere vitae felicissime perfruantur*, — дѣлаетъ слѣдующую оговорку: *quod quidem Deus non ita fieri praecipit, tamquam adstringat, quia generari homines oportet, sed tamquam sinat* (D. Inst. VI, 23, 37—38 = M. VI, 721 A). Это *sinat* характерно. Не лишена также значенія фраза: *Cauendum igitur, ne occasionem vitiis nostra intemperantia demus, sed adsuescant etc.* (D. Inst. VI, 23, 32 = M. VI, 720 A). Конечно, выраженіе *nostra* употреблено здѣсь въ общемъ смыслѣ, а не въ примѣненіи спеціально къ Лактанцію; но едва ли подлежитъ сомнѣнію и то, что врядъ ли

случаѣ, была ли бѣдность Лактанція добровольною или вынужденною, Лактанцій послѣдніе годы своей жизни провелъ уже не при дворѣ ¹⁾ и не въ томъ положеніи, на какое приглашенъ былъ изъ Никомидіи. Покончивъ свои занятія съ Криспомъ около 317 года, когда тотъ сдѣлался Цезаремъ, Лактанцій, какъ съ вѣроятностью догадывается Брандтъ, остался въ Трирѣ, гдѣ и умеръ ²⁾; по крайней мѣрѣ у Иеронима сообщеніе объ его жизни оканчивается указаніемъ на его пребываніе въ Галліи ³⁾. Умеръ онъ, какъ можно думать, около 340 года ⁴⁾, послѣ 80-лѣтней приблизительно жизни, оставивъ по себѣ память одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ и популярныхъ представителей древне-христіанской литературы.

А. С — вѣ.

выразился бы такъ человекъ ~~не женатый и тѣмъ большѣ~~ давній объѣтъ дѣвства. Вообще приведенныя и подобныя разсужденія и выраженія болѣе уместны въ устахъ человека, находящагося въ бракѣ. Но (это необходимо повторить) такое заключеніе все же проблематично. Изъ того, напримѣръ, что говоритъ здѣсь Л. (D. Inst. VI, 23, 23 sqq=M., col. 719—720) объ условіяхъ супружеской вѣрности еще нельзя заключать, что и самъ авторъ былъ женатъ: о такихъ вещахъ судятъ и не по личному опыту.

¹⁾ Срав. Bertold, 11.

²⁾ Ueber d. Entst. d. P. d. L., 91. Срав. Overlach, 11.

³⁾ Впрочемъ въ главахъ Брандта, который обратилъ вниманіе на это обстоятельство (Ueber d. L. d. L., 40), авторитетъ этого сообщенія Иеронима долженъ стоять не слишкомъ высоко: сравн. сужденія въ процитованной брошюрѣ на стр. 36—40 по поводу того сообщенія Иеронима, въ концѣ котораго содержится указаніе на жизнь Л. въ Галліи, принимаемое Брандтомъ во вниманіе въ данномъ случаѣ.

⁴⁾ Brandt, Ueber d. L. d. L., 40; Ueber die Entst. d. P. d. L., 94. Срав. Lact. vita въ Migne, VI, 78 C; Overlach, 11; Ebert, 2 Aufl, 74, съ другой стороны — Bähr, Suppl. — В., I, 21, II, 72, и Bertold, 11.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки